

КОЛЫБЕЛЬ АСТАРИАНЫ

КНИГА 1. ТЕНИ СУДЬБЫ

АЛЕКС БЭЙЛОР

Всего несколько лет назад между крупнейшими королевствами на территории Астариса закончились кровопролитные войны. Но слухи о возрождении могущественнейшего артефакта в мире, камня Агэльфиуса, разжигают новую, заключительную и самую разрушительную партию, в финальной битве за весь Астарис.

Честь и долг. Любовь и предательства. Грань между добром и злом стирается. Свет и Тьма сплетаются воедино.

Любой житель Астариса от обычного крестьянина и оруженосца рыцаря, до короля и магистра ордена магов, грезит обладанием всемогущим Агэльфиусом.

Но смогут ли люди, погрязшие в слепой и алчной погоне за могуществом и богатством подготовиться к пришествию тех, кто посеет смерть и хаос?

На какие жертвы способны пойти главные герои Астарианы, чтобы сохранить право за существование самой реальности?

ПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Свэйн медленно раскрыл глаза. Во рту стоял металлический привкус крови. В воздухе витало омерзительное трупное зловоние. Повсюду были горы трупов. Небо заволкло пеленой густого тумана. Свэйн отхаркнулся и зашелся в сильном приступе кашля. Все тело ломало от ужасающей боли. Он пролежал так несколько секунд, и в следующий миг, попытавшись встать, юноша понял, что не чувствует ног.

Преодолевая боль в пояснице, Свэйн приподнялся на локтях, и перевел взгляд на ноги. От увиденного ему сделалось дурно. Ниже колен была неразборчивая кровавая мешанина. Свэйн широко раскрыл глаза и попытался закричать, но вместо этого раздалось какое-то булькающее мычание. Он зашелся в сильном приступе кашля, и изо рта полилась кровь.

Откашлявшись, он ощутил новый приступ боли в легких и ребрах. Казалось, эти мучения никогда не кончатся. Свэйн застонал. Кое-как перевернувшись набок, он провел рукой по спине, и завопил.

Из левого бока выпирал стилет. Едва коснувшись рукояти, Свэйн взвыл от дикой боли, и тут же отдернул руку. По щекам поползли слезы.

Мужчина оторвал лоскут от рубахи, и сунул в рот. Болезненно сжав челюсти, он снова дернул рукоять. Адская боль пронзила все тело, в глазах заискрилось, и Свэйн заорал во все горло. Это был нечеловеческий крик. Словно вопль раненого на охоте оленя или загнанного вепря. Он бился в судорогах, изнемогая от парализующей боли.

Вдруг где-то вдалеке раздался пронзительный утробный рев. Лавина стремительно надвигающейся темноты начала пожирать все зримое пространство.

Их время настало.

Глаза Свэйна начали смыкаться. Дышать становилось все тяжелее. Раздался булькающий звук, из приоткрытого рта антрексийского лучника хлынула черная кровь.

Они были уже здесь.

Со всех сторон на него надвигался громopodobный стук копыт.

Послышался слабый хрип.

Свэйн дернулся в предсмертной агонии, и ушел в небытие.

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Эсар окинул взглядом место минувшей битвы. Небо было озарено багровым закатом. Густые темные облака едкого дыма проступали сквозь догорающее пламя разрушенных домов. Эсар вдохнул полной грудью воздух, пропитанный мешаниной трупного зловония и удушающей гари.

Эсар восторженно улыбнулся.

Языки пламени кое-где еще вырывались из обугленной кучи щепок и бревен. Повсюду раздавались пронзительные крики и стоны. Но это ненадолго. Их страдания совсем скоро окончатся.

Его освобождение уже совсем близко. Он спасет всех этих несчастных, запутавшихся в собственной лжи и алчности.

Эсар прищорил коня, и направился к кричащему человеку. Издавая хриплые предсмертные стоны, крестьянин пытался выбраться из-под груды деревянных обломков. Эсар остановил коня, и спрыгнул на пепелище. Легким движением руки он откинул деревянную балку в сторону, и склонился над умирающим. Человек поднял налитые кровью глаза на лицо Эсара.

— К... кто...кто ты... — просипел крестьянин, захлебываясь собственной кровью.

В грудной клетке мужчины зияла огромная кровавая дыра. Хватая ртом воздух, он отчаянно пытался сказать что-то еще, но силы покидали его.

Эсар снял перчатку из драконьей кожи, и прикоснулся ко лбу человека. Заискрилась яркая зеленая вспышка, и в следующий миг все раны крестьянина затянулись. Мужчина откашлялся, и, не веря собственным глазам, начал себя ощупывать.

— Но как ты... — изумился человек, взглянув на Эсара, — кто ты такой?

Эсар улыбнулся и поднялся на ноги. Он окинул взглядом багряную линию горизонта, и взглянул на человека:

— Я — начало, — ответил Эсар, — и я же стану концом.

ВЕРШИТЕЛИ СУДЕБ

Отто Кервинальд водрузил на нос очки, и продолжил читать доклад разведчиков. Остальные члены собрания, пристально наблюдая за каждым его движением, сохраняли молчание. Через несколько минут Отто дочитал пергамент до конца, свернул его, и протянул следующему, Террику Сенгиборду. В течение получаса каждый из Шестерки ознакомился с полученным отчетом.

Закурив трубку, Кервинальд сделал пару долгих затяжек, после чего прервал тягостное молчание:

— Что будем делать с этим? Какие есть предложения?

Террик Сенгиборд расположился с чашей вина возле камина. Некоторое время, словно зачарованный, он смотрел на догорающий в камине огонь.

— На мой взгляд, — растягивая каждое слово, прохрипел он, — в сложившейся ситуации у нас не так-то много вариантов. И выход из нее куда более очевиден, чем могло бы показаться на первый взгляд.

Айлин Моффат поправила съехавшую на левую сторону лица прядь вьющихся рыжих волос, и с интересом посмотрела на Террика Сенгиборда. Сложив ногу на ногу, она сидела на обитом драконьей чешуей кресле в дальнем конце зала.

— Раз вам кажется все настолько очевидным, — улыбнулась Айлин, — быть может, просветите и всех остальных?

Сенгиборд медленно кивнул, даже не взглянув в ее сторону. Он отпил из чаши, и проговорил убаюкивающим размеренным тоном:

— Очередная Всеобщая Война, которая затронет каждое королевство Астариса — это неминуемая необходимость. По-другому просто быть не может.

Айлин непринужденно пожала плечами, соглашаясь с доводом Сенгиборда. Откинувшись на спинку кресла, взмахом руки она спроецировала поле для игры в сэркесу, и принялась упражняться.

— Монри, а что ты думаешь? — Кервинальд обратился к стоявшему у окна тощему юноше в просторном сером балахоне с капюшоном. Сложив руки за спиной, длинноволосый

юноша молча наблюдал за безмолвностью ночного неба.

— Боюсь, что брат Террик совершенно прав, — немного помедлив, он продолжил, — вчерашней ночью, во время одного из моих ночных сеансов, я просмотрел бесчисленное множество возможных сценариев развития событий. Иного выхода у нас просто нет. Война должна состояться. И чем скорее это произойдет, тем больше у нас будет шансов на удачный исход.

— И что же ты называешь удачным исходом? — Усмехнулась Айлин.

Монри Сигбек обернулся через плечо.

— Сохранение реальности.

По всему залу разошелся тревожный шепот. Кто-то залился в сильном приступе кашля. Один из магов нервно барабанил пальцами по подлокотнику кресла. Затем все стихло.

Воцарилось тягостное молчание.

С лица Айлин сошла краска. Она выглядела встревоженной. Взмахом руки волшебница убрала поле для сэркесы, и, расправив ноги, встала с места.

Отто Кервинальд выпустил очередное колечко дыма, тяжело вздохнул, и перевел взгляд к стоявшей в дверях фигуре в черном плаще.

— Приступай, — кивнул Кервинальд.

РЕВ СМЕРТИ

Лорелл взвалил огромный мешок муки на спину, и окликнул сына.

— Пора домой, Итен, — мужчина потрепал мальчика по голове, и улыбнулся. Итен увлеченно следил за плавающими в корыте карасями.

Мальчик оторвал взгляд от рыб, подобрал сумку с продуктами, и последовал за отцом.

В преддверии Дня Рогалана на рынке стоял разноголосый гомон и невообразимая сутолока. Крестьяне, странствующие торговцы и лавочники сновали из стороны в сторону. Пересекая рыночную площадь, у Итена разбегались глаза от обилия еды и всевозможных товаров. Корзины с крупами, вывешенные бок о бок связки фруктов и овощей, притягательный аромат специй. На прилавках были разложены различные закуски, свежая ветчина, лотки с орехами и сухофруктами, но больше всего внимание мальчика привлекла палатка кондитера. Итен задержал взгляд на прилавке со свежее испеченными булочками с корицей. Лорелл заметил, куда смотрит его сын и грустная улыбка тронула губы мужчины. Вздохнув, Лорелл понурил голову, и придержал сына за руку. Он положил мешок на землю, и, сев на корточки, взял Итена за плечи.

— Послушай, сынок, — сказал Лорелл, глядя сыну прямо в глаза, — ты должен понимать, что текущий год не баловал нас богатым урожаем, а потому даже на предстоящий праздник мы не можем позволить себе слишком многого, но я обещаю тебе, что мы с то...

Лорелл прервался, проследив за перепуганным взглядом Итена. Широко раскрытые глаза мальчика были наполнены страхом и восхищением.

— Смотри, папа... — произнес мальчик, указывая пальцем в небо.

Лорелл обернулся через плечо, и, прикрывая ладонью глаза от солнца, возвел взгляд к небу. Мужчина обомлел от увиденного. С его губ сорвался негромкий стон. Еще несколько секунд Лорелл стоял как вкопанный, не в силах осознать увиденное. Он будто бы врос ногами в землю, и не мог шелохнуться. Грубое лицо двухметрового крестьянина Лорелла Кэрберта исказила гримаса настоящего ужаса. В мгновение ока он почувствовал себя

ничтожным коротышкой.

На какое-то мгновение на рынке повисла гробовая тишина. Люди настороженно переглядывались друг с другом. Седобородый старик в грязной залатанной рясе возвел руки к небесам, и принялся кричать что-то на неизвестном Лореллу языке.

Но уже совсем скоро восхищенные стоны и торжествующие рукоплескания сменились на отчаянные вопли ужаса. Торговец мехом поспешил закрыть лавку на ключ, и скрылся внутри дома. По рынку прокатился пронзительный плач кудрявой светловолосой девочки не старше пяти лет. Споткнувшись о камень, малышка рухнула в грязь, и принялась звать маму. В ту же секунду из лавки старьевщика выскочила плотная розовощекая женщина в коричневом балахоне. Подбежав к дочери, она схватила ее на руки и понеслась к входным воротам.

Яркое полуденное солнце заливало своим светом всю площадь. Но в следующий миг солнечный свет будто бы померк. Над рынком нависла темнота. Где-то высоко в небесах раздавались свистящие взмахи гигантских крыльев.

— Пап, я... — на глазах мальчика выступили слезы.

Голос сына вывел Лорелла из оцепенения, но бежать было уже поздно.

Исполинская тень заслонила собой солнце. В лицо Лорелла ударил мощный порыв ветра, и в этот момент он ощутил запах гари.

Итен вцепился в локоть отца, и попытался потянуть его за собой, когда вся площадь сотряслась от громоподобного рева. В последний миг перед тем, как впасть в небытие, Лорелл увидел перед собой вырывающийся сноп раскаленного адского пламени из распахнутой пасти Смерти.

Часть 1 — Неизбежность судьбы

ГИРЛАНД

Когда он вошел в покои отца, было уже далеко за полночь.

«Интересно, что побудило его разбудить меня посреди ночи? Может, есть какие-то вести о Кэдвине?»

Лорд Мэйно Вэрсион восседал во главе длинного каменного стола. Он был облачен в синюю тунику с золотистыми нашивками на плечах. Под левым плечом был изображен позолоченный феникс с разведенными в сторону крыльями. Мэйно Вэрсион сложил пальцы домиком, и с тревожным видом выслушивал доклад одного из разведчиков.

В этот миг Гирланд отметил про себя, что ничего хорошего настороженный вид отца не сулит. Привести в беспокойство пятидесяти двух летнего лорда Вэрсиона могло лишь что-то по-настоящему ужасное. Как только Мэйно поднял на него глаза, Гирланд понял, что оказался прав. Отец был напуган.

«Боже, неужели что-то с Кэдвином?».

Лорд Мэйно жестом прервал докладчика. Члены собрания проследили за его взглядом, и обернулись к Гирланду.

Юноше сделалось не по себе от шквала презрительных оценивающих взглядов. Сир Гервин Катермин, лорд Конрод Нейман, Стэфриан Мидфорд... О да, Гирланд прекрасно догадывался об их мыслях на свой счет, и, по большей мере, разделял их. Каждый из приближенных отца был гораздо опытнее Гирланда в стратегических вопросах и тонкостях ведения боя. Не уязвил ли отец их гордость, посадив Гирланда за один с ними стол?

— Гирланд, — ледяным голосом произнес лорд Вэрсион, и шепот в дальнем конце стола тут же стих, — мне жаль, что ты был вынужден прервать свой сон в столь поздний шанс. Но, боюсь, обстоятельства дела требовали твоего незамедлительного присутствия.

— Отец, — кивнул юноша, и уселся на свободное место с краю стола.

— Продолжай, Энцо, — лорд Вэрсион обратился к прерванному докладчику.

Энцо Сизарис, молодой худощавый хазиец, с черными собранными в хвост намасленными волосами и родинкой под левым глазом, стоял по правую руку от лорда Вэрсиона.

Мельком взглянув на Гирланда, Энцо поклонился лорду Вэрсиону, и углубился в разложенные на столе бумаги.

— Час назад нам стало известно, что в нескольких километрах от гавани Октерфона было замечено несколько разведывательных багал Олуиков. Ходят слухи, что ими командовал сам Кайо Олуик, сын архонта Солнечного Копья, Маркоса.

Энцо взмахнул рукой, и над столом материализовалась темно-синяя сфера. Туманная дымка внутри нее начала развеиваться, и постепенно прорисовалось изображение величественного Октерфона. Замок, расположенный на уступе скалы, поражал своими размерами. Восемь исполинских башен, над каждой из которой развевались изображения золотистых фениксов на синем поле, уносились к самим небесам. Башни были окутаны тонкой линией предрассветного тумана. Замок был огорожен двойной линией стен: внешняя, зубчатая с укрепленными по всей территории башнями, была немного ниже внутренней, на которой располагался основной гарнизон Октерфона во время его обороны.

— Какими будут их дальнейшие действия? — Ледяным тоном спросил лорд Мэйно.

— Они планируют осаду, — Энцо передал лорду Вэрсиону пергамент, — на основе сведений из доклада моих ищеек, Олуики тратят баснословные деньги на вербовку наемников со всех частей Астариса. Нет никаких сомнений, что принц Кайо хочет вернуть Октерфон в собственность своего дома.

— Маркос хочет, а не этот сопляк, — хохотнул Конрод Нейман, лорд Ледяного Клыка. Энцо кивнул, откашлялся.

— Быть может, они совершенно случайно забрели в наши воды, — нахмурился Гервин Катермин.

— Маловероятно, милорд. Но как бы то ни было, Олуики нарушили договор с перемирия, и право прохода. Мы не можем это стерпеть. Они должны понести наказание.

По залу прошел тревожный шепот.

Гирланд ощутил, как все тело прошиб холодный пот. Ведь его старший брат Кэдвин именно сейчас и был на Октерфоне... Гирланд облизнул засохшие губы, и перевел взгляд на отца. На лбу Мэйно Вэрсиона выступила испарина. Что сейчас творится в его голове? Считает ли он себя виноватым? Ведь именно он отослал Кэдви́на с делегацией на Октерфон. Кэдвин должен был лично выслушать доклад наместника Октерфона Жозета Рофенда об успехах в добыче ценнейшего камня на планете, агэльфиуса, из недр земли. Все понимали, что этим жестом лорд Мэйно оказывает Кэдви́ну милость. Отец показал, что считает теперь Кэдви́на мужчиной, раз доверяет такое важное дело. Но сейчас по лицу Мэйно Вэрсиона было понятно, что от этого ему не было легче.

Лорд Вэрсион откинулся на спинку кресла, и помассировал виски. Его лицо, усеянное морщинами и болезненными синяками под глазами, подтверждали худшие опасения Гирланда. С последнего приступа мигрени отца прошло не больше месяца... В тот день он не на шутку всех перепугал. Проведя всю ночь у изголовья его кровати, леди Карелла Вэрсион проплакала до самого рассвета... Все решили, что на этот раз всемилостивый Кролион обойдет ее мольбы стороной, но к утру отец уже был на ногах. Однако Гирланд прекрасно понимал, что переживать подобные приступы отцу становится все тяжелее. И в следующий раз...

— Милорд, прошу вас хорошенько обдумать следующий шаг, — на ноги поднялся Первый Советник лорда, Стэффиан Мидфорд, — сейчас мы не готовы начинать войну с Олуиками. После окончившейся войны с хусидами наши ресурсы на исходе. Мы...

— Довольно, Стефиан, — Мэйно небрежно взмахнул рукой, и поднялся на ноги. Он сложил руки за спину, и встал у окна. Несколько секунд он стоял в полном молчании, вглядываясь в темноту ночного неба.

Стэффиан Мидфорд взмахнул подолом плаща, и уселся на место.

«Снова эта презрительная ухмылка на его лице, — подумал Гирланд, прожигая взглядом Первого Советника, — он снова что-то затевает. Нельзя ему доверять».

Спустя пару минут томительного молчания, лорд Мэйно Вэрсион взял слово:

— Мой сын Гирланд завтрашним же утром отправится в Октерфон, — по залу прошел гулкой ропот, — он возьмет большую часть гарнизона с Катерсиса и половину моей личной гвардии. Этого должно хватить для того, чтобы в случае начала войны, сдержать первый натиск Олуиков до прихода присоединения людей наших вассалов. Вдобавок ко всему прочему, я разослал послания присягнувшим домам за Шумным Переливом. К твоему прибытию в Октерфон они уже должны быть на месте. Перво-наперво, соберешь совет и

подробно введешь их в курс дела.

Гирланд неуверенно кивнул. Мэйно задержал пристальный взгляд на сыне, глядя ему прямо в глаза. Юноша не мог поверить в происходящее. Неужели отец доверит ему столь важное дело?

— Но до тех пор, — он потряс указательным пальцем, — если Олуики не совсем выжили из ума, и, прежде, чем устраивать резню, Кайо попробует решить все мирным путем, попытайся вразумить его и, напомни, что пускай когда-то Октерфон и принадлежал Олуикам, но уже сотню лет он наш по праву. Сам король Антрексии поддержал наши претензии на Октерфон. И я не думаю, что Маркос Олуик настолько выжил из ума, что позволит своему сыну нарушать перемирие именно сейчас.

Гирланд молча кивнул.

— Прощу прощения, милорд, но вы сказали про подкрепление? — нахмурился Стэффиан Мидфорд, — но откуда мы возьмем людей? Разве дома за Шум...

— А ты, Стефиан, — ледяным голосом прервал его Мэйно, — отправляешься с делегацией к бушавитам, и всеми возможными способами попытаешься заключить с ними торговый союз. Проблему с нехваткой пищи нужно решать как можно скорее. Нам только восстания оголодавших горожан сейчас не хватало.

— Но, милорд, — Мидфорд выпучил глаза, — ведь...

Мэйно Вэрсион резко повернулся на каблуках, и бросил на Первого Советника испытующий взгляд.

— Тебе понятен мой приказ?

Мидфорд задержал на нем долгий презрительный взгляд, после чего выдавил из себя приторную улыбку и поднялся на ноги.

— Да, милорд, — он прошел мимо Мэйно, поклонился ему, — сию же минуту отправляюсь в порт.

Вэрсион сузил глаза, и кивнул.

Мидфорд быстрыми шагами направился к выходу. Проходя мимо Гирланда, он ехидно улыбнулся и удалился из зала.

«Ну не может же отец совсем выжить из ума, — поежился Гирланд, — Мидфорду нельзя доверять»

Лорд Вэрсион сел за стол, и уткнулся в бумаги.

— На этом совет закончен. Все свободны.

Члены собрания тут же поспешили удалиться из зала. Гирланд дождался, пока они с отцом остались наедине, чтобы высказать свои опасения:

— Отец, я...

— Нет нужды, Гирланд, — не отрываясь от бумаг, холодным голосом прервал его Мэйно, — собирайся в дорогу.

Юноша хотел было возразить, спросить о Кэдвине и о том, как он должен вести себя, если начнется война, но по лицу отца было видно, что все бесполезно.

— Слушаюсь, отец, — поклонился Гирланд, и вышел из зала.

ФЕЙН

— Фейн! — Раздался раскатистый голос матери снизу, — пора вставать!

Фейн Ринвус лежал в своей уютной мягкой постели, уткнувшись лицом в подушку.

Юноша медленно перевернулся на спину, и приоткрыл глаза. Поежившись от яркого солнечного света, Фейн простонал, и закрыл лицо подушкой.

— Живо спускайся! — Повторила мать.

Фейн убрал подушку с лица, тяжело вздохнул, и перевел взгляд на часы.

«Всего только девять часов! — Возмутился он, — на кой черт будить меня в такую рань!».

— Фейн! — Крик стал только сильнее, — если ты сейчас же не встанешь с постели, то останешься без завтрака!

Если что-то и могло заставить Фейна Ринвуса подняться в девять часов солнечным воскресным утром, то это напоминание о завтраке. При одной лишь только мысли, что этого завтрака его могут лишиться, юноша тут же соскакивал с кровати.

— Сейчас-сейчас! Пара минут!

Фейн наспех заправил постель, нацепил штаны и рубашку и через несколько минут вприпрыжку спустился по лестнице. Едва переступив порог кухни, его тут же встретил ароматный запах кремсбонов. На лице Фейна Ринвуса заиграла лучезарная улыбка.

— Хоть бы причесался, — покачал головой сидевший за столом отец Фейна, Дирг. В руках он держал небольшой сверток бумаги.

Анвира Ринвус, розовощекая упитанная женщина, чьи жидкие седеющие косы были отброшены на плечи, вынимала из печи новую порцию кремсбонов. Обернувшись к сыну, она вздохнула, оперев руки в боки. Суровый взгляд постепенно сменился на улыбку, и Анвира что-то прошептала бородатому мужчине.

Тот ответил коротким кивком, и, отложив сверток в сторону, вперился взглядом в сына.

Фейн плюхнулся на свободное место, подцепил лопаткой несколько кремсбонов, и сложил их на тарелку. Обильно полив кушанье малиновым вареньем и медом, он тут же принялся жевать. С аппетитом набросившись на завтрак, Фейн не заметил изменения на кухне. Только после того, как юноша разделался с четвертым кремсбоном, он оторвал взгляд от тарелки. Фейн утерся рукавом и спросил:

— А где Экреста? — Фейн залпом выпил стакан молока, переводя взгляд от отца к матери.

— Твоя сестра сегодня гостит у Митлоу, — ответил глава семейства, Дирг Ринвус.

Анвира Ринвус встала за спиной мужа, положив руку ему на плечо. На ее лице застыла лучезарная улыбка.

— Сынок, у нас для тебя замечательные новости, — сказала она, — знаю, твой день рождения еще только через пару дней, но, поскольку ответ пришел уже сегодня, мы больше не можем это утаивать от тебя.

Дирг молча протянул сыну вскрытое письмо.

Фейн посмотрел на стопку кремсбонов, но, похоже, аппетит уже пропал. Что-то во взгляде отца ему не понравилось.

— Разве мне не пора идти работать в поле? А то скоро станет совсем жарко и тог...

— Сынок, — оборвал его Дирг, взмахнув письмом, — прочти это.

Фейн сглотнул застывший комок в горле, и дрожащей рукой взял сверток. Его взгляд сразу же упал на изображение двух скрещенных молотов. Герб ремесленной гильдии Форсессы. Фейн широко раскрыл глаза, посмотрел на улыбающуюся мать. Женщина кивнула головой, призывая продолжить читать. Отец по-прежнему сидел с совершенно непроницаемым лицом.

Юноша почесал голову, нахмурился, и углубился в письмо.

«Уважаемый Фейн Ринвус! От лица гильдии ремесленников Форсесса рад сообщить вам, что вы были приняты на должность «ученик кузнеца» к мастеру Лоренсу Херберту. Для начала прохождения учебы вы должны прибыть в Форсесс не позднее, чем к концу следующей недели, т. е. до начала «Гильбериевых игр».

P.S. Все подробности об условиях прохождения учебы вы можете уточнить у мастера Херберта или, у вашего покорного слуги.

С уважением, председатель гильдии ремесленников Форсесса, Сизос Боуд.»

Фейн перечитал письмо, медленно отложил его в сторону, и уткнулся взглядом в стопку кремсбонов. Впервые в жизни ему сделалось дурно от одного только их вида.

В воздухе повисла гнетущая тишина.

— Сынок? — спросила Анвира, — что с тобой?

Фейн поднял глаза на родителей. Все его лицо выражало полное недоумение происходящим.

— Э-э, с-спасибо, — проговорил Фейн, — но... но я не понимаю...

— Что же тут непонятного? — Дирг вскинул брови и подался вперед, — сын, любой на твоём месте был бы рад такой возможности. Я отдал половину нашего годового дохода, чтобы тебя приняли в гильдию. Мог бы хотя бы спасибо сказать...

— Дирг... — Анвира покосилась на мужа, но тот отмахнулся и пожал плечами.

— Конечно, я рад, — поспешно ответил Фейн, — спасибо за подарок, но я не думаю, что это подходит для меня...

Анвира недоуменно посмотрела на сына. Женщина пододвинула к Фейну стул и, сев рядом, взяла за руку.

— Сынок, но ведь это чудесная возможность вырваться из Верквуда. Ты ведь не можешь всю жизнь рабо...

— Но почему нет? — Фейн вырвал руку, и соскочил с места, — несколько поколений нашей семьи жили и работали в Верквуде, и никто этим не кичился. Так почему я должен становиться подмастерьем какого-то там кузнеца из Форсесса?

Дирг облокотился ладонями о стол, и медленно поднялся на ноги. Он весь побагровел, в глазах сверкал гнев. Остановившись в метре от сына, Дирг посмотрел ему прямо в глаза.

— А о сестре ты подумал? Кто будет о ней заботиться, когда нас не станет? Из-за неурожая в последние годы доход от фермы становится все меньше и меньше, а заказов на производство оружия и доспехов не было уже два месяца, — мужчина погрозил сыну пальцем, — мы даем тебе прекрасную возможность обеспечить ее и себя стабильным заработком и обзавестись жилищем в городе.

Губы Фейна дернулись, но отец не дал ему перебить себя.

— В нашем положении не стоит вопрос о том, чего ты хочешь, — повысил он голос, — в твоём возрасте я тоже лелеял мечты стать оруженосцем и до конца дней путешествовать по свету. Хорошо, что отец вовремя выбил эту дурь из моей головы.

Анвира Ринвус, отошедшая в угол кухни, вся побелела, но не смела прервать мужа. Как бы он ни был груб с Фейном, она знала, что он прав. Так будет лучше для всех.

На мгновение лицо Дирга смягчилось. Он протяжно вздохнул, и, сжав пальцами переносицу, какое-то время молчал.

— К завтрашнему утру ты должен собрать вещи, — ледяным голосом произнес он, — много не бери, все необходимое у тебя будет в Форсессе.

— Но... — промямлил пораженный Фейн, — как же...

— Разговор окончен.

От охватившего его гнева Фейн сжал кулаки, но в следующую же секунду разжал их. Он почувствовал, как к глазам подступают слезы, и выбежал во двор.

— Ничего, — Дирг обнял супругу, — дай ему время. В его возрасте я был таким же пылким. Совсем скоро он и сам поймет, что мы поступили правильно.

— Все верно, — грустно улыбнулась Анвира, и смахнула сбегавшую по щеке слезу, — ты абсолютно прав.

УДАЧНАЯ ПАРТИЯ

Подперев голову ладонью, Корвик двадцать минут просидел в полном молчании, выстраивая тактику следующего хода. Он уже несколько раз просчитал наперед все возможные варианты развития событий. Ошибки быть не могло.

Однако он не учел самого важного. Айлин Моффат играла в сэркесу с трех лет, и ни разу не проиграла.

Корвик взглянул на часы и недовольно поежился: почти все песчинки уже были на дне. Время было на исходе, оттягивать больше нельзя. Мужчина взмахнул рукой, и отправил своего дракона на короля Моффат. Корвик перевернул часы, и, сложив пальцы домиком, принялся наблюдать за развитием событий.

Взмахнув крыльями, огнедышащий зверь вспорхнул со своей клетки и кинулся на короля Айлин. Корвик расплылся в довольной ухмылке, и поднял взгляд на рыжеволосую волшебницу. Он уже предвкушал, как гримаса отчаяния исказит лицо его оппонентки. Корвик мечтал об этом несколько лет, и вот, кажется, этот момент настал.

Корвик застыл на месте, не в силах шевельнуться.

Черт возьми, как же он мог забыть, что она еще не использовала воскрешающий эликсир. Уголки губ Айлин Моффат подернулись в едва заметной ухмылке. Девушка щелкнула пальцами, подхватив склянку с зеленой жидкостью, и направила эликсир на погибшее тело драконоборца. Фигурка мужчины в черном плаще и кожаном дублете тут же материализовалась на свободной клетке в углу поля. Вокруг драконоборца вспыхнуло ослепительное сияние, взмывшее на несколько сантиметров вверх. Айлин кивком головы направила фигурку на летевшего дракона. Зверь уже спикировал, чтобы нанести смертельный удар по королю Айлин, но в следующий миг огромная стрела пронзила его брюхо. Издав пронзительный утробный рев, дракон замятво рухнул на полыхающий трещет.

Корвик еще какое-то время неотрывно смотрел на тело янтарного дракона. Он будто бы еще верил, что зверь сможет вспорхнуть, и завершить начатое. Но все было бесполезно. Наконечник стрелы был отравлен.

Это было очередное позорное поражение.

«Рыжая бестия. В чем ее секрет?»

— Славная битва, — спокойно проговорила Айлин, и отпила вино из бокала.

Корвик медленно поднял на нее взгляд, и, сокрушенно вздохнув, бросил девушке мешочек с элунциями. Айлин ловко поймала его, и расплылась в довольной улыбке.

— Благодарю, — вычурно кивнула волшебница, и отсалютовала ему бокалом.

— Как ты это делаешь? — озадаченно покачал головой Корвик, откинувшись на спинку

кресла, — просто изумительно. Ни разу не видел, чтобы хоть кто-то обыграл тебя в сэркесу...

Девушка положила мешочек с наградой в сумку, и залпом допила вино.

— Все дело в практике, — Айлин поправила прядь огненно-рыжих волос, и скрестила руки на груди, — конечно, всегда можно списать все на банальное везение и удачу, но, поверьте мне, магистр Корвик, в конечном счете, все сводится к практике. Я годами следила за игрой своих братьев, изучала и впитывала в себя все их уловки и хитрости. Чем чаще играешь, тем лучше становишься, — девушка непринужденно пожалала плечами, — по-моему, все просто.

Корвик улыбнулся, поджав губы. Он встал с места, и подошел к вазе с фруктами. Откусив яблоко, он остановился возле окна, и, взглядевшись в красоту заходящего солнца, спросил:

— Никаких вестей от Голрана? Он так резко куда-то сорвался, что никто толком и не понял, что стряслось.

Айлин накинула на плечо сумку, и направилась к выходу. Задержавшись у самых дверей, она обернулась и сказала:

— Думаю, совсем скоро весь Астарис об этом узнает.

— Что вы имеете...

Корвик повернулся к юной волшебнице, но девушки уже не было.

СИЛИЯ

От обилия угощений разбегались глаза. Здесь были кувшины с различными винами, запеченный кролик с пряностями, крабовые салаты и жареные креветки прямиком с глубин Экрессиса, пироги с вишней, черничные пирожные, горы абрикосов, груш и клубники.

В центр зала вышел маг в длинной мантии из зеленого атласа. Это был кудрявый светловолосый юноша, немногим старше самой Силии. С почтением поклонившись сидящим за столом гостям, он выставил пальцы вперед и прошептал что-то неразборчивое. Из рук мага взметнулись снопы яркого оранжевого света, и в следующее мгновение по залу прокатились умиротворяющие звуки арфы и тихий перебор струн по лютне. Получив заслуженную дозу оваций и несколько монет, волшебник вновь поклонился, и, отсалютовав публике, продолжил играть в стороне, уступив главную сцену танцорам.

Силия обмакнула креветку в чесночный соус и отправила ее в рот. За столом велись оживленные беседы: обсуждали политику, торговлю, но особенно слух девушки привлек разговор о разгорающемся конфликте на севере.

— Насколько мне известно, войско Олуиков планирует осадить Октерфон, — проговорил смуглолицый посол с юга, судя по выговору, с Рассветных Островов, или с Гелиза, — уж не знаю, о чем думает лорд Мэйно Вэрсион, да только я уверен, что эту войну им не выиграть. На его месте я бы сразу сдал замок.

— Хорошо, что вы не на его месте, Бонгани, — усмехнулся Кейлд Бэкериф, зачерпнув ложкой в яблочное желе.

Фирун Бонгани отхлебнул вина, и испытующе вытаращился на Бэкерифа.

— Что вы хотите этим сказать, милорд Бэкериф?

Увлеченная этой перепалкой, Силия даже забыла о своем любимом лакомстве, и отложила креветки в сторону. С самого начала ужина она с интересом наблюдала за юным

лордом Бэкерифом. Своей развязной манерой общения в присутствии куда более старших лордов он совершенно не стеснялся потрунивать над ними и высказывать противоположные точки зрения. Кейлд Бэкериф откинул свалившуюся на левую часть лба прядь светло-русых волос, и потянулся за тарталеткой с красной икрой.

— А что же тут непонятного? — Кейлд пожал плечами, и продолжил говорить с набитым ртом, — если Вэрсион сдаст свою самую стратегически важную крепость, то я сильно в нем разочаруюсь. Этим самым он сам подпишет себе смертный приговор. И все эти ухищрения Олуиков о мирном договоре — только пыль в глаза для идиотов. И так ясно, насколько унижительными эти условия будут для Вэрсионов.

Все больше народу затихало, прислушиваясь к речи Бэкерифа.

— К тому же, и сам старик Вэрсион прекрасно понимает, что у Олуиков есть более чем весомые основания требовать возвращения Октерфона. Они построили эту крепость более трехсот лет назад, и владели ей на протяжении двух столетий, пока безумцу Пэрилу Вэрсиону не взбрело в голову подчинить себе весь север.

Фирун Бонгани, поджав губы от возмущения, выпалил:

— И что же на ваш умудренный взгляд следует делать Вэрсионам, как не сдаваться? Ходят слухи, что у них не осталось денег на регулярную армию, а уж их долги банку Лествилла не выплатят даже правнуки детей Гирланда.

Бэкериф вытер губы полотенцем и уставился на Бонгани.

— Окажись я на месте лорда Мэйно, чего даже злейшему врагу не пожелаю, ведь положение его действительно плачевное, я бы всеми возможными способами старался удерживать Октерфон. О подземных ходах этой крепости уже даже легенды слагают, поэтому запасов пищи осажденным на несколько месяцев уж точно хватит. Да и гарнизон там вполне приличный. Насколько я знаю, из десятков попыток взять Октерфон штурмом успехом увенчалась лишь одна.

Лорд Кейлд пожал плечами.

— Поэтому, если осажденным удастся продержаться как можно дольше, то глядишь там уже и сам лорд Мэйно придет на подмогу. А я уверен, что он сделает для этого все возможное. Ведь помимо того, что в Октерфоне сейчас находится его старший сын, терять столь лакомый кусок в виде добычи агэльфиуса — чистое безумие.

После сказанной фразы губы Бэкерифа расплылись в ухмылке. Он явно был доволен произведенным эффектом. Казалось, его слушали уже чуть ли не все собравшиеся. И при упоминании агэльфиуса удивленные и заинтересованные шепотки участились в несколько раз.

В последнее время стало появляться все больше слухов о появлении залежей драгоценного камня в нескольких местах Астариса. Многие просто махали рукой, не веря вздорной болтовне, другие же, в попытках заполучить бесценный источник власти и могущества, собирали на его поиски целые войска.

— Чепуха! — Усмехнулся раскрасневшийся толстяк, сидевший по левую сторону от Освина Стокмара.

Силия заглянула в дальний конец стола, выискивая глазами отца. Король Освин, сохранявший невозмутимое спокойствие, наклонил голову набок, выслушивая своего советника.

— Всем и так уже давно известно, что последние залежи агэльфиуса находятся в исключительном владении Его Величества Освина, — толстяк перевел взгляд на короля, и,

едва наклонив голову, продолжил, — можете и дальше продолжать верить в рассказы пьянчуг и шарлатанов, но со мной этот трюк не пройдет.

Кейлд Бэкериф только усмехнулся и пожал плечами.

— Дело ваше, — ответил он, и встал из-за стола.

Присутствующие переключили внимание на поваров и слуг, вкативших в зал телегу с запеченным вепрем в томатном соусе и паприкой.

Проходя мимо, Бэкериф взглянул на Силию, и, улыбнувшись, едва заметно кивнул. Девушка никак на это не ответила, однако проступивший на ее щеках румянец выдал охватившее принцессу смущение.

Юный светловолосый лорд остановился возле Освина Стокмара, и, передав ему небольшой пергаментный сверток, что-то прошептал. Во время их короткого разговора отец впервые за этот вечер взглянул на Силию. Девушка тут же отвела взгляд в сторону, вернувшись к поеданию креветок. Момент был упущен, и она поняла, что отец заметил ее смущение. Но кто же был этот загадочный лорд Бэкериф? Никогда прежде Силия ни разу не видела его ни на одном из званых ужинов. И уверенность на его лице, когда он говорил про залежи агэльфиуса под Октерфоном, была непоколебима. Но как это вообще возможно? Силию с самого детства приучили верить, что остатки агэльфиуса во всем мире остались только у ее отца. Она, как сейчас, помнила его удивительные истории о могуществе этого камня.

И, по большей части, она до сих пор считает, что большая часть тех рассказней — обычная выдумка. Однако в детстве у Силии часто бывали проблемы со сном, а истории о захватывающих битвах прошлого между Великой Восьмеркой и Приносящими Смерть, настолько завлекали ее детское воображение, что, наслушившись этих рассказов перед сном, она сразу же засыпала, и уже во сне продолжала додумывать эти истории самостоятельно.

Поговорив с королем еще несколько мгновений, Кейлд Бэкериф почтительно склонил голову, и вышел из зала.

ТЕНЬ СМЕРТИ

Он выглянул из-за укрытия, подождал несколько секунд, и двинулся вперед. Покои короля были этажом выше. Цель была уже близко. Вдалеке послышались чьи-то голоса, и Шавилар остановился. Выставив ладонь вперед, он впитал в себя свет из настенных факелов и канделябров.

Воцарился мрак.

Губы Шавилара исказила довольная ухмылка.

Теперь он в своей стихии. Настал его час.

Он вынул клинок из ножен, и сорвался с места.

Вход в королевские покои сторожило двое гвардейцев. Они были облачены в красные атласные плащи, поверх длинной позолоченной кольчуги на них были пластинчатые панцири и стеганые акетоны. Один из гвардейцев опустил забрало, прислушиваясь к шуму в дальнем конце коридора.

— Лейб, ты слышал? — Спросил Ортон Региз, шагнув вперед.

Лейб Херас кивнул, и выставил алебарду вперед.

— Никуда не отходи, — приказал Региз, — пойду проверю, в чем там дело.

Ортон Региз сжал алебарду крепче и двинулся вперед. Неспешные шаги антрексийского гвардейца сопровождались металлическим лязгом доспехов, порождавшим звонкое эхо. Региз замер на месте. Он даже не успел понять, куда подевался весь свет. Коридор погрузился во мрак.

— Какого черта там происходит? — Крикнул Лейб Херас.

Региз успел только ахнуть, прежде чем выронил оружие из рук. Оцепеневший от представленного зрелища, он был не в силах пошевелиться. Из глубин мрака на него стремительно надвигалась пара кроваво-красных огоньков. Региз был готов поклясться, что на него мчится Порождение Преисподней.

— Ортон?! Что это? — Гаркнул Херас, и двинулся вперед с алебардой наперевес.

Раздался оглушительный грохот доспехов. Обезглавленное тело Ортона Региза повалилось наземь.

Лейб почувствовал дрожь по всему телу, и замер на месте.

Шавилар подкрался сзади.

Король Освин Стокмар проснулся от грохота доспехов в коридоре. Соскочив с кровати, он накинул на себя шелковый халат.

— Освин? — Протерев глаза, заспанная Элин приподнялась на локтях, — дорогой, в чем дело?

Король обернулся через плечо.

— Кажется, я что-то слышал в коридоре, — неуверенно проговорил Освин, — может, мне по...

Он остановился на полуслове, когда в комнате наступила кромешная темнота. Освин уставился невидящим взором во мрак.

— Боже, Освин, — королева Элин прижала ладонь к губам, — что это...

Лязгнули засовы раскрывшихся дверей, и в покои короля ворвался поток ледяного холода.

Освин Стокмар попятился назад в поисках кинжала, но было уже слишком поздно. Он увидел приближающийся силуэт пламенного человека. Элин Стокмар истошно заорала.

— Ты...

Прошептал король Освин Стокмар, и почувствовал жгучую боль внизу живота. Пламенный человек прокрутил клинок в животе, и отшвырнул бездыханное тело короля в сторону.

ФЕЙН

Фейн взвалил мешок с мукой на спину, и направился вслед за отцом. После вчерашнего разговора они и словом друг с другом не обмолвились. Сегодня с утра мама настояла на том, чтобы вместо работы в мастерской Фейн пошел на рынок вместе с отцом. На что она рассчитывала? Что разговор с отцом поможет убедить Фейна отправиться в службу гильдии ремесленников? Конечно, больше всего на свете Фейн любил работать в кузне вместе с отцом. Это было именно тем делом, заставлявшим его вставать по утрам и, наспех позавтракав, скорее бежать в мастерскую Дирга. И большую часть жизни он даже и

представить себе не мог, что в будущем может заниматься чем-то другим. Ему попросту не оставили выбора. Никто не спрашивал Фейна, а чем он сам хочет заниматься. И, наверное, именно это и было самое обидное. Вот почему он был так зол на отца.

Рассчитавшись с продавцом меда, Дирг Ринвус обернулся к сыну, и, положил руку ему на плечо:

— Послушай, сынок, — голос кузнеца дрогнул. Фейн давно не видел отца таким потерянным, — я понимаю, почему ты зол на меня. И хочу, чтобы ты простил меня за это.

Мужчина отвел взгляд в сторону, проводив глазами въехавшую на рынок карету, а затем снова посмотрел на Фейна.

— Я должен был посоветоваться с тобой, — во взгляде отца читалось горькое разочарование, — но ведь я думал, что тебе нравится работать в кузне. У меня даже не возникало мысли, чтобы хоть кто-то из Ринвусов не захотел бы стать кузнецом. Почему же ты не хочешь отправиться в Форсесс?

Фейну было больно смотреть на страдания отца. Юноша опустил взгляд на землю. Всю свою жизнь он только и добивался того, чтобы быть на него похожим, старался всегда и во всем брать с него пример. Но во снах, которые стали навещать Фейна все чаще, он не видел себя в роли кузнеца или фермера. В своих снах Фейн Ринвус часто путешествовал за пределы своей родной деревни, в те далекие края, о которых он даже никогда не слышал. И каждый день, сидя на крыльце дома, и, наблюдая за опускающимся за горными вершинами солнцем, Фейн задавался вопросом, какие земли там скрываются? Каковы из себя тамошние жители?

Но ведь в какой-то мере именно служба подмастерьем кузнеца в Форсессе могла удовлетворить его амбиции. Фейн наконец-то побывает в большом городе, заведет новые знакомства, углубиться в изучение кузнечного ремесла. Но... но разве об этом он мечтал?

Вопрос, который он изо дня в день прокручивал в голове, не давал ему покоя уже долгое время. Сможет ли Фейн отказаться от своей мечты поступить на службу оруженосцем к знатному рыцарю, чтобы раз и навсегда связать свою судьбу с кузнечным делом? Готов ли он пойти на эту жертву ради отца?

— Пап, — Фейн медленно поднял глаза на отца, — ты не должен извиняться. Я был слыш...

Фейн прервался, обернувшись в сторону остановившейся в самом центре рыночной площади Верквуда кареты, запряженной двумя гнедыми меринами. Стоявший на рынке гомон толпы тут же поубавился, а совсем скоро в округе и вовсе воцарилась тишина.

Дирг Ринвус посмотрел на пару вышедших из кареты фигур в темно-фиолетовых мантиях, и обомлел. По его телу прошла дрожь. Далекие, забытые воспоминания из прошлого всплыли в памяти, словно громовой удар молота по наковальне.

«Боже, нет... не может быть...».

Схватив Фейна за локоть, Дирг прошептал:

— Держись ближе.

Юноша в недоумении обернулся к отцу.

— В чем дело? — Вопросил он, — пап, кто эти люди? Что ты дела...

Дирг покачал головой, и потянул сына за собой.

— Просто не отходи от меня, — повторил он, — и ни с кем не разговаривай.

— Но...

— Бери мешок и шагай за мной, — в глазах мужчины сверкнул какой-то безумный огонек. Усилив хватку, он до боли сжал Фейну руку и поволок за собой.

Фейн подхватил мешок с пшеном, и поспешил за отцом. Вокруг кареты собралась толпа зевак.

Фигуры в мантиях о чем-то перешептывались.

— Добрый день, жители Верквуда, — громким, раскатистым голосом, начал первый из них. Он поднял над собой листок пергамента. Человек, стоявший позади него, был меньше ростом, а из-под капюшона проступала прядь огненно-рыжих волос.

— Признаюсь, мне искренне не хотелось бы нарушать спокойную жизнь вашей деревни, — продолжил первый, — но, боюсь, обстоятельства меня к тому вынуждают.

Взявшие карету в круг крестьяне, торговцы и прочий любопытный люд, тревожно перешептывались и переглядывались друг с другом.

— Мы здесь по поручению Верховного Архимага Дисниса Эргера, — мужчина потряс листком. В нижнем правом углу стояла печать с эмблемой обрамленных в круг песочных часов, — у нас есть все основания полагать, что среди вас нахо...

— Подотри себе этим задницу! — Прокричал мужчина из гущи толпы, — и отправляйся к черту!

— Вот-вот! — Подхватил его кто-то с другого конца, — и Архисрага своего треклятого с собой прихвати!

Среди толпы прошелся одобрителный гогот.

— Убирайтесь отсюда! — Воспрянув духом, добавил первый, — паршивые магики!

— ДЕМОНЫ!

— НЕЧЕСТИВЦЫ ПРОКЛЯТЫЕ!

Мужчина в мантии тяжело вздохнул, и опустил руку вниз. Свернув лист пергамента, он протянул его стоявшей фигуре позади, и пожал плечами:

— Я же говорил.

— Ну, мы хотя бы попытались, — прошептала девушка, забирая сверток.

Человек в мантии скинул капюшон. Это был мужчина средних лет с густой бородой и узкими чертами лица. У него были выразительные зеленые глаза, которые, казалось, могли заглянуть в самое нутро человеческой сущности. Вглядевшись в его лицо, на какой-то миг Фейну даже сделалось как-то не по себе. Но это было не чувство страха или отвращения, а что-то совсем иное... Своим взглядом незнакомец будто бы притягивал к себе. Складывалось впечатление, что он мог прочитать твои мысли или каким-то образом повлиять на твое поведение.

— Меня зовут Летард Голран, — возвестил он, — как я уже сказал, мне правда бы не хотелось становиться тем человеком, который приносит вам столь дурные вести, но выбирать не приходится. Грядет война.

Голран замолчал. По толпе прошелся тревожный ропот.

— Война, — продолжил он, — которая затронет каждого из нас. От нее не удастся убежать и укрыться в погребе своей хижине или уплыть на корабле за Коралловое море. Нам остается только принять факт ее неизбежности, сплотиться и всем вместе идти сражаться. Защищать себя и своих близких. Свой родной дом и все, что вам дорого. Иного выбора не остается.

К карете подходило все больше и больше народу. Казалось, здесь собралась уже чуть ли не вся деревня.

Какая-то старуха, припав на колени, принялась читать молитву, прося защиты от Нечистого у Святой Семерки Элиона.

Несколько жилистых крестьян, сжимая в руках вилы и топоры, вышли в первые ряды, но атаковать магов все же не решались.

Пренебрежение к колдунам и волшебникам росло в них годами, переходя из поколения в поколение. Люди всегда боятся того, чего не понимают. А жители Верквуда, одной из самых северных и отдаленных от столицы деревушек, слепо доверяли любым слухам и перебранкам странствующих рыцарей и бродячих торговцев из далеких краев. Ведь куда легче обвинить в плохом урожае или засухе проклятущего мага, наставшего на ваш огород сглаз, нежели признаться в собственном невежестве и малограмотности.

Тем временем, Дирг уже практически вывел Фейна из толпы, как Голран снова заговорил.

— И у нас есть основания полагать, что среди вас находятся люди, которые могут присоединиться в ряды нашего ордена. Особенности люди, наделенные магическими способностями...

— Уроды! — выкрикнули из толпы.

— ... быть может, вы еще и сами не замечали этого в себе...

— ГРЕБАННЫЕ МОШЕННИКИ!

— УРОДЫ! — Выкрикнули из толпы.

— ОБМАНЩИКИ!

— ... но мы сможем помочь вам раскрыть свой потенциал и научиться контролировать силу и использовать ее во благо...

В сантиметрах от лица Голрана пролетел помидор, и впечатался в окно кареты. Оставив след на стекле, он рухнул наземь.

Рыжеволосая девушка позади Летарда вскинула руку и подалась вперед, но он жестом остановил ее.

— Не смей, — прошипел Голран, — у меня все под контролем.

Девушка отпустила руку, и отступила на шаг назад.

Высвободившись из тисков отца, Фейн скинул мешок на землю, и начал пробираться сквозь толпу.

— Фейн! — Крикнул Дирг, — вернись сейчас же! Фейн!

Юноша остановился, и обернулся через плечо.

— Отец, я видел его! — Выкрикнул Фейн. Его глаза горели от возбуждения, — я не знаю, где и когда, возможно в одном из своих снов, но мне знакомо его лицо! Эти глаза... я...

— Не мели чепуху! — Дирг попытался снова схватить сына, но Фейн увернулся и направился к карете, — не смей даже приближаться к этой погони! Нужно как можно скорее вернуться до...

В следующий миг в руках Летарда Голрана блеснул какой-то предмет. Яркий сноп изумрудного огня взметнулся в небо. Встревоженная толпа начала пятиться назад. В руках мага искрился маленький камушек.

Фейн остановился как вкопанный, не в силах произнести ни слова. Камень притягивал его к себе, очаровывал своей красотой.

Люди вокруг кареты принялись разбегаться во все стороны.

Откуда-то издалека Фейн ещё слышал зовущий голос отца, но перестал обращать на него внимание. Через пару мгновений на площади осталась небольшая горсть людей.

— Фейн!

Юноша с большим трудом оторвал взгляд от камня и обернулся к отцу.

— Прошу, — взмолился Дирг Ринвус, рухнув на колени, — прости меня... Боже... прости, сынок...

По щекам кузнеца потекли горькие слёзы. Фейн опустился на колени, и потянулся к отцу.

— Папа? — Прошептал поражённый Фейн, — что с тобой? Пожалуйста, встань...

Дирг закрыл лицо руками и издал вопль отчаяния.

— Это мы во всем виноваты, — продолжил он, — нам с мамой следовало давно рассказать тебе, но... но мы просто не могли потерять тебя.

Фейн почувствовал дрожь по всему телу. Он закачал головой, по-прежнему сиюсь поднять отца на ноги.

— О чем ты говоришь? — Прохрипел он.

— Он выбрал тебя, — проговорил спокойный размеренный голос позади.

Фейн обернулся и увидел перед собой величественное лицо мага. Камень, сияющий в его руке, запульсировал в несколько раз сильнее, приблизившись к Фейну. Позади Голрана и рыжеволосой девушки стояла дюжина людей. Они были поражены не меньше Фейна. Удивленно озираясь, они не могли понять, что здесь происходит. Пару из них Фейн даже знал.

— Он выбрал тебя также, как и остальных, — продолжил Голран, — но несмотря на это, только тебе решать, кем ты хочешь стать. Если ты выберешь остаться здесь, со своей семьей, мы не станем тебе мешать.

«Мы сами выбираем, кем хотим стать.»

Поднявшись на ноги, Фейн ещё раз взглянул на плачущего отца, а затем на Летарда и остальных, избранных камнем.

— Я готов, — ответил юноша, и сделал шаг вперед.

СИЛИЯ

Издав пронзительный вопль, Эгвиракс скинул с себя Силию и, вспорхнув в воздух, скрылся в ветвях ясеня. Принцесса, рухнув на спину, тут же ощутила пронзительную боль в спине, но сумела подавить в себе крик. Силия залилась в сильном приступе кашля, и еще с минуту никак не могла прийти в себя.

Король Освин Стокмар, наблюдавший в тени походного шатра за тщетными попытками дочери приручить своего грифона, зашелся раскатистым смехом.

Не обращая внимания на насмешки отца, Силия даже не взглянула в его сторону. Распластавшись на траве, принцесса судорожно выдохнула и закрыла глаза.

«Господи, как же больно».

— Чтобы установить прочную связь со своим гиппрогрифом, ты должна полностью доверять ему, — наставительным тоном произнес король Освин, присев на колени рядом с дочерью.

Разомкнув глаза, Силия увидела улыбающееся лицо отца. Лицо, изборожденное множеством морщин. Лицо, которое, лёжа в постеле, будучи маленькой девочкой она видела последним после прочтения отцом очередной приключенческой книги о похождениях отважного короля Агвилара или пришествия драконов из солнечного Элиона. Это было лицо человека, на которого она хотела быть похожа, когда вырастет. При принятии любого

важного решения, Силия всегда спрашивала себя: а как бы на ее месте поступил отец? И прямо сейчас она лежала на земле, корчась от боли, не в силах установить связь с собственным грифоном. И это в шестнадцать лет.

Настоящий позор.

Как же она сможет быть похожей на отца, если при первой же неудачи будет отступать от своей цели?

Сколько раз она слышала восхищенные рассказы Ройлда Шенриза о том, как ее отец, еще будучи семилетним мальчишкой, уже порхал над стенами Архголма верхом на своем Гардэзисе.

А что она? За полгода обучения, максимум, чего Силия смогла добиться — пролетела на Эгвираксе пару метров, а потом свалилась в один из прудов королевского сада.

— Без доверия ничего не выйдет, — улыбнулся король Освин Стокмар, протягивая дочери руку — сильно ударила?

Несколько секунд Силия еще колебалась, а затем неуверенно кивнула и схватилась за руку отца.

Король помог дочери подняться, и хотел уже было препроводить в шатер, но Силия наотрез отказалась.

— Ну же, не упрямясь, — вздохнул Освин, — ты должна показаться лекарю.

— Я в порядке, — улыбнулась Силия, и махнула в сторону леса, — давай пройдемся?

Король Освин расплылся в добродушной улыбке, поцеловал девушку в лоб и повел по тропинке в лес.

Палящее полуденное солнце стояло в зените. Порывы холодного ветра трепали листья деревьев, в округе доносилось веселое щебетание птиц. Карканье ворона, непрекращающийся стук дятла, и переливчатое чириканье воробьев. Когда Освин с Силией вошли в лес, принцесса даже услышала тихое журчание ручья где-то неподалеку.

— Послушай, пап, я... — проговорила Силия, но тут же замолкла, почувствовав тяжесть отцовской руки на плече.

Освин приложил палец к губам, и кивнул прямо перед собой. И тогда Силия увидела его.

В самой чащобе леса, под тенью раскидистого дуба, стоял, склонив голову к земле, могучий пятнистый олень. Это был истинный красавец с огромными ветвистыми рогами, длинными ногами и мощным станом. Редкие солнечные лучи, пробивающиеся сквозь листья деревьев, ниспадали на невероятной красоты красно-рыжую окраску с молочными пятнами на теле. От самого хвоста до задней части головы протянулась темно-коричневая спинная полоса. Один из оставшейся полусотни потомков величественного рода королевских оленей Стокмаров, который еще несколько столетий назад вывел знаменитый алхимик Антрексии, Оэвар Харракс.

— Не спугни его, — прошептал Освин, и, пригнувшись, сделал шаг в сторону. Силия пошла вслед за ним.

В следующий миг в густых зарослях леса раздался хруст веток. Олень оторвался от пережевывания травы, и поднял морду вверх. Размером с доброго крестьянского тяжеловоза, харраксийский олень был вдвое крупнее своих собратьев из любого подвида. Казалось, ничто не могло напугать столь горделивого и величественного зверя, но прямо сейчас Силия увидела страх в его глазах. Учащенно дыша, олень прислушивался к каждому шороху.

Волоски на крупе оленя встали дыбом, предвещая о наступающей опасности.

Хруст повторился, и олень, ни медля ни секунды, сорвался с места. Через мгновение он уже скрылся в кустах ольховника, и остался лишь в памяти Силии.

— Стой здесь, — прошептал Освин, обернувшись через плечо.

Силия кивнула, и скрылась за стволом дерева.

Король Освин шагнул вперед. Поверх стеганого дублета на нем не было никаких доспехов, а посему, в случае внезапной опасности, он мог рассчитывать только на себя. К тому же, чтобы побыть с дочерью наедине, он приказал отряду гвардейцев ожидать в лагере.

Что же могло напугать харраксийского оленя, признанного хозяина аргхолмских лесов?

Король Освин вытащил меч из ножен, и, приняв боевую стойку, зашагал вперед.

Силия почувствовала, как ее тело прошиб сильный озноб. На лбу выступил холодный пот, а к горлу подступил приступ тошноты. Сердце в груди бешено заколотилось, и в какой-то момент девушка начала задыхаться. Внезапно все зримое пространство вокруг резко потемнело, раздался оглушительный раскат грома, и яркая вспышка молнии пронзила небо.

Выйдя из-за укрытия, Силия протянула руку к отцу, желая предупредить его о грядущей опасности. Но было уже поздно.

— Папа... — только и смогла прошептать Силия, наблюдая за тем, как неуловимая тень пронзает ее отца огненным мечом.

На мгновение Силию ослепила яркая вспышка пламени. Попятившись назад, она зацепилась за ветку, и рухнула навзничь. И в следующий миг, когда яркое красное сияние поблекло, и она взглянула на то самое место, где всего минуту назад стоял харраксийский олень, она увидела лежащее обугленное тело.

Тело ее отца.

С губ девушки сорвался хриплый стон.

Со всех сторон на Силию начал накатывать густой туман.

Она попыталась подняться, но с ужасом обнаружила, что все ее тело будто онемело.

В темных зарослях леса засверкали два огненных глаза. С каждым мгновением они приближались к ней все ближе и ближе. И когда черный, как смола, туман, настиг ее, Силия истошно завопила и распахнула глаза.

Она лежала на постели в своих покоях.

Учащенно дыша, она никак не могла остановить дрожь по всему телу. Она попыталась привстать, но она была настолько истощена, что смогла лишь беспомощно повалиться на спину. Никогда прежде она не чувствовала себя настолько беспомощной. Но за последние недели, не проходили ни единой ночи без ужасающих сцен смерти ее родителей. И хуже всего, что эти эпизоды никогда не повторялись. Десятки разнообразных вариантов гибели ее мамы и папы...

За окном было уже далеко за полночь. Ночную темноту на небе прорезала бесконечная россыпь звезд. Полоса лунного света проникала в ее покои, падая прямо на стол. Силия уже и не помнила, когда в последний раз после смерти родителей засыпала без помощи сонных снадобий. Однако в последнее время перестали помогать даже они. У Силии получалось заснуть лишь на два-три часа, а затем, раз за разом, она просыпалась вся в поту. Дрожа от дикого озноба, в ее ушах еще несколько минут продолжал вибрировать дикий вопль ее матери:

«БОЖЕ, ОСВИН, ЧТО ЭТО? НЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕТ!»

Силия тяжело вздохнула, провела ладонью по взмокшему лбу.

Не прошло ни дня, чтобы она не вспоминала предсмертный крик матери. Покои Силии

располагались прямо над родительскими, и она до сих пор не могла понять, почему *ОН* не убил ее? Ведь если целью убийцы ее родителей было пресечение их рода, почему он оставил ее в живых?

Силия откинула одеяло в сторону, и встала с кровати. Она подошла к столу в дальнем конце спальни, и взяла флакон с желтой пузырящейся жидкостью. После недолгих колебаний, Силия залпом выпила остаток зелья. Девушка поежилась от горького привкуса напитка, откашлялась.

Сев за стол, она принялась копаться в бумажках. Прошения о сокращении налогов, бесчисленные жалобы, приглашение на празднование Анционара от архонта Двух Копий, Мартиаса Локранио. Силия отложила письма в сторону и опустила голову на стол.

Как долго она сможет еще терпеть это? Хватит ли у Силии сил на это?

Раскатистый стук в дверь вывел ее из оцепенения.

— Войдите, — Силия обернулась к выходу. В дверях стоял советник Дейно Гостенс.

— Простите за столь ранний визит, Ваше Величество, но вам пора готовиться к церемонии коронации.

На ее белом атласном платье были вышиты позолоченные узоры, украшенные бриллиантами, жемчугом и аметистами. Силия восседала на высоком бронзовом троне, в изголовье которого находилась статуэтка расправившего крылья грифона Орегсереса, легендарного прородителя своего рода. В зале стояла невыносимая духота. У Силии вспотели ладони, а из-за тугого платья дышать было совсем тяжело.

После трехчасовой церемонии коронации в Великом Храме Кролиона, Силии больше всего на свете хотелось закрыться в своих покоях и весь день побыть в одиночестве.

— Повторяй за мной, — прошептал Верховный Владыка, положив обе руки на ее плечи.

— Обещаю верой и правдой служить на благо Антрексии.

Силия втянула побольше воздуха.

— Обещаю верой и правдой служить на благо Антрексии.

— Клянусь соблюдать закон и нести справедливость во всех своих решениях.

— Клянусь править во имя счастья и благополучия всех жителей Антрексии.

Верховный Владыка подошел к алтарю, взял меч, и, повернувшись к Силии, коснулся им ее головы и сказал:

— Прими меч достославного Агвилара Непобедимого и сокруши им всех противников Святой Антрексии. Волей Всемиловитого Кролиона тебе передана власть над величайшим государством Астариса для сохранения прочнейшего мира среди всех антрексийцев.

В тот самый миг, когда Верховный Владыка Кролионского Храма Нетрей Аразасс коснулся левой рукой плеча Силии, стоявшей на коленях, окропил ее водой из подземных рудников близ Архголма, а затем возложил на ее голову золотую корону, инкрустированную шестью осколками сияющего мягким изумрудным сиянием агэльфиуса, ей тут же захотелось выбежать прочь из зала и бежать неизвестно куда, пока она не проснется и не окажется, что события минувших дней окажутся лишь дурным сном.

Но все произошло наяву.

И самое трудное ждало ее впереди.

К полудню в тронном зале Архголма собралась все знатные мужи королевства: от Первого Советника Ройлда Шенриза до лорда «Гиацинтовой Долины» Херта Шоппера Вассалы Антрексии, влиятельнейшие лорды со всей страны, под руку вместе со своими женами останавливались в нескольких шагах от трона Силии, преклоняли колена и расплывались во всевозможных любезностях.

Лорд Бикли Кенстнер с Сигельдского полуострова, тучный розовощекий мужчина с заметной проплешиной на голове, подошел к трону Силии вместе с худенькой невысокой особой со вздернутым носом. Жена Кенстнера, Энсия, растянулась перед Силией в вымученной улыбке, но по ее взгляду девушка сразу же поняла, что это лишь очередное притворство.

— Всегда к вашим услугам, Ваше Величество, — по знаку Силии Бикли с супругой поднялись на ноги. Лицо запыхавшегося лорда, разодетого в зеленый парчовый дублет и увешанного целой кучей всевозможных драгоценностей, сияло от лучезарной улыбки. Но в следующий же миг, когда леди Энсия толкнула его локтем в бок, лицо Кенстнера резко изменилось. Он напустил на себя страдальческий вид, и в других обстоятельствах Силия уже готова была бы поверить, что лорд Сигельда и вправду расплачется.

— Как жаль, что вашей коронации предшествует столь ужасающее событие, — Бикли страдальчески вздохнул и покачал головой, — ваш отец был настоящим идолом для всего королевства, опорой, за которой каждый из нас чувствовал себя в полной безопасности даже во время самых кровопролитных войн.

Энсия Кенстнер утвердительно качнула головой.

— Ваше Величество, — продолжил Бикли, — даю вам слово, что сделаю все возможное для поисков убийцы ваших родителей. Виновные не останутся безнаказанными.

Силия молча кивнула.

— И я полностью уверен, — лицо лорда Кенстнера резко осветилось улыбкой, — что ваше правление будет не менее благородным и справедливым, чем во времена вашего отца. Вы можете рассчитывать на поддержку дома Кенстнеров в любое время.

— Благодарю вас, — улыбнулась Силия Стокмар, — для благополучного будущего королевства нет ничего важнее, чем преданность его подданных.

— Именно так, — поклонился лорд Бикли, — да будет ваше правление долгим и благополучным!

Леди Энсия сделала реверанс, и вместе с лордом Бикли отправилась за стол.

Через полчаса, когда за столами уже не осталось свободных мест и гвардейцы захлопнули двери в тронный зал, герольд протрубил несколько раз в горн, а затем указал рукой на новоиспеченную королеву.

— Королева Силия Стокмар, первая этого имени, правительница Священного Города Архголма и всей Антрексии.

По залу прошелся оглушительный всплеск ликующих голосов, сопровождающийся бурными аплодисментами.

Силия нерешительно поднялась с трона и обвела присутствующих пристальным взглядом. В груди гулко билось сердце. На неё смотрели десятки незнакомых лиц и знатных лордов, которых она еще совсем недавно встречала в качестве гостей на званых ужинах, устраиваемых ее отцом.

Теперь она имеет власть над самыми влиятельными людьми во всей Антрексии. Но станут ли они слушать шестнадцатилетнюю девушку? Несмотря на то, что большинство из

присутствующих уважали и даже боялись Освина Стокмара, Силия — не ее отец. Она слишком хорошо знает, что каждый из них думает о ней прямо сейчас. Закрывая глаза на притворство и мнимые любезности, она прекрасно знала, что ее власть держится на тонкой нити, которая может разорваться в любой момент.

Юная королева задержала взгляд на Ройлде Шенризе. Уголки его губ подернулись в едва заметной улыбке. Первый Советник кивнул и отсалютовал ей бокалом.

Звон посуды и музыка постепенно стихли и в зале воцарилась тишина.

Силия облизнула пересохшие губы, и, спустившись на несколько ступенек вниз, подняла правую руку вверх.

— Я знаю, что Антрексия все еще пожинает плоды войн с Солнечной Лигой, — начала Силия, — и даю слово, что, прежде всего, мы займемся восстановлением наиболее пострадавших частей королевства.

По залу прошёлся одобрителный рокот.

Силия спустилась на несколько ступенек вниз и зашагала к изголовью стола. Подскочившие слуги тотчас же выдвинули ей стул. Силия ответила благодарным кивком и заняла своё место. Пламенный отблеск свечей из канделябров замерцал на ее короне. Восторженные взгляды присутствующих были устремлены на чарующую красоту осколков агэльфиуса, инкрустированных в корону.

Потянувшись к кубку с водой, Силия сделала пару глотков, и затем продолжила свою речь.

— На следующей неделе пройдет Единый Совет, на котором будут решаться первостепенные по важности задачи государства, — Силия покосилась в сторону Ройлда Шенриза, — у вас еще есть время предложить тему для обсуждения через Советника Шенриза.

За длинным обеденным столом из красного дуба сидело, по меньшей мере, сорок человек. И каждый из них, отложив в сторону тарелки с яствами, внимательно слушал Силию. Сколько бы юная королева не готовила себя к этому моменту, она все равно не могла унять в себе дрожь.

Презрительные циничные взгляды банкиров с Лествилла и Эйсвуда. Надежда в глазах отчаявшегося лорда Среднегорья, Гертиса Ороса, чьи поданные уже второй год кряду страдают от разорительных набегов наемников с Кораллового моря. Восторженные взгляды придворных слуг, завистливые перешептывания спутниц знатных лордов.

Каждый из них хотел войти в доверии Силии и оттяпать из казны государства свой лакомый кусочек.

На примере отца Силия прекрасно помнила, что такое — быть правителем целого государства. Пускай ей только предстояло узнать, насколько это тяжело, быть правителем крупнейшего государства Астариса, но уже сейчас она точно знала, что ее отец был самым сильным человеком, которого она когда-либо знала. И прямо сейчас, вспоминая свою злобу на отца, когда он на протяжении целого дня не выходил из зала заседаний или на несколько недель уезжал за пределы столицы, Силия чувствовала себя настоящей дурой.

Во время заседаний Единого Совета Силия часами напролет играла в саду с Эгвираксом или детьми очередного лорда, прибывшего по поручению короля в Аргхолм, чтобы хоть как-то убить время и дождаться отца, который расскажет ей очередную историю о подвигах Агвилара Непобедимого или поведаст об очередном звере из «Сказаний барда Ильсера Стелфона».

Но, зачастую, после изнурительных многочасовых заседаний Единого Совета или аудиенций с просителями со всех уголков Антрексии, изможденный король Освин Стокмар приходил в покои Силии уже поздним вечером, когда юная принцесса готовилась ко сну. И, если он находил в себе силы рассказать одну из ее любимых историй, девочка чувствовала себя самым счастливым человеком на свете.

Силия подняла бокал с акдэзийским вином, и, улыбнувшись, сказала:

— Во славу Священной Антрексии!

Послышался звон бокалов, и всоторженные восклицания десятков ртов:

— Во славу Священной Антрексии! Во славу королевы Силии!

МАРИАННА

Марианна вошла в свои покои, и, не снимая верхней одежды, рухнула на постель. Она перевернулась на спину, и уставилась в потолок. Ужасно болела спина, от усталости гудели ноги.

«Боже... ещё пару таких приемов, и я сойду с ума, — подумала принцесса, — лучше бы я отправилась на войну вместе с Кэдвином.»

О да, такая перспектива вдохновляла ее несравненно больше, чем утомительные приемные вечера с вассалами отца или уроки вышивания с няней Орбис. С этой злостной вредной старушкой, лицо которой изборождено отвратительными бородавками. Ух... мерзость. Марианна поморщилась от одной только мысли об этом.

Четырнадцатилетняя Марианна Вэрсион имела отвратительную с точки зрения ее родителей и наставниц привычку сбегать с занятий по шитью или этикету. Особенно ее бесили каждодневные нудные увещевания Орбис о том, как нужно правильно вести себя за столом: не чавкай, не скрепи по тарелке столовыми приборами, и постоянно держи спину прямо. С каждым днем выносить это было все сложнее и сложнее. Марианна не удивится, если скоро дойдет до того, что Орбис будет учить ее, как правильно дышать.

Поэтому со временем Марианна стала все чаще убегать из замка, чтобы поиграть с крестьянскими мальчишками в ближайших деревушках. Не смотря на их боязнь причинить вред дочке лорда, они все равно с охотой принимались биться с ней на деревянных мечах. Они никак не могли примириться с мыслью, что девчонка побеждает их раз за разом. Тем сильнее было желание поставить ее на место. Особенно у Харриса Уэлбера, юного сына кузнеца.

Вместо уроков танцев она бежала в библиотеку, и с головой погружалась в чтение романов о знаменитых рыцарях королевства и великих битвах прошлого. Девушка, совершенно забывая о течении времени, могла часами просиживать за книгами. Ее вдохновляли удивительные истории об отважном рыцаре Гарде Отваре, в одиночку расправляющемся с двенадцатью противниками у Кривового Перешейка, или предания о бесчисленных подвигах короля Агвилара Непобедимого.

И, возможно, когда-нибудь она и сама прославится на поле брани. Отец при подобных изречениях улыбался и целовал ее в лоб, со словами: «твоя мама убьет меня, если я разрешу тебе фехтовать».

Но Марианна никак не могла смириться с этим. Почему она не могла заниматься тем, что нравилось именно ей?

Каждый раз, задумываясь над этим, девушка вспоминала слова матери, когда та нашла

под ее кроватью меч.

«Орудовать мечом — не женское дело, — сказала тогда Карелла Вэрсион, — или ты раз и навсегда выкинешь эти глупости из головы, или нам с отцом придется отправить тебя в Стэнфилд».

И хоть с тех пор Марианна и поубавила свой рыцарский пыл, но «глупости из головы» выкидывать не собиралась. Да и к тому же, она с братьями и Ламией еще с самого детства привыкли, что при малейшем проступке мама сразу же грозила им тем, что отправит их в самое жесткое училище во всем Астарисе. Однако дальше этих самых угроз дело так и не доходило. Но в конечном счете, Марианна слишком хорошо знала свою мать. Она никогда не позволит вступить ей в ряды гвардии короля или стать рыцарем. Однако... когда это ее останавливали родительские запреты? Она уже достаточно взрослая, чтобы самостоятельно распоряжаться своей судьбой.

Марианна все равно не могла примириться с тем, чтобы забросить любимое увлечение. Да и чего ради ей было это делать? Потому что это «не женское дело?». Но ведь примеров было достаточно. Взять хотя бы Элрис Зэкон, прославленную южную королеву, две сотни лет тому назад покорившую Олбрские острова с пятьюдесятью галеями. Или отважную телохранительницу короля Цекливар Мудрого, Нэмму Яндрис. В тот день, король, перебравший с вином, возвращался в свои покои со свадьбы младшей дочери, и был застигнут врасплох внезапным нападением подлых заговорщиков. Цекливар оказался заперт на лестничном пролете башни, и все пути к отступлению были отрезаны. Толпа врагов нахлынула с обеих сторон. Двое гвардейцев короля были тут же убиты, и на пути нападавших осталась только Нэмма. Ценой собственной жизни ей удалось уберечь от гибели короля. Как уверяют легенды, в той кровавой бойне она рассекла мечом более десятка врагов, и на последнем издыхании свалилась у ног короля.

Марианна давно уже для себя решила, что не пойдет по пути Ламии. Они с сестрой вообще мало чем были похожи. Разве что цветом глаз, и на этом все сходства заканчивались. Лорды-вассалы отца на приемах все время льстили, какие очаровательные у девушек глаза.

«Подумать только, — сказал как-то сир Нэд Гэйвелл из Стивела, — сияют, будто бы изумруды!»

Но в остальном они с сестрой были полные противоположности. Ламия только и вела разговоры, как бы поскорее выйти замуж за благородного рыцаря или знатного лорда. На каждом шагу она описывала, как назовет своих детей, как обустроит замок, и прочие глупости. Старшая сестра обожала читать любовные романы о том, как отважный рыцарь с помощью силы поцелуя воскрешает из мертвых возлюбленную. Марианне же от такого чтива делалось дурно.

А после того, как Марианна увидела на столе у сестры портретные зарисовки каких-то принцев и омерзительные стишки про любовь, она зареклась, что ноги в комнате Ламии ее больше не будет. Хотя, если бы ее старшая сестра узнала, что Марианна тайком заходит в ее покои, последствия были бы просто ужасающие. После перепалки двух сестер Вэрсионов Катерис пришлось бы перестраивать заново.

Выйти замуж за принца, нарожать ему детей и целыми днями прозябать с придворными дамами в разговорах о нарядах и прочих безделушках? Ох, нет, такой путь был точно не для нее.

Ее путь будет гораздо интереснее. В этом можно было не сомневаться. Марианна благоговейно потянулась, и закрыла глаза. На ее губах застыла мечтательная улыбка.

СИЛИЯ

— Ваше Величество, новости с востока довольно не утешительные, — докладчик дрожащей рукой промокнул взмокший лоб платком, — за последние несколько недель активность всякой нечисти возросла в несколько раз.

Советник Гостенс откашлялся, скользнув быстрым взглядом по королеве и Ройлду Шенризу, и, опустив взгляд к листку бумаги в правой руке, продолжил.

— Такого не было уже несколько десятилетий. Пару деревень близ Нерифурда выгорели дотла. Королевский Охотник, посетивший место событий, утверждает, что виной всему — дракон.

Королева Силия Стокмар удивленно вскинула брови, и обернулась к Ройлду Шенризу. Нахмурившись, Первый Советник в смятении потер свою редкую бородку, и спросил:

— Дракон? Ты уверен? С чего бы это вдруг драконам нападать на человеческие поселения? Они не нарушали пакт о Ненападении вот уже несколько сотен лет.

Гостенс обернулся, махнул одному из своих помощников. Кудрявый юноша кивнул, пробежал через весь зал и исчез в дверях. Через пару секунд он вернулся вместе с мужчиной в пластинчатом доспехе и длинном дорожном плаще.

«Охотник», — ужаснулась Силия.

Раньше она слышала о них только по коротким рассказам отца или придворных слуг, но живую никогда не видела. Все слухи об Охотниках сводились к тому, что они являлись самыми настоящими орудиями для убийства. Жестокие, беспринципные, не знающие пощады. Для осуществления своей цели они не остановятся ни перед чем.

«Идеальные машины для убийства», — сказал как-то за столом Вегдон Мортис, начальник королевских гвардейцев.

Охотник остановился возле советника Гостенса, тот что-то прошептал ему и отошел на шаг назад. Вошедший был высокий жилистый мужчина лет сорока. На голове беспорядочная копна сальных волос. Лоб Охотника был обезображен глубоким шрамом. Он сделал несколько шагов вперед, задержал взгляд на Силии, и с неохотой преклонил колено.

— Королевский Охотник Дейлио Роган, — представил его Гостенс. Сам Охотник по-прежнему молчал.

От этого взгляда девушке сделалось не по себе. Силия подумала, что если бы этот человек пришел по ее душу, то ни один из стражников в этом зале не смог бы ее спасти. Девушка почувствовала, как ее пробрал холодный озноб. После смерти родителей она видела опасность в любой тени, в каждом шорохе.

Силия медленно кивнула.

— Встаньте.

Охотник поднялся на ноги, отошёл назад к Гостенсу.

Советник кивнул и махнул в его сторону. Дейлио Роган сбросил на пол грязный увесистый мешок, и что-то из него достал. По залу пробежал настороженный шёпот.

Охотник держал в руках обломок когтя дракона.

— Я нашёл это на пепелище одной из деревень Нерифурда, Соломенных Крышах.

Ройлд Шенриз нахмурился.

— И что это доказывает? — Первый Советник распрямился, развёл руки в сторону, — на мой взгляд, коготь скорее принадлежит грифону или гарпии, с чего вы решили, что это

был дракон?

Ледяной взгляд Охотника был непроницаем. Он взглянул на Силию, затем снова на Шенриза. Повертев обломок в руках, он спокойно ответил:

— Грифоны находятся исключительно в услужении Ее Величества, — глаза Рогана скользнули по Силии, — и вы это прекрасно знаете. А что касается остальных тварей, то вы можете мне не верить, и продолжать тешить себя иллюзиями, но факт остаётся фактом — это был дракон. Ни у одной гарпии нет когтей длиной в человеческую руку, а ведь это, — Охотник потряс когтем в руке, — лишь малый кусок от него. Вероятно, одному из крестьян перед смертью удалось попасть в тварь вилами, но это не сильно ему помогло.

Силия судорожно сглотнула.

— Дракон дотла спалил несколько королевских деревень, пожрав поголовно всех крестьян и скотину. И будь я на вашем месте, то прямо сейчас бы уже начинал созывать ваших генералов и все войска, а ещё лучше — драконоборцев.

Советники позади Силии продолжали испуганно шептаться. Девушка почувствовала, как у неё леденеют ладони.

— В лучшем случае, — продолжил Роган, — вы можете надеяться, что это лишь единичное нападение. Возможно, отошедший от спячки дракон почувствовал зверский голод, и показал своё истинную сущность. Хотя, учитывая, насколько умны эти твари, сильно сомневаюсь, что он сделал это только лишь из-за голода.

— Что вы имеете в виду? — Дрогнувший голосом спросил Шенриз.

— Дракону могли приказать это сделать, — ответил Дейлио Роган, — и не мне вам рассказывать, Кто обладает подобной властью.

Губы Охотника исказились в отвратительной ухмылке, от которой у Силии побежали мурашки по коже.

В зале воцарилась гробовая тишина.

ФЕЙН

Они остановились на ночлег в трактире «Оленьи Рога». Уже к завтрашнему вечеру они придут в Дарлем, таинственную обитель одного из орденов магов.

С ума сойти.

Еще вчера Фейн и подумать об этом не мог. Он до сих пор не мог поверить, что все это происходит наяву.

Они знали... родители всегда знали... знали, что он не такой как все, но все равно продолжали скрывать это... Но почему они так поступали с ним? Действительно ли это было сделано для его же блага? Нет, сейчас он просто утешает себя этим. Если Фейн и правда обладает некоей магической силой, как он будет приносить пользу окружающим, скрывая ее?

Всю свою сознательную жизнь он только и думал над своим предназначением. Постоянно гадал, для чего он вообще существует. Он прожил пятнадцать лет, большую часть из которых пытался убедить самого себя, что должен пойти по стопам отца и стать кузнецом или же фермером, как его дедушка Гердолл, мамин отец.

Но ведь в глубине души Фейн всегда знал, что все это не для него. Он был создан для нечто большего. Или, по крайней мере, ему хотелось в это верить.

Теперь у него есть шанс доказать свою значимость, прежде всего, самому себе. Найти

свое место в этом огромном мире и наконец-то понастоящему начать жить.

Бледный лунный свет проникал в комнату через приоткрытое окно. Где-то во дворе пролаяла сторожевая собака, и Фейн вернулся к реальности.

Сидя на сундуке возле окна, Фейн наблюдал за красотой ночного неба, усыпанного мириадами звезд. Тишину нарушало лишь мерное посапывание Регга Сельвиса, занявшего постель в дальнем конце комнаты.

Нельзя сказать, что они были друзьями или близкими знакомыми. Фейн несколько раз был на ферме Сельвисов, когда ходил отдавать изготовленные отцом на заказ мотыги, топоры и прочую утварь. И то, что камень выбрал Регга, стало для него такой же неожиданностью, как и для Фейна. Была ли в этом вообще какая-то закономерность? Или же он выбрал их совершенно случайно, а, быть может, даже ошибся? Но если догадки Фейна были верны, то этот камень никогда не ошибался.

То, что камень в руках Летарда Голрана — один из утерянных осколков агэльфиуса, Фейн понял практически сразу, едва взглянув на него. Перед сном в детстве бабушка Элбрейн любила рассказывать ему сказки про «Разлом Астариса», или предания о «Сумрачном Лесе»,¹ и его страшных обитателях.

«Запомни, дорогой, в тот самый час, когда из Сумрачного Леса нагрянут невиданные доселе существа, станет концом для всего мира. За Сумрачным Лесом обитают невиданные твари, от которых нет спасения. Они питаются всем живым, что подвернется под руку. Пускай их дряхлый вид не обманывает тебя. У них огромные острые клыки и когти размером с доброго пони. Они бегают быстрее любой лошади. Лишь самые отважные и прославленные герои со всех концов Астариса могут совладать с ними.»

С этими словами старушка Элбрейн обычно заканчивала свои истории, и, чмокая маленького Фейна в лоб, оставляла одного дрожать в темной комнате.

С возрастом Фейн понял, что все, о чем рассказывала бабушка, не более, чем вымысел. Хоть на центральной площади Верквуда он несколько раз встречал странствующих магов, отец Фейна, как и остальные жители деревни, растил его с четким осознанием того, что с магией нельзя иметь никакого дела.

«Магия — величайшее зло, с каким ты только можешь встретиться».

Фейн много раз слышал подобное от отца. Но если отец знал, что Фейн и сам обладает магической силой, значит ли это, что он ненавидел его? Или наоборот, хотел уберечь от чего-то?..

Летард Голран обвел присутствующих долгим изучающим взглядом. В камине трещали поленья. За окном мерно постукивал дождь, и раздавались грозные раскаты грома. Темноту ночного неба пронзали ослепительные вспышки молнии.

Около тридцати собравшихся в зале девушек и юношей сидели в абсолютной тишине, боясь вымолвить хоть слово. Казалось, никто из них до сих пор не осознал, что он здесь делает.

Голран сидел на невысоком помосте вместе с тремя другими магами.

По левую руку от него располагался старец с впалыми щеками и длинной белоснежной бородой, ниспадающей до самого живота. Взгляд его затуманенных незрячих глаз уходил

куда-то вглубь зала. Но несмотря на слепоту, складывалось ощущение, что он был способен заглянуть в самое нутро твоего сознания и души. Похожее ощущение у Фейна сложилось, когда он встретил Голрана на рыночной площади в Верквуде. Неужели все маги обладают подобным даром или все устроено куда сложнее?

Справа от Голрана сидела темноволосая женщина с глубоким шрамом над переносицей. По левую руку от нее — человек, чье лицо было закрыто темным холщовым колпаком, на котором были лишь прорезы для глаз и ноздрей.

Позади четверых магов стояло шестеро человек в темно-синих мантиях. Среди них была и та самая рыжеволосая девушка, которая была на рынке Верквуда вместе с Голраном.

Наклонившись к женщине справа, Летард выслушал от неё какое-то указание, утвердительно кивнул. Через пару секунд он заговорил:

— Я знаю, какие чувства вас сейчас обуревают. Страх, непонимание, сомнение... Каждый из нас проходил через это. Мы здесь для того, чтобы помочь вам.

Голран немного помедлил, затем поднялся на ноги и вышел на середину зала.

— Я хочу, чтобы вы запомнили самое главное, — скрестив руки на груди, сказал Летард Голран, — вы совершенно исключительные люди. Вы не должны чураться или бояться своих способностей. Не должны скрывать их от окружающих и бояться их неодобрения. Вы должны использовать их во благо остального мира. Это то, чем мы здесь занимаемся.

Присутствующие переглядывались между собой. По залу прошел нестройный шепоток голосов.

Летард помолчал какое-то время, давая им возможность обмозговать услышанное.

— Но я хочу, чтобы вы поняли одну очень важную вещь, — наконец продолжил он, — в эту самую секунду, пока вы еще не прошли обряд посвящения, вы можете покинуть стены Дарлема и вернуться домой. Если среди вас есть такие, то сейчас самое время встать и выйти из зала. Но, если вы это сделаете, то вернуться больше никогда не сможете.

Воцарилось гробовое молчание.

Затем худощавый веснушчатый юноша с заднего ряда откашлялся, и поднялся с места. Почесав затылок, он огляделся по сторонам, и направился к выходу. Его примеру последовало еще две девушки.

— Кто-то еще? — Ледяным голосом спросил Голран.

Однако больше желающих не было. Все оставались на месте.

— Хорошо, — кивнул Голран.

В следующий миг он достал из кармана изумрудный камень, какое-то время подержал его в ладони, а затем выставил перед собой.

— Думаю, многие из вас слышали легенды об Агэльфиусе, легендарном камне, собрав воедино осколки которого, вы можете повелевать всеми стихиями, ходить сквозь пространство и время, да и, в общем-то, истинное могущество Агэльфиуса не знает никто. Но, пожалуй, все что известно об истории Агэльфиуса, вы сможете прочитать в библиотеке на третьем этаже.

Фейн огляделся по сторонам. Все, как зачарованные, смотрели на искрящееся изумрудное сияние камня.

— То, что камень избрал каждого из вас, не означает, что вы станете великими волшебниками и волшебницами, — серьезно сказал Голран, — в каждом из вас таится магическая сила, и Агэльфиус отреагировал на нее. Но, в конечном счете, то, кем вы станете, будет зависеть только от вас самих. От приложенных вами усилий и стараний. Даже самые

великие из магов десятилетиями оттачивали свои умения.

Губы Летарда Голрана расплзлись в едва заметной улыбке.

— И, наверное, пределу совершенства не будет никогда. Я и сам до сих пор пробую новые подходы к более глубокому изучению алхимии. Поверьте, в магии всегда будет место новым открытиям. Так что даже не думайте, что вы сможете вызубрить все на свете, и стать величайшими чародеями в истории.

В зале раздался дружный хохот. Фейн почувствовал всеобщее облегчение среди присутствующих. Если еще у кого-то и оставались опасения по поводу происходящего, то они явно поубавились после речи Голрана.

Невзирая на все суеверия и рассказы жителей Верквуда об «ужасающих некромантах или темных прислужников демонов», Фейн видел, что эти маги были совсем другими. Конечно, нет никаких сомнений, что темные некроманты действительно существуют. По-другому и быть не может, так уж устроен этот мир. Но, как и сказал Голран, каждый из нас — сам хозяин своей судьбы. И только нам выбирать, кем мы станем в будущем.

Сейчас Фейн даже и представить себе не мог, что ждет его на этом пути, полном опасностей и неизведанного. Сможет ли он наконец найти свое место в этом мире? Ответ на этот вопрос ему только предстояло узнать, но уже сейчас он знал наверняка: назад дороги нет. Фейна Ринвуса, пятнадцатилетнего сына кузнеца из крошечной деревушки Верквуд на севере Антрексии, больше не существует.

Теперь он сам напишет историю своей новой жизни.

ТОРТОН

Ночное небо было затянуто густыми тучами. Войско Кэдвина Вэрсиона встало лагерем на берегу Кричливой. Тортон Шегвелл, оруженосец старшего из братьев Вэрсионов, грел оледеневшие руки у костра и с жадностью наблюдал за тем, как белокурый поварёнок Вэйн поджаривает на вертеле пару щупленьких зайцев.

Тортон Шегвелл подбросил несколько веток в догорающий костер, и тусклые искорки огня взметнулись ввысь.

Юноша поморщился от болезненного спазма в желудке. Со вчерашнего вечера у нег во рту и маковой росинки не бывало. А уж после изнурительного перехода через Точеный перевал, он бы сглодал целого вепря, и не отказался бы от добавки. Однако лучшее, на что он сейчас мог рассчитывать, это пару кусочков зайчатины.

Вокруг костра собралась дюжина таких же изголодавшихся бедолаг, как и он сам: пару лучников, несколько мальчишек-конюхов, монах Прекрионской обители и Чед Кортвик, один из копейщиков Вэрсионов.

Вэйн Крэкс, тучный светловолосый юноша помешивал черпаком в котелке.

Чед Кортвик то и дело подгонял раскрасневшегося Вэйна, и норовил оттяпать себе самый мясистый кусок.

— Господь свидетель, Вэйн, — просипел он, — если бы не твоя фирменная похлебка, я бы уже давно сожрал тебя вместо этой дохлятины.

Присутствующие загоготали во все горло и восторженно заулюлюкали.

— А старина Чед дело говорит, — поддержал его Оуэн Сигрик, рыжеволосый конюх со впалыми щеками, — на одной только его заднице мяса столько, что хватило бы на все войско.

Со всех сторон снова раздался неистовый смех, а один из лучников захрюкал, изображая Вэйна.

Вэйн совсем раскраснелся от стыда, и сделался чуть ли не пунцовым. В какое-то мгновение Шегвеллу даже показалось, что поваренок наконец найдет в себе силы ответить. Однако Вэйн только молча покачал головой, и продолжил помешивать в котле.

— Осторожно, ребята, — подался вперед Шегвелл и широко улыбнулся, — того и гляди, что после таких острот старина Вэйн может подправить ваши похлёбки своими слюнками или чего доброго, настойкой эртлины.

Вэйн поднял на Шегвелла восторженный взгляд, и едва заметно улыбнулся.

— Пускай только попробует, — нахмурился Чед, и ударил кулаком по ладони, — или давно его жирная задница нагоняй не получала?

Монах, облачённый в длинную поношенную рясу, неподвижно сидел на пеньке. Прижав ладони к груди, он молился уже второй час.

Дождавшись своей очереди, Тортона Шегвелл приблизился к Вэйну, и протянул ему котелок.

— Прости, мяса почти не осталось, — насупился Вэйн, — но я положу тебе побольше картошки.

— Дружище, не переживай, — улыбнулся Тортона, — все в порядке, правда. Ты здесь не виноват.

Вэйн смущенно улыбнулся, и передал ему миску, из которой вздымался пар.

— Как и всегда, отменный запах, — Тортона хлопнул его по плечу, — ты молодчина, Вэйн.

— Эй, Сигрик, ты должен мне десять золотых, — облизнув миску, прорычал Чед Кортвик, — у нашей свинки появилась подружка!

Раздалось пронзительное гоготание, и Вэйн, налив остатки похлебки в миску, побрел в сторону.

Шегвелл испытующе посмотрел на скалящегося Кортвика, и покачал головой.

— Эй, погоди! — Тортона крикнул удаляющемуся Вэйну, и нагнал его, когда тот уже почти вышел из лагеря, — не обращай внимание на эту погань. Поверь, оно того не стоит.

Вэйн с восторгом взглянул на Тортона, и кивнул.

— Спасибо тебе, — пробормотал он.

— За что же это?

— Да хотя бы за то, — он махнул головой в сторону лагеря, — что не насмехаешься надо мной вместе с ними.

Тортона удивленно поднял брови.

— Да перестань, ты не должен им это позволять, — ответил он, — такие отбросы как они, и пальца твоего не стоят. Поэ...

— Надвигается буря, — послышался тихий размеренный голос.

Тортона и Вэйн опешили, и резко повернулись. Позади них стоял прекрионский монах. Он откинул капюшон назад, и перед ними предстал мужчина средних лет со впалыми щеками и темно-серыми глазами. Его лицо, испещренное множеством морщин, являло собой вид чрезвычайно изможденного человека.

Тортона взглянул на изумленное лицо Вэйна Крэкса, затем обратно на монаха.

— Извините, — неуверенно начал он, — я не совсем понимаю. О чем это вы говорите?

Монах посмотрел куда-то вдаль, сквозь Тортона и Вэйна. Воцарилось гнетущее

молчание, а затем он спокойным монотонным голосом проговорил:

— Они уже идут, — оскалился монах, — их ничто не остановит.

Он сделал паузу, взглянул на Тортону, и продолжил:

— Я знаю, о чем говорю. Сходятся все знаки и предзнаменования, на которые указал мне Великий Прорицатель.

Монах резко вскинул указательный палец, и приблизился к Тортону. Вэйн попятился назад.

— А он никогда не ошибается, — в глазах монаха сверкнул какой-то безумный огонек. Тортону сделалось совсем не по себе.

— Ваше Преосвященство, я не понимаю, — Тортон сглотнул, выждал паузу, — быть может... может, вы голодны?

Тортон Шегвелл протянул монаху миску остывшей похлебки. Юноша съел всего пару ложек, но аппетит резко пропал.

Лицо монаха исказила какая-то отвратительная ухмылка.

— Скоро, — прошептал он, устремив взгляд в ночное небо, — скоро вы все поймете.

Закончил монах, и скрылся во мраке ночи.

МАРИАННА

Призрачный лунный свет проникал сквозь узкую прорезь бойницы, ниспадая прямо на ступеньки лестницы.

Интересно, как скоро хоть кто-нибудь из них заметит ее отсутствие? И заметят ли вообще? Ведь все гости будут настолько увлечены очередными рассказами тетки Орбис о проделанных успехах Ламии в шитье или танцах, что никто и не вспомнит об отсутствии Марианны. Да и с чего бы вдруг?

Марианна откусила яблоко, и тут же выплюнула кусок на пол.

«Какая кислятина, — скорчилась девушка, и, утерев губы тыльной стороной ладони, швырнула плод наружу.»

— Знаешь, если оно упадет на голову одному из стражников, по Катерсису снова могут поползти слухи о призраках.

Марианна резко обернулась через плечо. В лестничном пролете стояла Карелла Вэрсон. Женщина отсалютовала чашей вина, и, сделав щедрый глоток, направилась к Марианне.

— Если ты продолжишь ходить по замку настолько бесшумно, то, полагаю, этим привидением стану я.

Карелла расхохоталась, и, подобрав подол платья, уселась на ступеньки возле дочери.

Темно-русые волосы женщины ниспадали ей до самой поясницы. Изумрудное атласное платье изумительно подчеркивало красоту ее карих глаз. К тридцати семи годам Карелла нисколько не растеряла своей привлекательности, и до сих пор ловила восхищенные взгляды послов, знатных лордов и прочих гостей Катерсиса во время званых ужинов.

— В чем дело, дорогая? — Спросила Карелла, но Марианна отвела взгляд в сторону, — почему ты снова сбежала с ужина?

В воздухе воцарилась тишина, прерываемая лишь далекими отголосками играющей музыки и праздных голосов из трапезной.

— Я заметила, — нарушила молчание Карелла, — что старший сын лорда Гердуана

весть вечер не отрывал от тебя взгляда, а когда ты ни с того ни с сего выскочила из-за стола, он явно хотел было поспешить за тобой, но его отец запретил.

Марианна глубоко вздохнула и опустила взгляд вниз, покачивая головой.

— Наверное, не хотел дурно выглядеть в гла...

— Зачем ты здесь? — прервала Кареллу Марианна, подняв на неё взгляд. Зеленые глаза девушки сверкали от гнева, — разве ты не должна сейчас сидеть и выслушивать очередную оду своей примерной старшей дочери и собственноручно расхваливать ее перед гостями? Глядишь, к окончанию пира она уже найдет себе достойного мужа. Быть может, даже кого-нибудь из толстосуммов с Раскаленной Долины.

За окном послышалось лошадиное ржание, грохот доспехов, пьяный гогот и женские визги.

Через несколько секунд все прекратилось, и Карелла пододвинулась ближе к дочери.

— Марианна, — прошептала женщина, положив ладонь на плечо дочери, но девушка тут же отдернула руку и вскочила с места.

Она начала уже спускаться вниз, когда усталый голос матери заставил ее остановиться.

— Прошу тебя, сядь, — вздохнула леди Вэрсион, постучав по ступенькам, — мне нужно тебе кое-что сказать.

Марианна наградила мать долгим презрительным взглядом.

— У тебя минута, — прильнув спиной к стене, Марианна скрестила руки на груди.

— Спасибо, — уголки губ Кареллы тронула грустная улыбка, — на самом деле, я не совсем понимаю твое недовольство. Ты же никогда не стремилась быть в центре внимания, предпочитая оставаться в тени.

Карелла взмахнула руками вверх.

— Все эти твои побеги из замка и игры с крестьянскими сорванцами, препирательства с нянькой Орбис и прочие выходки, — с секунду Карелла помедлила, наблюдая за реакцией дочери, но Марианна по-прежнему безмолствовала, — своим бунтарским поведением ты четко дала понять, что все эти рукой «примерной леди» тебе неинтересны.

Леди Вэрсион тяжело вздохнула.

— Понимаю, что я и сама очень часто перегибала палку, — глаза женщины выражали истинное раскаяние, — если ты хочешь упражняться в фехтовании или охотиться в лесу вместе с отцом и братьями, то значит, так тому и быть. В конечном счете, я и сама в твоём возрасте обожала стрелять по мешеням из лука, но, когда моя стрела едва не угодила в бабушку Лерцию, родители раз и навсегда пресекли мою тягу к оружию.

На секунду Карелла о чем-то задумалась и едва заметно улыбнулась.

— Впрочем, между нами говоря, я очень сильно сомневаюсь, что эта стрела смогла хоть сколько-нибудь ранить твою прабабушку Лерцию. Не знаю, помнишь ли ты...

— Да она даже в двери с трудом проходила, — с трудом сдержавшись от смеха, сказала Марианна.

Карелла кивнула головой и, улыбнувшись, заглянула дочери прямо в глаза.

— Я думала, в последний раз, когда она приезжала к нам в гости, ты была еще совсем маленькой, — прошептала Карелла, но Марианна в ответ лишь пожала плечами.

Леди Вэрсион поднялся с места, и, подойдя к дочери, поправила прядь волос, спустившуюся на щеку. И в этот миг на лице Кареллы застыла теплая материнская улыбка.

— Я просто хочу, чтобы ты знала, что всегда можешь рассчитывать на мою поддержку. И чтобы ты там себе не напридумывала, я очень сильно люблю тебя.

Марианна почувствовала, как внутри у нее все сжалось в комок. В эту самую секунда она ощущала себя полной дурой. Перед глазами промелькнули бесчисленные сцены споров и глупых препирательств с матерью и Ламией из-за самых настоящих мелочей. Она же знала, что мать всегда хотела для нее только добра, но из-за своей собственной твердолобости и гордости Марианна не смогла найти в себе силы, чтобы начать этот разговор. Больше всего на свете сейчас Марианне хотелось сказать, насколько ей стыдно из-за своего поведения, но она знала, что никакие слова не смогут передать ее чувств.

Внезапные слезы подсутили к ее глазам, и девушка сделала шаг вперед, заключив мать в объятия.

— Я тоже тебя люблю, — прошептала Марианна, не в силах больше сдерживать слезы.

ФЕЙН

— Ты слишком отвлекаешься, — вздохнула Айлин, — ты должен сконцентрироваться на сфере. Не думай ни о чем, кроме нее. Пробуй снова и снова, пока не получится.

— Тебе-то легко говорить, — просипел сквозь зубы Фейн.

Поджав под себя ноги, он сидел на каменном полу овального зала преобразовательной магии и пытался создать сферу, повторяющую изображение величественной башни-крепости «Воронье гнездо» на утесе высоченной скалы из книги Тефта Логрэфа «Тонкости архитектурного мастерства».

Айлин нахмурилась и стукнула его тростью по голове.

— Ай! — Скорчившись, Фейн схватился за макушку, — это еще за что?

— За хамство.

— Чего? — Возмутился Фейн, — какое еще ха...

Айлин ударила снова, на этот раз куда сильнее.

— Перестань! — Запротестовал юноша, — как твои тумачи помогут мне в изучении магии? Такими темпами я точно ничему не научусь.

— Ошибаешься, — улыбнулась Айлин Моффат и отошла на шаг назад, — каждому свое. В свое время мастер Тэквэриус заставлял меня неделями сидеть на воде и хлебе. Я спала не больше трех часов в день, а в дождливую погоду ходила кругами в окрестностях Дарлема. Казалось бы, это никак не было связано с магией, но, тем не менее, именно это и помогло мне сдвинуться с мертвой точки. Между прочим, именно в одну из таких прогулок под проливным дождем, я впервые встретила с оборотнем.

Фейн удивленно вскинул брови.

— Во время этих прогулок мастер Тэквэриус не разрешал мне ничего брать с собой, кроме небольшого бурдюка с водой. Поэтому, встретившись с оборотнем, я была абсолютно безоружна. И между прочим, именно тогда я впервые и смогла использовать магию огня и прогнала его.

Айлин развела руками в сторону.

— Так что поверь мне, Фейн, для того, чтобы научиться управлять магией, мои тумачи — меньшее, через что тебе предстоит пройти.

Фейн устало выдохнул, но возражать не стал. Да и какой в этом был смысл? Он слишком хорошо знал, что она права.

Хотя, признаться честно, в тот самый день, когда Фейн решил изучать преобразовательную магию и был отдан в ученичество Айлин Моффат, он не сразу понял,

что это не шутка. Казалось, Айлин была одного с ним возраста, и сама должна была быть скорее среди учеников, чем мастеров. Чему она вообще могла его научить? Но уже во время первого занятия Фейн понял, насколько сильно он ошибался. Чрезвычайно уверенная в себе, умная, строгая, она являла собой пример идеального наставника. Пускай и зачастую ее странные методы обучения оставляли желать лучшего, Фейн уже успел к ней привязаться. Быть может, все дело было в том, что Айлин слишком уж сильно напоминала ему о сестре.

— Сконцентрируйся на своей цели, — голос наставницы вернул Фейна к реальности, — закрой глаза и начерти образ замка у себя в голове. Представь скалу, на которой он расположен, вдохни свежий запах морского бриза, прислушайся к шуму прибоя. Подумай о том, кто мог бы населять этот замок: о его жителях, истории его строительства, об осаждающих его армиях и великих битвах прошлого, которые провели за стенами его защитники. Главное — остановись на конкретике. Не думай о замке просто как о картинке из книги. Так у тебя ничего не получится. Всегда связывай объект с другими вещами и образами.

Айлин наклонилась, захлопнула книгу, и проговорила:

— Не заикливайся на одной картинке, — сказала она, — преобразовательной магии учатся годами. Начни с малого. Вспомни любое место, с которым у тебя есть сильная эмоциональная связь. Что-то, связанное с твоими друзьями или родными, или твое первое свершение в каком-либо деле. Вспомни какой-то отдельный эпизод и сконцентрируйся только на нем, не думая ни о чем другом.

Айлин выпрямилась, взмахнула рукой, и в следующий миг посередине комнаты всплыла искрящаяся желтым светом сфера. Когда мутная пелена на ней рассеялась, то Фейн увидел маленькую рыжеволосую девочку, кормящую рыбок в пруду вместе с какой-то женщиной. Девочка бросила кусок хлеба и весело рассмеялась. Присев на корточки, женщина поцеловала девочку в щеку, а затем они вместе пошли в сторону хижины.

Айлин Моффат повела рукой, и сфера медленно растаяла в воздухе.

— Это... это ведь ты? — Прошептал Фейн, глядя прямо в глаза Айлин, — та женщина... это твоя...

Айлин кивнула, и тут же сказала:

— Мы не с того начали, — недовольно покачала головой Айлин, — если научишься образовывать сферы из воспоминаний, произошедших лично с тобой, то потом будешь пробовать воссоздавать сцены по картинкам и эпизодам из книг.

Фейн неуверенно кивнул и закрыл глаза. Он весь напрягся и побагровел. По лбу градом струился пот. Стиснув зубы, Фейн сделал все в точности, как сказала Айлин. Он выставил ладони вперед, и скрестил их, образуя круг. В следующий миг между его ладонями проскользнул тусклый разряд молнии, и тут же затих. Фейн облизнул пересохшие губы, и попытался снова.

В его памяти всплыл тот самый день, когда он впервые в жизни побывал в замке лорда. Вместе с отцом они отвозили заказ, который позволил бы им закупить запасов муки и зерна на всю зиму, да и еще бы хватило на новые сапоги для Фейна. Лорд Дейн Мидвен заказал у Дирга Ринвуса меч из лорединской стали, одного из самых прочных материалов во всем мире.

Фейн вспомнил, насколько он был взволнован в тот самый миг, когда их повозка въехала на территорию замка лорда Мидвена.

Между ладоней Фейна начала образовываться темно-синяя сфера. Пару секунд, и

внутри сферы выступило изображение приемного зала Дейна Мидвена. Светловолосый лорд с густой щетиной на лице хлопнул отца по плечу, и похвалил его за отличную работу. Дейн Мидвен вытащил меч из ножен, взмахнул пару раз, и удовлетворенно кивнул.

— Великолепная работа, Дирг, — сказал он, вставляя меч обратно в ножны, — на этот раз ты превзошел самого себя.

— Благодарю вас, милорд, — поклонился Дирг Ринвус, и, обернувшись через плечо, подозвал Фейна к себе. Понутив голову, мальчик стоял поодаль и испуганно озирался по сторонам, — но, по правде говоря, я не справился бы без своего сына, Фейна. Он здорово помог мне в работе с этим мечом.

— Ну же, сынок, — Дирг махнул Фейну, — подойди ближе.

Темноволосый мальчик с большими испуганными глазами медленно поднял взгляд на отца, и неуверенной походкой сделал пару шагов вперед. Дирг Ринвус похлопал сына по голове, и обнял за плечи.

Дейн Мидвен, расплываясь в широкой улыбке, сел на корточки.

— Достойная работа, Фейн, — серьезно сказал он, — у тебя прирожденный талант. Отец может тобой гордиться.

— С-спасибо, — прошептал Фейн.

— Спасибо, милорд, — тут же поправил его Дирг, — я же несколько раз повторил тебе, как нужно обра...

— Перестань, Дирг, — отмахнулся лорд Мидвен, вставая на ноги, — можешь не любезничать со мной, когда мы наедине.

Лицо Дейна Мидвена озарилось лучезарной улыбкой.

— Ты и члены твоей семьи всегда будут добрыми гостями в моем замке.

Лорд Мидвен протянул Диргу увесистый кошель с золотом.

— Но ведь здесь слишком много... я не могу...

— Ты и правда не меняешься, Дирг, — усмехнулся Дейн, — зима уже не за горами, а тебе еще целую семью кормить.

Дейн обвел Фейна изучающим взглядом.

— Да и отсыпь пару монет мальцу, — Дейн Мидвен потрепал Фейна по волосам, — он заслужил это.

Фейн весь побагровел от смущения. Но в эту самую секунду он, наверное, чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

— И к тому же, я всегда тебе говорил, что такой искусный мастер, как ты, берет слишком мало за свою работу.

Уголки губ Дирга Ринвуса подернулись в едва заметной улыбке.

— Благодарю, ми... — Дирг остановился под серьезным взглядом Мидвена, — спасибо тебе, Дейн.

Сказал Дирг Ринвус, и старые приятели одновременно расхохотались.

— Ну, а теперь пошли к столу, — улыбнулся Дейн, — выпьем за новый меч. Мои охотники с утра поймали тако...

На этом воспоминание обрывалось. Фейн распахнул глаза, и сфера тут же померкла.

Учащенно дыша, он смахнул заливавший глаза пот со лба, и рухнул на спину.

— Весьма недурно, — откуда-то издали послышался голос Айлин Моффат.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Лэднер толком уже и не знал, сколько дней он просидел взаперти. Да и разве можно вести счет времени, когда у тебя холщовый мешок на голове? Он не видел солнечного света с того момента, как его, и еще четверых бедолаг засадили в крытую повозку. Ноги и руки сковали тяжелыми железными кандалами, соединяющих сразу всех заключенных. Поначалу в Лэднере еще теплилась надежда как-нибудь сбежать, но совсем скоро он осознал всю тщетность подобного намерения.

Его осудили за кражу и приговорили к пожизненной каторге на Редлинских рудниках. Антрексийские ублюдки...

А ведь ему практически удалось улизнуть незамеченным из покоев этого жирного лорденка из Дэртвуда. Кто же знал, что лорд Дэртвуда прямо возле своей кровати держит двух сторожевых псов... Тварюги настолько молниеносно вцепились в него зубами, что Лэднер даже не успел понять, что вообще происходит. Подоспевшие стражники тут же их оттащили. Хорошо еще, что он вообще остался в живых. Но, судя по тому, что Лэднер слышал о Редлинских рудниках, это было ненадолго. За все свою многолетнюю «карьеру» вора-карманника, Лэднер не раз попадал в тюрьму, но все дело ограничивалось лишь заключением в несколько суток. Но на этот раз, переступив дорогу лорду Дэртвуда Жэтрару Честену, одному из пяти богатейших людей во всей Антрексии, он сам приговорил себя к смерти.

Если бы Лэднер Ноукс не был таким растяпой и вел себя несколько осмотрительнее, то уже сейчас бы обустроивал собственное поместье в дремучих лесах Олинрея. А быть может, подыскал бы местечко и попримачнее. Он слышал, что в Золотых Песках нынче можно заработать целое состояние на торговле пряностями. Или можно было бы податься в Солнечное Копье. Что не говори, а интуиция у Лэднера была хорошо развита еще с самого детства, когда он без проблем обыгрывал в карты собственного отца. И, сделав пару-тройку удачных ставок во время игрищ на арене Песчаной Смерти, Лэднер заработал бы столько, что хватило бы до конца жизни. Если, конечно, он не спустил бы весь выигрыш на девок и выпивку...

В общем-то, Лэднер Ноукс перебрался бы куда угодно, лишь бы подальше от Урсы. Он не влюбил этот гиблый город еще с того момента, когда был вынужден перебраться сюда вместе с младшей сестрой и матерью. Десять лет назад, в пору одной из страшнейших зим за все прошедшее столетие, весь урожай на ферме Ноуксов погиб. И несмотря на стойкую неприязнь матери Лэднера к городской жизни, им не оставалось ничего другого, как перебраться в близлежащую трехтысячную Урсу.

Но ничего хорошего, кроме нищеты и унижений, этот город им не принес. Но все это было события дней минувших.

За все время, проведенное в пути, Лэднер и словом не перемолвился ни с кем из остальных пленников. Да и какой в этом был смысл? По прибытии на Редлинские рудники их все равно разделят, и они могут больше никогда не увидиться. Впрочем, Лэднер и сам был не из болтливых, поэтому он был этому только рад. За годы воровской жизни он на собственном опыте убедился, что не стоит ни к кому слишком привязываться. Особенно к незнакомцам.

В следующий миг повозку сильно тряхнуло, будто бы попала в яму или наехала на что-то. Лэднер повалился набок, и ударился головой о стену. На него следом повалился какой-то здоровяк, едва не раздавивший Лэднера. Юноша тут же ощутил, что начинает задыхаться.

— Эй, ты! — Просипел Лэднер, — живо слезь с меня! Мне дышать нечем...

В ответ раздалось лишь какое-то приглушенное мычание, и через пару секунд верзила с него слез.

— Какого чертастряслось? — Произнес гнусавый голос в дальнем конце повозки.

— Кажись, наехали на что-то, — ответил глухой басовитый голос слева от Лэднера.

Лэднер уселся обратно на скамейку. Мешок немного съехал набок, но он по-прежнему ничего не видел. Восстановив дыхание и откашлявшись, Лэднер прислушался к голосам снаружи.

Снаружи доносился разговор трех-четырех имперских конвоиров.

— Нет, — слышался тихий размеренный голос напротив Лэднера, — это за мной.

В повозке наступила гробовая тишина.

— Чего-чего? — Вопросил гнусавый, — дружище, о чем это ты толкуешь?

В следующий миг снаружи раздался звон стали о сталь, шум непродолжительной борьбы и жалобные вскрики.

Затем все стихло.

— Какого черта там творится? — Голос гнусавого дрогнул.

Лэднер почувствовал, как человек, сидящий перед ним, поднялся на ноги.

— Я же сказал, это за мной, — растягивая каждое слово, проговорил он, — у вас есть выбор: присоединиться к моим людям, или уйти на все четыре стороны. Вас никто не задержит.

Через пару секунд в повозку влезло еще несколько человек, и после непродолжительной возни слышался звон падающих цепей. Лэднер почувствовал приятное жжение в запястьях, и, сняв мешок с головы, принялся растирать одеревеневшие ноги. Оглядевшись по сторонам, помимо заключенных он отметил двух рослых людей в кожаных доспехах. Подхватив человека, назвавшего себя их главарем, они помогли ему выйти наружу.

Лэднер почувствовал легкое головокружение и тошноту. Все происходило настолько быстро, что у него просто не было времени свыкнуться с этой мыслью. Неужели он свободен? Или это какая-то очередная уловка?

Через минуту Лэднер, наконец, смог подняться на ноги, и выбрался наружу. В глаза тут же ударил яркий солнечный свет. Сощурившись, Лэднер прикрыл глаза тыльной стороной ладони, и принялся озираться по сторонам.

Кругом был глухой лес. Один из заключенных, темнокожий хазиец или, скорее гарданец, уже карабкался вверх по склону. Через пару секунд он скрылся за деревьями. Двое других, здоровый лысый детина, чуть не задавивший своей тушей Лэднера, и худощавый коротышка с темными волосами озадаченно оглядывались по сторонам. Слева от повозки в кучу были сложены окровавленные тела убитых антрексийских конвоиров.

Вдоль обоих холмов стояло по пять-шесть лучников в кожаной броне. Еще несколько держалось возле их главаря, высокого бледного мужчины не старше тридцати пяти лет. Заросшее лицо, узкие скулы. Неопрятные сальные патлы ниспадали до самых плеч. Левый глаз был полузакрыт от большого темно-синего кровоподтека, на висках запекшаяся кровь. Глотнув из меха с водой, он сделал шаг вперед.

— Пара лишних рук нам точно не помешает, — сказал он, — меня зовут Ортео Нергис.

Он обвел рукой вокруг себя.

— Мы с моими людьми собираемся двигаться на юг, — Ортео перевел взгляд с лысого детины и коротышки на Лэднера и обратно, — вы с нами?

— А что вы забыли на юге? — Поморщился гнусавый коротышка, — там же еще больше королевской погони!

Ортео Нергис задержал на нем пристальный взгляд, и грустно улыбнулся.

— Именно поэтому мы туда и идем.

ФЕЙН

Фейн зачерпнул ложкой в овсянку, и с большим трудом вынул ее обратно. Юноша принюхался и после непродолжительных раздумий погрузил ее в рот. Поморщившись, он едва не выронил ложку из рук, и выплюнул кашу обратно. Схватив кубок с водой, Фейн залпом осушил его и шумно откашлялся.

— Мог бы уже привыкнуть, — усмехнулся Регг Сельвис.

Отломив ломоть хлеба, Фейн бросил на него испытующий взгляд.

— С того самого момента, как я впервые вошёл в эту столовую, — Фейн оглядел завтракающих вокруг студентов, — один вопрос не даёт мне покоя.

Фейн подался вперёд, и возмущённо прошептал:

— Почему мы, находясь в одном из древнейших магических орденов во всем Астарисе, едим подобную дрянь?

Фейн воткнул ложку в овсянку, затем перевернул тарелку вверх дном, потряс ее, но каша так и осталось на месте.

Регг прыснул от смеха и пожал плечами.

— Почему мы просто не можем наколдовать себе побольше мяса с картошкой и есть как нормальные люди?

Джед Лейнви, оторвав взгляд от книги, взгляделся в Фейна.

— Ты либо действительно идиот, либо просто прикидываешься, — монотонным голосом проговорил он, — хотя, если ты не читал устав Картембра, тогда у меня больше нет к тебе вопросов.

Наморщив лоб, Фейн несколько секунд тупо глядел на Джеда.

— Какой ещё устав?

Джед закатил глаза и тяжело вздохнул.

— Согласно двенадцатому положению из устава Картембра, Первого Верховного Архимага Дарлема, и одного из семи основателей Великого Декрета, — наставительно затараторил Джед, — колдунам запрещено воссоздавать любую пригодную для употребления пищу. Единственным исключением может оказаться мираж, но чувством насыщения, само собой, такая еда не обладает.

Фейн перевёл недоумевающий взгляд с Джеда на Регга, но тот лишь пожал плечами и продолжил пережевывать овсянку.

— Но для чего вообще придумали такой запрет? — Вопросил Фейн, — что плохого может случиться, если мы наколдуем треклятый кусок свинины?

Джед задержал на нем долгий презрительный взгляд.

— Ты в самом деле не понимаешь?

Фейн возмущённо вскинул руки.

— Ну так просвети меня, раз ты такой умный! — Не сдержавшись, выпалил он.

Обедающие в зале студенты стали оборачиваться на Фейна. Одна из четверых девушек, сидящих за дальним столиком в углу, что-то прошептала своим подругам, показав пальцем в

сторону Фейна. Девушки тут же захихикали, и поспешали отвернуться.

От смущения Фейн слегка покраснел.

«Если не перестану вести себя как болван, то совсем скоро в Дарлеме со мной никто не будет общаться.»

Джед исподлобья взглянул на Фейна и нарочито размеренным тоном сказал:

— Вообрази, что произойдет с простыми крестьянами и торговцами, если маги начнут колдовать еду и воду. На что они будут жить? К тому же, никто не может гарантировать, что, наколдуя себе кусок свинины, мы только на этом и остановимся.

— Людям вообще чуждо чувство меры, — вставил Регг.

— Именно, — кивнул Джед, — и кстати говоря, в преобразовательной магии действуют схожие запреты: существует множество ограничений в алхимии. Например, ты не можешь воскресить кого бы то ни было из мертвых, даже ценой собственной жизни.

При этих словах Джед огляделся по сторонам и понизил голос.

— Но, конечно, было множество магов, которым удавалось обходить эти запреты, — продолжил Джед, — несколько столетий назад Сигрету Наркеру, одному из магистров Дарлемского ордена, удалось воскресить возлюбленную. Правда, из мертвых вернулась не совсем его жена. То есть, физически это была именно она, но, по всей видимости, девушка была лишена души. Сигрет что-то там намудрил с заклинанием, и его жена была самым что ни на есть ходячим трупом. Безвольная, не способная ясно мыслить или произнести хотя бы одно связное предложение.

Регг перестал жевать, и отложил тарелку в сторону. Пораженный услышанным, кареглазый юноша прошептал:

— Кошмар... И врагу такого не пожелаешь...

— А что было дальше? — Прошептал Фейн.

Джед Лейнви скрестил руки на груди, и продолжил:

— Сигрет Неркер, преследуемый членами Высшего Совета Магистров Дарлеме несколько дней скрывался вместе со своей воскрешенной женой в хижине в лесу. Не знаю, на что он рассчитывал. Быть может, в нем еще теплилась надежда все исправить и зажить со своей возлюбленной тихой и уединенной жизнью в глубине леса.

— И ему удалось? — Фейн подался вперед.

Джед поджал губы и удрученно покачал головой.

— Возможно, если бы у него было больше времени, то внеся изменения в заклинание, удалось бы все исправить, — проговорил он, — но члены Высшего Совета разыскали его через неделю после побега. Самого Неркера за нарушение устава Картембра предали смертной казни.

— А его жена? — В один голос спросили Фейн и Регг, — что стало с ней?

— Легенда умалчивает, — развел руками Джед, — быть может, до сих пор бродит в окрестном лесу, — добавил он, грустно улыбнувшись.

— Да ну тебя, — отмахнулся Регг.

Джед погрозил пальцем Фейну.

— Поэтому я вообще удивлен, как ты до сих пор не читал Картембрский устав, — с важным видом сказал он, — во время церемонии посвящения Летард Голран несколько раз повторил, чтобы каждый из учеников ознакомился с его положениями. А то решишь так наколдовать себе пару пирожных и тебя сразу же отчислят.

Как бы то ни было, но последний довод показался Фейну весьма убедительным. Не

хватало еще вылететь из ордена из-за подобной глупости.

— Да и к тому же, — продолжил Джед, обведя взглядом Фейна и Регга, — вам обоим и так придется вызубрить весь устав от корки до корки, потому что без этих знаний вам никогда не сдать итоговые экзамены.

— Ну, начинается! — Фыркнул Регг, — не успели вступить в орден, как уже над экзаменами надо думать! Дружище, да с тобой свихнуться можно!

Джед Лейнви безразлично покачал головой. Захлопнув книгу, сунул ее подмышку. Захватив миску с недоеденной кашей, встал из-за стола, и, не сказав больше ни слова, направился к выходу из столовой.

— Терпеть не могу таких всезнаек, — сквозь зубы проговорил Регг Сельвис, — думает, что раз начитался этих учебников и различных баек, может считать себя умней нас? Захаживал к нам на ферму как-то один странствующий торговец. Такой ханжа, как и этот. Несколько раз пытался обдурить отца, выдавая какую-то кислятину за акдэзийское вино. В конце концов отец с дядей не вытерпели и задали ему такую трепку, что тот больше и носу к нам не кажет.

Фейн сухо усмехнулся, а затем сказал:

— Но вообще в его словах есть толика правды. Если все настолько серьезно, как он рассказал, то нам все равно придется зубрить этот устав, да и еще десяток учебников в придачу.

— Придется, не придется, — отпарировал Регг, — а эффективней практики все равно ничего нет. Можно хоть годами читать все эти книжонки, но если не будешь применять их в жизни, то это просто бесполезная трата времени.

Регг подался вперед.

— Я полтора месяца зубрил «Садоводство» Гэлдерберга или как его там. Наизусть запомнил весь алгоритм выращивания кративиницы, но, когда на прошлом занятии в саду Мортексиус попросил по запаху из трех растений выбрать кративинцу, я просто замер на месте.

Регг Сильвес развел руки в сторону.

— А потому что книжки тебя к такому не подготовят, — усмехнулся он, — конечно, там есть краткое описание запахов любого растения, но в жизни все работает по-другому.

Фейн утвердительно кивнул, соглашаясь с доводами приятеля.

— Ты абсолютно прав, Регг, — вставая с места, сказал он, — я уверен, что и большая часть магистров ордена тоже с тобой согласится. Но вот только улизнуть от зубрежки учебников тебе это все равно не поможет.

— А-а, да перед кем я тут распинаясь — отмахнулся Регг, и принялся доедать овсянку.

Фейн прыснул от смеха, и, вышел из-за стола.

— Ладно, увидимся вечером.

Регг пробурчал что-то нечленораздельное, когда Фейн уже шагал в сторону выхода.

МАРКОС

Солнце палило немилосердно. Стояла удушающая жара. Архонт Солнечного Копья, Маркос Олуик, откинул со лба вспотевшую прядь волос, и потянулся к кубку с водой.

С арены раздался пронзительный вопль, песок окрасился кровью. Зверь склонился над своей жертвой, принялся жевать. Толпа

заулюлюкала и разразилась неистовыми аплодисментами.

— А ведь какие-то глупцы ставили на этого беднягу, — усмехнулся Кайо Олуик позади, — я не видел еще никого, кто смог бы одолеть грыала на арене.

Маркос оставил замечание сына без ответа. Отхлебнув воды, он принялся сдирать кожуру с апельсина.

На арену тем временем вышло четверо укротителей в шлемах и шипастой броне. Грыал еще доедал свою жертву, когда они принялись оттаскивать его с помощью шестов с раздвоенными наконечниками. Зверь резко вскинул голову, и кинулся на одного из укротителей, но двое других успели вскинуть шесты, и остановили его. Подоспели еще трое укротителей, и общими усилиями они вывели зверя с арены в подтрибунное помещение. Слуги в легких просторных рясах принялись убирать с песка останки обглоданного человека.

— Удивительные твари, — хохотнул Кайо, — надо бы завести себе одного.

— Да брось, Кайо, на что они тебе? — улыбнулся Шерман зек Дорзек, — на мой взгляд, твоим «песчаным властителям» и по сей день нет равных. Моя дочь до сих пор не может забыть экскурсию по твоему зверинцу. Когда Рейла подошла к клетке с этими тварями, она едва не потеряла сознание. А после моего предложения посетить сегодняшние игры, она слегла в постель с внезапным приступом мигрени.

На губах Кайо появилась легкая ухмылка.

— Впрочем, должен признаться, — пробасил Дорзек, — я и сам от одного только вида этих злобных тварюг чуть в штаны не наложил.

Позади Маркоса раздался дружный хохот, сопровождавшийся звоном бокалов.

— Ничего страшного, Дорзек, — хохотнул Кайо, — можешь заверить Рейлу, что мои реггиноны хоть и до жути страшные на вид, но чрезвычайно умны. Они никогда не нападут без угрозы для собственной жизни. Стоит мне только раз дать им на нюх любую вещь твоей дочери и сказать, что это «друг», они скорее примутся защищать ее, чем как-то ей навредят.

— Премного благодарен, — Шерман зек Дорзек отсалютовал чашей с виной, и широко улыбнулся, — обязательно ей передам.

Апельсиновый сок брызнул Маркосу прямо на тунику. Он злобно выругался, облизнул пальцы, и окликнул слуг. К нему тут же подбежала молоденькая смуглая хазийка, и потянулась к нему с тряпкой.

— Не надо, я сам, — огрызнулся Маркос, выхватив у нее тряпку, и небрежно махнул в сторону, — уйди отсюда.

Девушка коротко кивнула, и поспешила прочь.

Через пару минут на арену вышла толпа худощавых воинов в набедренных повязках с копьями в руках. Зрители подняли неразборчивый гомон, засыпали бойцов проклятиями и руганью.

— А, вот, кстати, и настал их черед, — с восхищением проговорил Кайо, кивнув на арену.

«Дезертиры, — промелькнуло в голове у Маркоса, — «весьма справедливая смерть для предателей родины. Обезглавливания или повешения недостаточно. На остальных воинов это не производит должного эффекта.»

Как бы Маркос не порицал безумное увлечение сына к выращиванию различной мерзости, он не мог отрицать, что и польза от этого тоже былаю При одной только мысли, что ты можешь оказаться на арене с одной из этих тварей, желание сбежать с поля боя или дезертировать из лагеря становилось куда меньше.

Размышления Маркоса прервал громоподобный рев в дальнем конце арены. Наступила гробовая тишина. Раздался звон поднимающейся решетки. Зрители, затаив дыхание, наблюдали за тем, как на арену выскочил реггинон. Бойцы принялись разбегаться в разные стороны, публика взорвалась восторженными криками. Реггинон оттолкнулся задними лапами от земли, взмахнул крыльями, и сорвался с места в воздух. Издав оглушительный рев, он накинулся на убегающего бойца. Челюсть зверя сомкнулась на теле человека, раздался хруст позвонков, и песок тут же окрасился кровью. Реггинон отбросил нижнюю часть туловища в сторону, и кинулся на следующего.

— Идеальная машина для убийства, — восхитился Шерман зек Дорзек, и, улыбнувшись, повернулся к Кайо, — не хотели бы продать мне пару особей?

— С превеликим удовольствием, — кивнул Кайо, — обсудим вечером все детали.

— Конечно, — удовлетворенно кивнул Дорзек, и, подавшись вперед, обратился к Маркосу.

— Ваше Величество, как вам сегодняшнее представление?

Маркос Олуик жестом руки приказал служанке забрать кожуру апельсина, и, не удостоив Зернака взглядом, еле слышно ответил:

— Ничего необычного, — пожал он плечами, — как и всегда, зрелищно, с обилием крови и воплей, но с каждым разом это становится все скучнее и скучнее.

Кайо почувствовал, как по телу пробежали мурашки. Юноша стиснул зубы, на скулах появились желваки, и на какую-то долю секунды он будто бы снова вернулся в детство, когда отец отчитывал его на глазах у всех вассалов за мельчайшую оплошность. Неправильно расставленные фигурки всадников на стратегической доске, или ошибка в описании битвы столетней давности... Можно подумать, сейчас кому-нибудь до этого есть дело. В этом был весь его отец. Строгий, бескомпромиссный, дотошный в любых мелочах. Но с годами Кайо научился выдержке. И совсем скоро отец убедится, что может им гордиться.

подавив накативший приступ гнева, Кайо выдавил из себя улыбку и проговорил:

— Абсолютно верно подмечено, — Кайо глотнул вино, — отец за годы войны столько навиделся, что, боюсь, его уже ничем не удивить.

Дорзек выпятил губы, понимающе закивал.

— Понимаю, о чем вы, — вздохнул он, — надеюсь, нам еще не скоро предстоит заново испытать все ужасы войны.

Они помолчали, следя за бойней на «Песках Смерти».

— Вот так номер! — Махнув рукой на арену, воскликнул Дорзек, — смотрите-ка!

По всей арене были разбросаны раздробленные останки шестерых дезертиров. Оставшаяся троица, по всей видимости, умирать сегодня не собиралась. Бойцы взяли реггинона в своеобразный треугольник, и поочередно протыкали его копьями.

— Неужто решили выбраться живыми? — Захохотал властитель Раскаленной Долины, толстяк с тремя подбородками и огромной бородавкой на переносице, лорд Гервон Сарракс.

Кайо недовольно фыркнул и заерзал на стуле.

Реггинон оттолкнулся от земли, приготовившись к выпаду, и этим шансом воспользовался один из бойцов. Побритый наголо коротышка ткнул зверя под левое крыло, и ковыркнулся в сторону. Реггинон истошно завопил, и попытался взлететь, но в следующий миг второй боец воткнул лезвие прямо в голову.

Гомон зрителей моментально смолк. Раздался короткий визг, копьё хрустнуло в мозгу, и зверь повалился набок. Боец провернул копьё в голове, и выдернул его. Песок окрасился

темно-зеленой субстанции.

Кайо выпучил глаза, и соскочил с места. На его лбу выступила испарина.

— Невозможно, — прошептал он.

— Признаюсь, должен взять свои слова обратно, — улыбнулся Маркос, — не все так безнадежно. Игры еще умеют удивлять.

Маркос встал с места, и посмотрел сыну прямо в глаза. Они смотрели друг на друга несколько секунд, после чего пораженный Кайо уселся на место. Он не нашелся, что ответить отцу.

По трибунам прокатились редкие аплодисменты, и снова воцарилась тишина. От потрясения исходом битвы никто из них не мог вымолвить ни слова.

Троица выживших на арене построились в одну линию. Неуверенно озираясь по сторонам, они будто бы ждали появления новой твари.

Один из них, высокий рыжеволосой юноша не старше самого Кайо, прижимал правую руку к кровоточащему боку. Было видно, что он держится на ногах с большим трудом. Однако на его грозном непроницаемом лице не было ни намека на страх. Казалось, он был готов к любой участи.

Архонт Солнечного Копья сделал несколько шагов вперед, и остановился у конца галереи.

— У нас есть победители, — возгласил он, указав ладонью на троицу выживших, — кто бы мог подумать, что к концу боя они еще будут стоять на ногах.

По зрительским рядам прошелся дружный хохот.

— Должен признать, что перед лицом смерти эти люди смогли проявить недюжинную стойкость и отвагу, — Маркос помедлил, обведя сдержанным взглядом трибуны, — те значимые качества, которые, казалось бы, не могут быть присуще меркзким предателям государства.

По арене прокатился рокот согласия.

«ПРАВИЛЬНО! КАЗНИТЬ ПОГАНЦЕВ!»

«ГОЛОВЫ С ПЛЕЧ!»

«ПОЩАДИТЕ ИХ! ПУСКАЙ ДАЛЬШЕ СРАЖАЮТСЯ!»

Маркос удовлетворенно улыбнулся, и наигранно приложил ладонь к уху.

— Что я слышу? Сомнения? — повысил голос лорд Солнечного Копья, — неужто эти люди заслуживают милосердия?

«ДА! ПОЩАДИТЕ ИХ!»

«ГОЛОВЫ С ПЛЕЧ!»

«ВЫПУСКАЙТЕ ЗАРНИТОВ!»

Маркос обернулся через плечо, скользнул взглядом по своей свите, и вперился глазами на Кайо. Раскрасневшийся юноша, казалось, был готов раствориться на месте от чувства стыда.

«Да, он определенно примонит мне этот день».

Лорд Олуик вскинул ладонь вперед, и шум толпы стих. Вся троица выживших дезертиров смотрела прямо на Маркоса.

«Да, пожалуй, повешение не столь эффективно, но делать нечего. Эта погонь не заслужила милосердия».

Маркос Олуик опустил большой палец вниз, и толпа разразилась бешеным ликованием.

КАЙО

— Через сколько они будут готовы?

Управитель Борсвен Горсвик перевел взгляд с Кайо Олуика на клетку, и, поразмыслив пару секунд, ответил:

— Думаю, к вашему отбытию, — неуверенно проговорил Горсвик, — но для точности нужно четко знать количество.

Кайо обернулся на Горсвика. От холодного пронизывающего взгляда темноволосого юноши стражнику сделалось не по себе. Он занимался дрессировкой животных всю свою жизнь, а с недавних пор сделался невольным надсмотрщиком над зверюшками младшего Олуика. Но, находясь в одном помещении с этим напыщенным малокососом, на Горсвика всегда накатывал безотчетный приступ страха и паники. Борсвен Горсвик мог приручить даже смертоносного юванка с дальних земель западного Астариса. Главное, найти подход.

Но, глядя на безумие в глазах принца Кайо, ты никогда не мог быть уверен, что в следующую секунду он не перережет тебе горло или не бросит в клетку на растерзание к одному из своих «любимцев». В этом была главная опасность юного Олуика. Непредсказуем, вспыльчив и совершенно безумен.

— Двух десятков вполне хватит.

Горсвик удивленно вскинул брови.

— Так много? Но ведь мы...

— Какие-то трудности?

Борсвен разгладил длинную неопрятную бороду.

— Нет, милорд, — ответил управитель, — все будет готово в срок.

— Вот и славно, — улыбнулся Кайо и, хлопнув Горсвика по плечу, заглянул ему прямо в глаза, — ты проделал хорошую работу, Борсвен. Надеюсь, ты продолжишь в том же духе. Нас ждут по истине удивительные дела.

— Благодарю вас, милорд, — кивнул Горсвик, — для меня честь служить вам.

— Не сомневаюсь, — ухмыльнулся Кайо и сделал шаг вперед.

Прикоснувшись к решетке, он взгляделся во мрак. В дальнем конце клетки послышалось какое-то шевеление. Лязг цепей, тяжелое утробное дыхание.

Кайо улыбнулся во весь рот, и в этот самый миг он ощутил невероятный прилив сил.

Проведя бесчисленное количество часов за чтением важнейших алхимических трудов, Кайо обрел важнейшие знания. Чтобы командовать ими на поле боя, было чрезвычайно важно установить контакт заранее. Никогда не знаешь, что может выкинуть неподготовленный зверь.

— Как часто их кормят? — спросил Кайо.

— О, это чрезвычайно прожорливые твари, — оскалился Борсвен, — на одну харю за день приходится, по меньшей мере, три оленьих туши, и мне каже...

— Увеличьте до пяти, — оборвал его Кайо, — они растут недостаточно быстро.

Борсвен неуверенно кивнул.

— Как скажите, милорд.

Из дальнего конца клетки доносилось чавканье, хруст костей и утробное рычание. Кайо стукнул ладонью по клетке, и звуки прекратились. Через пару секунд из тени, злобно щерясь и скаля клыки, вышел тервинон.

— Превосходно, — восхищенно прошептал Кайо, — именно то, что нужно.

Переваливаясь с лапы на лапу, к клетке подошел исполинских размеров волк. С раскрытой пасти стекала слюна и сгустки крови.

Зверь принюхался.

Кайо почувствовал исходящий от тервинона пар. На секунду их взгляды встретились, и юноша увидел огненный блеск в зрачках зверя.

— Дьявол во плоти, — довольный своей работой Борсвен Горсвик сложил руки на груди и горделиво задрал голову, — настоящий шедевр.

«Дьявол во плоти?».

«Да, пожалуй, лучше и не сказать.»

Тервинон наклонил голову набок, внимательно изучая принца Кайо. Через несколько секунд вслед за ним подошло еще две особи. Звери принялись принюхиваться к незнакомцу. Кайо провел рукой по решетке, и один из тервинонов, с темно-рыжей шерсткой, злобно ощерился.

«Нет, чего-то не хватает», — промелькнуло в голове у Кайо, — «одного зрительного контакта мало.»

— Отопри клетку, — не оборачиваясь к Горсвику, приказал Кайо Олуик. Он не отрывал взгляда с вожака стая, первого подошедшего тервиона.

В то время, пока его собратья продолжали скалиться и рычать, вожак молча смотрел на Кайо. Его шерсть была темная, как уголь, а хлоднокрое в его глазах вызывало неподдельное уважение.

После приказа принца улыбка с губ управителя Горсвика тут же померкла. Он обернулся к стоящим у дверей стражникам, но те стояли, словно статуи, и были готовы шелознуться лишь по приказу принца.

— Отпереть? — Горсвик обернулся к принцу. Сердце в его груди бешено заколотилось, но он смог подавить в себе приступ паники, — милорд, но ведь они еще не гото...

— Я сказал, — повысил голос Кайо, — отопри клетку.

Горсвик сглотнул, нащупал кинжал в ножнах, и шагнул вперед.

— Конечно, милорд.

Управитель вставил ключ в замочную скважину, двери скрипнули. Попятивись назад, Борсвен тут же приготовился к атаке.

— Оставьте нас, — Кайо небрежно махнул стражникам и Горсвику, — все вы. Немедленно.

Стражники недоуменно переглянулись.

— Как скажите, милорд, — Борсвен поклонился, и тут же поспешил к выходу. Стражники удалились вслед за ним.

Через пару мгновений Кайо остался с тервинонами наедине. Тишину подземелья нарушало лишь хриплое рычание тервинонов, и стук капающей воды.

Войдя в клетку, Кайо присел на одно колено, и выставил ладонь вперед. Юноша ощутил, как звери принялись обступать его со всех сторон. Он чувствовал тяжелое зловоние из пасть тервинонов, взявших его в круг. На какую-то долю секунды ему показалось, что сейчас они абросятся на него и растерзают на месте. Но Кайо лишь закрыл глаза и принялся ждать. Но, если бы он даже и успел вытащить меч из ножен, то в лучшем случае смог бы убить лишь одного из них.

И в следующий миг все прекратилось.

Раскрыв глаза, Кайо медленно поднял голову. С его губ сорвался восхищенный стон.

Взявшие в круг принца звери, сидели на задних лапах со склоненными вниз мордами. Самый крупный из них, вожак стаи, вышел вперед и провел шершавым языком по ладони Кайо Олуика.

Принц Солнечного Копья поднялся на ноги, и глядя в неподвижные пламенные зрачки тервинона, положил руку на его голову, и широко улыбнулся.

— Дьявол во плоти, — прошептал Кайо, и залился восторженным смехом.

ФЕЙН

— Научиться бороться со своими страхами — недостаточно, — прокричал Летард Голран, — страх, одно из самых древнейших человеческих чувств, является нашей гибелью и нашим спасением. Вы должны научиться использовать свои страхи во благо, и обращать их против врагов.

Сквозь густые ветви деревьев проникали редкие лучи солнца. Небо было заволочено плотными серыми тучами. Вокруг царил полумрак. Шел мелкий дождь.

Голран обвел учеников пристальным взглядом, вглядываясь в лица каждого из них. Он видел страх, отчаяние, непонимание, сомнения, но вместе с тем он чувствовал, что из них может что-то выйти.

Они готовы учиться. Возможно, многим из них некуда было возвращаться, ведь среди них были и воры, и фальшивомонетчики, и даже дезертиры. Шекса Чепелла магистр Голран вытащил из темницы Аргхолма за десять минут до повешения. Но раз камень указал на него, то делать было нечего. И вот теперь худощавый сорокалетний копейщик армии Антрексии, переступая с ноги на ногу, стоял в рядах остального десятка учеников Дарлема. Достоин ли был этот человек спасения? И куда более важно, достоин ли он обладать магическими силами?

Однако тот факт, что ни один из них за два месяца даже не попытался сбежать из Дарлема, говорил о многом. А ведь поводов было предостаточно. Чего только стоил омерзительный овощной бульон, подаваемый каждый день на обед или совершенно безвкусная овсянка. А уж об их изматывающем распорядке дне, не позволяющем спать больше четырех часов в сутки, и говорить не приходилось.

Нет, из этих людей безусловно может выйти толк, хотя и до самого конца дойдут считанные единицы.

— Если вы научитесь подавлять свои страхи в те самые моменты, когда от этого будут зависеть ваши жизни, то вы достигне...

Протяжный вой из глубины леса заставил Летарда Голрана прерваться.

Фейн почувствовал, как по коже пробежали мурашки.

— Оборотень, — сдавленным голосом прошептал ему на ухо Регг Сельвис, — точно тебе говорю.

Старший магистр Голран оглянулся через плечо, задержав взгляд на густой чащобе леса, а затем снова заговорил:

— Если научитесь прятать свои страхи в самые дальние уголки своего подсознания, — ледяным тоном продолжил он, — это не раз спасет вам жизнь.

Ни один из учеников не обронил ни слова.

— А теперь приступим, — сказал Голран, разведя руки в сторону, и, отступив на шаг назад, — разделитесь по двое и по очереди выходите вперед.

Фейн обернулся к Реггу.

— Пойдем вместе?

Регг молча кивнул и встал рядом с ним.

— Сейчас посмотрим, как справится этот всезнайка, — ухмыльнулся Регг.

Впереди них уже образовалась пара из Джеда Лейнви и Мэнди Валброг, светловолосой южанки, по всей видимости, маритонки.

Голран жестом подозвал их к себе.

Джед с Мэнди неуверенно переглянулись и после недолгих раздумий, вышли вперед.

Подхваченные резким порывом ветра листья взметнулись в воздух и пронеслись по лесу.

Где-то вдалеке прокаркала ворона.

— Закройте глаза и представьте то, чего боитесь больше всего на свете, — обратился Голран к подошедшим студентам, — страх за жизни близких, боязнь темноты или встреча с каким-то зверем. Все, что угодно. Главное — сконцентрируйтесь и четко визуализируйте этот объект, а затем с помощью нужного знака материализуйте его перед собой.

Летард Голран оглянулся по сторонам.

— Скажем, сюда, — он махнул рукой в сторону небольшой прогалины.

Маг кивнул Джеду. Юноша сглотнул слюну, и сделал шаг вперед.

— Ничего страшного, если у тебя не получится с первого раза, — вглядываясь в глаза юноши, спокойно произнес старший магистр.

Джед коротко кивнул.

Голран перевел взгляд на Мэнди Валброг.

— Ты попробуешь следом за ним, — продолжил он, — но, если увидишь, что Джед не может справиться со своим страхом, используй контрзаклятие.

— Поняла, магистр, — тихо проговорила светловолосая девушка.

Голран отошел на несколько шагов в сторону.

— Можешь начинать, — обратился он к Джеду.

Воцарилась гнетущая тишина.

Джед с шумом выдохнул воздух и закрыл глаза.

— Инкарцио, — прошептал юноша. Выставив ладонь вперед, он принялся вычерчивать знак воплощения.

Несколько секунд ничего не происходило. Остальные ученики с опаской переглядывались между собой.

В воздухе перед Джедом промелькнуло небесно-голубое сияние, которое мгновенно испарилось. Юноша сомкнул губы, и попробовал снова.

— Ну, что я говорил, — прошептал Регг, — только и может языком че...

Фейн ткнул его в бок, и кивнул на Джеда.

— Смотри!

Из выставленной ладони Джеда взметнулось яркое голубое сияние и в воздухе застыла искрящаяся сфера. Постепенно увеличиваясь в размерах, внутри нее прорисовывались очертания какого-то силуэта.

— Отлично, — прошептал Голран, — продолжай.

Джед повел рукой в сторону, спроецировав изображение из сферы на поляну. Последовала яркая вспышка молнии, и в следующий миг на Джеда уже надвигался рыцарь в черных доспехах.

— НЕЕЕТ! — Прокричал Джед, закрыв лицо руками.

Занеся меч, рыцарь прошел сквозь Джеда, и воткнул меч в какую-то женщину. Фейн хотел было броситься ему на помощь, но Регг удержал его на месте.

Рухнув на колени, Джед истошно завопил, и уткнулся лицом в землю.

Какое-то время никто не мог вымолвить ни слова.

— Все в порядке, — Голран положил руку на плечо Джеда, и поднял его с земли, — для первого раза очень неплохо. Но сейчас тебе нужно отдохнуть.

Побледневший Джед выглядел настолько истощенным, что, казалось, мог свалиться в обморок в любую секунду. Летард Голран увел его в сторону, и, посадил на пенек. В течение нескольких минут он что-то ему рассказывал.

Среди учеников прошелся тревожный ропот.

— Какого черта это было? — Вопросил напуганный Регг.

— Что-то вроде проекции, — покачал головой Фейн, — или, вернее, воспоминание Джеда. Нечто похожее у меня получилось воссоздать на одном из занятий с магистром Моффат.

Фейн посмотрел на перепуганное до смерти лицо Джеда.

— Боже, что же с ним произошло? — Прошептал он.

— Смерть, потеря дома и близких, — ответил Регг, — как и с любым из нас.

Фейн поджал губы, и, удрученно кивнув, понурил голову в сторону.

Старший магистр коснулся лба Джеда ладонью. Лицо юноши немного порозовело, и его взгляд наконец-то прояснился. Взглянув на Голрана, он утвердительно кивнул на его вопрос. Оглядевшись по сторонам, и, увидев, что все только на него и смотрят, Джед тут же вскочил с места, но магистр Голран усадил его обратно. Поддавшись уговорам Голрана, Джед остался следить за уроком, сидя на пенке.

— Продолжим, — вернувшись на прежнее место, сказал Голран.

Несмотря на произошедшее, Фейн не заметил на лице магистра ни тревогу, ни удивление. Подобное явно случалось уже не в первый раз.

Мэнди Валброг обернулась на Джеда. Тот выдавил из себя улыбку, и кивнул ей. Девушка ответила тем же, и вышла на поляну.

— У тебя все получится, — спокойно сказал Голран, — главное — сосредоточься.

Девушка выставила руку вперед, и повторила воплощающее заклинание.

Цвет ее знака кардинально отличался от голубого сияния Джеда. Из рук Мэнди вырвалась желтая сфера, вслед за которой в нескольких шагах от девушки рухнул гигантский паук. Мэнди пронзительно завопила, и, отступив назад, рухнула на спину.

— Борись с ним! — Закричал Голран, — используй контрзаклятие!

Девушка отползла на локтях несколько метров, но паук, перебирая лапами, надвигался прямо на нее.

— Дефенсо! — Завопила Мэнди, вскинув ладонь кверху.

На какую-то долю секунды из руки девушки вырвался знак в виде громадного щита, и паук, врезавшись в него, повалился на брюхо.

— Молодец! — Хлопнул в ладоши Голран.

Мэнди вскочила на ноги, и, прочертив в воздухе знак огня, закричала:

— Игнио!

Прямо из-под брюха паука взметнулся ослепительный столб пламени. Раздался протяжный вопль, и паук повалился на спину. Дергая мохнатыми лапками в предсмертной агонии, он какое-то время еще пытался перевернуться. Стиснув зубы, Мэнди шагнула вперед.

Вобрав в себя всю энергию, она повторила огненное заклятие, и на месте трепыхающегося паука осталась лишь горсть пепла.

Изможденная девушка повалилась на колени, и потеряла сознание.

— Всем оставаться на месте! — Крикнул старший магистр, подбегая к Мэнди.

Склонившись над девушкой, Голран провел ладонью по ее лбу, и через несколько секунд Мэнди пришла в себя.

— Ты большая молодец, — с улыбкой на лице проговорил он, — ты можешь гордиться собой.

Мэнди неуверенно кивнула.

— Тебе следует хорошенько отдохнуть, — сказал Голран, и жестом подозвал к себе Фейна и Регга, — помогите ей добраться до замка. На сегодня занятия окончены, продолжим на следующей неделе.

Фейн с Реггом подхватили подмышками обессиленную девушку, а Летард Голран, запахнув плащ, поспешил в лесную чащу. Растерянно перешептываясь, остальные ученики проследили за ним взглядом, пока он не скрылся за деревьями, а затем направились в сторону Дарлема.

— Куда это он намылился? — Нахмурился Регг, кивнув в ту сторону, куда ушел старший магистр.

Фейн лишь недоуменно покачал головой, но не нашелся, что ответить. В следующую секунду в их сторону уже направлялся Джед Лейнви. У него по-прежнему был болезненный вид, хотя после исцеляющего заклятия Голрана ему явно сделалось лучше.

— Вам помочь? — Спросил он, кивнув на Мэнди Валброг.

Девушка медленно подняла на него взгляд, и улыбнулась.

— Уж как-нибудь справимся без всезнайки, — огрызнулся Регг Сельвис, и обернулся к Фейну, — пошли, ей нужно поскорее лечь в постель.

Но Фейн не сдвинулся с места, и серьезно посмотрел на Джеда.

— Можешь пойти вместе с нами, — сказал он, — заодно поможешь отварить керсенскую настойку для сна Мэнди, а то я вечно ингредиенты путаю.

Улыбнувшись, Фейн добавил:

— Как бы «спокойный сон» на пару часов не обернулся для Мэнди целой неделей.

Мэнди прыснула от смеха, Регг закатил глаза.

— Конечно, Фейн, — с благодарностью в голосе кивнул Джед, и немного погодя добавил, — и простите меня, ребята, что вел себя как последний индюк.

— Да ладно тебе, — фыркнул Регг, слегка улыбнувшись, — пошли быстрее, а то сейчас ливень начнется.

В этот самый миг, возвращаясь из леса в Дарлем, Фейн едва ли не впервые в жизни почувствовал себя действительно важным. Он знал, что сейчас от его действий зависит благополучие окружающих. И, возможно, он спешил с выводами, но еще больше его грело осознание того, что он мог назвать этих людей своими друзьями. Потеряв семью всего несколько месяцев назад, он и представить себе не мог, что совсем скоро обретет новую.

Оглушительный раскат грома сотряс небо, а Фейн Ринвус, подняв голову вверх, расплылся в широкой улыбке.

В чем было его предназначение? Почему вся его семья погибла, а он, Фейн Ринвус, один из самых никудышных людей во всем Астарисе, остался в живых? Пожалуй, ответы на эти вопросы он будет искать до конца жизни. Но прямо сейчас в одном он был уверен

совершенно точно. Во что бы то ни стало, он будет защищать своих друзей ценой собственной жизни.

Кто знает, возможно, именно в этом и есть его предназначение.

Время покажет.

КОРНУС

У въезда в деревню Корнуса встретили презрительные взгляды мавьянов. У него сразу же сложилось такое ощущение, что он уже в чем-то успел провиниться перед ними. Конечно, Охотник слышал, что мавьяны на редкость горделивые и эгоистичные создания, но его это не слишком-то волновало. Он прибыл сюда не за тем, чтобы ввязываться в новые неприятности. Список его врагов и так был уже переполнен, и добавлять в него новые имена этим вечером он не был намерен. Корнус должен выполнить свое задание, и ничего более.

По покосившимся скатам крыш обветшалых лачуг скользил призрачный свет луны. Если хотя бы половина слухов о зажиточности и скупости мавьянов была правдива, то Корнус сильно удивился, лицезрея столь убогие жилища. Едва ли не каждый из них мог обустроить себе целое поместье с собственным замком. Хотя, возможно, именно в таких поместьях они и живут, а подобные селения существуют исключительно для ведения их грязных дел. Никто в здравом уме не пожелает, чтобы недовольный твоей работой клиент пришел с толпой вышибал на порог твоего настоящего дома.

«До чего же смышленные твари, — подумал Корнус и ухмыльнулся.»

К полуночи большинство жителей деревни уже разбрелось по своим домам. Прямо перед носом Корнуса один из мавьянов выглянул на него из приоткрытой двери, что-то фыркнул и с шумом захлопнул дверь.

В самой дальней лачуге горел свет. Корнус схватил поводья, присвистнул и пришпорил Молниеносного. Через минуту он уже слез с коня, потрепал его по загривку, и привязал повод к коновязи. Он огляделся по сторонам в поисках конюшего и стойла, но было весьма очевидно, что обслуживать его никто не собирается. Корнус вытащил из дорожной сумки яблоко, откусил, и протянул Молниеносному. Конь довольно заржал, и принялся жевать.

Путник постучал по двери лачуги. Ответа не последовало. Охотник постучал сильнее, и через несколько секунд за дверью послышалось копошение. Раздались неспешные шаги по лестнице и раздраженное ворчание. Через мгновение засов двери отодвинулся, и в крохотной щелке блеснули сощуренные глазенки.

— Чего тебе? — просипел хозяин.

Корнус вытащил из сумки потертый клочок бумаги и показал мавьяну.

— Я ищу это.

Мавьян как-то странно зачмокал и облизнул губы. Хитрые щелки глаз мавьяна медленно раскрылись. Он захлопнул дверь и какое-то время Корнус простоял в одиночестве. Когда дверь наконец раскрылась, хозяин дома был уже в очках.

— Сотня тринлов.

Корнус вытащил увесистый мешочек из сумки, и потряс им перед лицом хозяина.

— Сотня тринлов за саму вещицу, и пятьдесят сверху за молчание.

Мавьян осклабился в омерзительной улыбке, оголяя ряд гнилых зубов, и довольно захрюкал. Его глазки заблестели от восторга.

— Проходи.

Корнус очутился в узеньком плохо освещенном коридоре. Единственная свеча стояла на столе в дальнем конце гостиной. Мавьян не доходил Корнусу даже до грудной клетки.

Каждый шаг давался коротышке с превеликим трудом. Переставляя ноги, он прерывисто и шумно дышал, все время бурча себе что-то под нос.

— Заладили шляться тут по ночам. Думают, что могут заявляться сюда в любое время и требовать все, что вздумается.

Мавьян вразвалочку доковылял до пюпитра на столе, и начал рыться в бумагах. Корнус захлопнул дверь, и снял с головы капюшон. Путник огляделся по сторонам. В помещении стояла невыносимая духота. Несмотря на внешнюю убогость дома, в камине во всю горел огонь, а в котелке булькала какая-то похлебка.

Мавьян вытащил из пюпитра бумагу, и утвердительно промычал. В его руках загремела связка ключей.

— Иди за мной, — мавьян взял лучину со стола, и направился в другой конец комнаты. Корнус пошел следом.

Коротышка резко остановился, развернулся, и исподлобья взглянул на Корнуса.

— Предупреждаю в первый и последний раз, — прохрипел он, — не смей ничего трогать.

— Как скажешь, — кивнул Корнус, поднимая руки ладонями вверх. После секундной паузы, мавьян повернулся обратно и подошел к книжному шкафу. Он встал на табуретку, покряхтел, и выдвинул с заметным усилием массивный фолиант в кожаном переплете.

Раздался щелчок, книжные полки разъехались в стороны, образуя проход.

«Смышленные твари, — усмехнулся про себя Корнус, и шагнул в темноту».

ПРЕДВЕСТИЕ БЕДЫ

За окном сгущались сумерки. В воздухе витал сладостный запах заваренных благовоний. Летард Голран недовольно покачал головой и черкнул пером в пергаменте.

— О чем только думает этот Эсберт, — магистр в задумчивости почесал бороду, — слишком перебарщивает с корнем эклиона. Да, определенно, ему еще слишком рано.

Перелистнув страницу, он сузил глаза, и принялся за проверку работы следующего ученика.

«Польза и вред, содержащиеся в плазме крови юванков. Почему стоит использовать их кровь в пищу?»

Летард одобритительно кивнул.

«Ну, наконец-то, — подумал он, — хоть что-то толковое. Интересно, где он взял образец их крови? Неужто лично поперся в боло...»

Его размышления прервал оглушительный раскат грома за окном. Голран оторвал взгляд от пергамента, и вгляделся в ночную темноту.

«Странно. Геддифинна уверяла, что дождя в ближайшие дни не предвидится, — Голран удивленно вскинул брови, — видимо, не только мне старость не к лицу, — усмехнулся он про себя, отпил спрэлла из прозрачного кубка, и вновь погрузился в записи».

Но не прошло и минуты, как грохот повторился. И на этот раз он сопровождался яркой фиолетовой вспышкой.

Магистр Голран резко поднял голову и тут же вскочил с места. На его хмуром, изборожденном редкими морщинами лице, проступила тревога.

— Это еще что такое?

Летард взял лампу со стола, и подошел к окну. Некоторое время ничто не нарушало

безмолвие ночной тишины. Но в следующее мгновение грохот и яркая вспышка снова повторились. Голран широко раскрыл глаза, и от удивления выронил лампу из рук.

— Не может быть...

В ночном небе образовался пламенный силуэт оскалившегося змея. На какую-то секунду он задержался в небе, щелкнул челюстью и испарился.

Летард Голран выскочил из своих покоев, и стремглав помчался вниз по лестнице.

«Я должен успеть».

ФЕЙН

Фейн проснулся от пронзительного женского крика во дворе. Соскочив с постели, он в одной рубашке спустился по лестнице и выбежал на улицу. Темноту ночи освещала бесчисленная россыпь звезд. Призрачный лунный свет серебрился в луже воды. Тяжело дыша, Фейн склонился пополам, и вгляделся в собственное отражение.

Но не увидел ничего.

Вскрикнув, Фейн пошатнулся и свалился на спину.

Истошный женский крик повторился вновь. Поднявшись на ноги, Фейн ломанулся в сторону амбара. Но было уже поздно.

В следующий миг из амбара вышло несколько темных фигур. Незнакомцы протяжно хохотали и измывались над... Боже, нет...

— Мама! Экреста! НEEEEЕТ!

Внезапно амбар полыхнул ярким пламенем, и Фейн упал в небытие.

Раскрыв глаза, он обнаружил, что находится в своей спальне в Дарлеме. В боку колело, а сердце бешено стучало. Весь липкий от пота, Фейн чувствовал дрожь по всему телу, но ничего не мог с этим поделать. Он оглянулся в сторону Регга и Джеда, но те лишь мирно посапывали в своих постелях.

«Мне бы такой крепкий сон, — усмехнулся Фейн Ривнус и встал с постели».

За окном постукивал дождь, в небе ярко светила луна. Сквозь щели в ставнях окна завывал сильный ветер.

Ночные кошмары беспокоили его уже несколько месяцев, с того самого дня, как вся семья Фейна погибла в пожаре. Война никого не щадит. Ей не знакома ни жалость, ни справедливость. К ней невозможно подготовиться. Несколько воинов из отряда Кернио Нестерса решили позабавиться после выигранной накануне битвы и заглянули в ближайшую деревню. В любой другой день этого могло и не произойти, или же на месте деревни Фейна оказалось бы другое поселение. Но все решил один-единственный случай. И теперь его семья была мертва, а Фейн остался жив. Он знал, что глупо винить себя за то, что ему удалось сбежать. Но все же эта мысль никак не давала ему покоя. Фейн должен был попытаться спасти их, но вместе этого просто сбежал. Хотя он и знал, что если бы солдаты Нестерса увидели его, то освежевали бы на месте. Отмазка? Да, наверное, так и есть. Быть может, Фейну стоило погибнуть вместе со своей семьей и на этом его страдания бы закончились...

Фейн тяжело вздохнул и вышел в коридор. Он прекрасно знал, что заснуть уже все равно не получится. Чтобы хоть как-то отвлечься от тягостных мыслей, он решил прогуляться и спустился в общую гостиную.

Над круглым столом в центре зала висела массивная бронзовая люстра. Позади стульев размещались четыре канделябра с факелами. В одном из них пламя уже погасло. На столе кучкой были сложены какие-то книги, бумажные свертки, различные карты и пару серебряных кубков с недопитым вином.

До рассвета было еще несколько часов, но, тем не менее, Фейн отчетливо слышал чьи-то голоса в дальнем конце зала. По всей видимости, кто-то пробрался в библиотеку.

— Не спится? — раздался тихий голос позади Фейна.

Он вздрогнул от неожиданности и развернулся на месте.

Перед ним стоял магистр Голран в своем привычном темном плаще с откинутым капюшон. Его намокшие темно-каштановые волосы беспорядочно ниспадали на плечи. Очевидно, он вернулся в замок совсем недавно. Видимо, проблемы со сном были не только у одного Фейна. Интересно, какие такие неотложные дела были у магистра Голрана ночью при таком ливне? Да и в последнее время, магистра часто срывали прямо с занятий. Чем же Летард Голран занимается за пределами Дарлема и какие тайны скрывает?

— Да, магистр Голран, — судорожно сглотнул Фейн, — уже не первый месяц мучает бессоница.

Голран понимающе кивнул, и жестом пригласил следовать за собой.

— Давай пройдемся, — улыбнувшись, сказал он, — у меня есть к тебе разговор.

Они пересекли гостиную, подойдя к северо-западной лестнице, ведущей к башне старших магистров ордена.

Магистр Голран взял два факела со стены, один из которых протянул Фейну. Ступив на лестницу, он обернулся через плечо:

— Смотри под ноги, — сказал Голран, — порой мне кажется, что эти лестницы сделали специально, чтобы ученики ломали себе ноги, а затем практиковались в магии исцеления.

Фейн невольно улыбнулся, и вошел во мрак вслед за магистром.

Пока они поднимались по винтовой лестнице башни, Фейн то и дело разглядывал висевшие на стенах портреты бывших магистров ордена. Седобородый старец Терквис Годренвульд, светловолосая Юстиния Зервис, прославившаяся тем, что еще в ранге первокурсницы смогла превратить живую кошку в мышь и обратно. Фейн читал, что подобные заклятия способны освоить далеко не все выпускники Дарлема.

Через пару минут они наконец дошли до большой дубовой двери. Магистр Голран вставил ключ в замок, и толкнул дверь вперед. В эту самую секунду Фейн осознал, что впервые за все свое время пребывания в Дарлеме вошел в покои Летарда Голрана.

Первое, что бросилось Фейну в глаза — длинный, едва ли не во всю стену, ряд книжных полок в несколько метров высотой.

Голран склонился над камином, подбросил поленья в догорающий огонь, и направился к полкам с различными бутылками и склянками.

Стена у изголовья кровати была увешана пестрыми шерстяными гобеленами. Внимание Фейна сразу же привлекло изображение вставшего на дыбы огромного белого единорога на опушке какого-то леса. Перед единорогом, склонившись на одно колено, находился человек в золотой короне и блестящих доспехах.

— Впечатляющее зрелище, не так ли? — На губах Голрана застыла усталая улыбка. Он протянул Фейну чашу с горячим спрэллом, и кивнул на гобелен.

— Спасибо, — ответил Фейн и, пригубив напиток, добавил, — а они правда существуют?

Летард Голран слегка наклонил голову набок и с интересом посмотрел на Фейна.

— А как сам думаешь?

Фейн пожал плечами.

— Ну, за время моего пребывания в Дарлеме я много чего странного увидел, — улыбнулся юноша, — так что, не трудно поверить и в существовании единорогов.

Летард Голран расплылся в широкой улыбке, и, коснувшись Фейна за плечо, кивнул на

письменный стол возле окна.

— Как ты уже догадался, я позвал тебя не просто полюбоваться единорогами, — усмехнулся магистр, но в следующую же секунду его голос стал более серьезным, — у меня есть для тебя задание.

Фейн залпом допил спрэлл и сел на указанный Голраном стул. Летард занял свое место. Стреб в сторону кучу свернутых листков, и, сложив пальцы домиком, вперился взглядом в Фейна.

— Магистр Моффат рассказала мне о твоём прогрессе в сновидении и путешествиям по лабиринтам памяти, — начал Голран.

— Думаю, она несколько преувеличивает, — поспешно ответил Фейн.

— Мне так не кажется, — улыбнулся магистр, и подался вперед, — или это не ты проник в столетние воспоминания одного из магистров Ордена?

Фейн удивленно вскинул брови.

— Но откуда вы...

Летард Голран откинулся на спинку стула, разведя руки в сторону.

— Поверь, Фейн, если я начну рассказывать тебе обо всех способах добывания информации, то мы с тобой не закончим этот разговор до самого утра.

— Да, конечно, — кивнул Фейн, — простите.

— Тебе не за что извиняться, — ответил Голран, — я просто хотел сказать, что результаты, которых тебе удалось добиться за полгода обучения в Дарлеме, действительно впечатляют.

На щеках Фейна выступил румянец. После взбучек и ругательств, которыми на каждом занятии осыпает его Айлин Моффат, было чрезвычайно необычно, но в тоже время и приятно, слышать похвалу от старшего магистра.

— К тому же, — продолжил Летард, — надо полагать, что общение с Реггом, Джедом и Мэнди пошли тебе явно на пользу.

Он помедлил, отведя взгляд в сторону гобелена, изображающего многочисленное войско, марширующее к вершине скалы, на которой восседал гигантский дракон.

— И я надеюсь, что за это время ты уже понял, что дружба — одно из самых ценных качеств во всем мире, которые мы должны дорожить и ценить.

— Конечно, магистр, — понимающе кивнул Фейн.

По лицу Голрана скользнула тень грустной улыбки. На некоторое время магистр замолчал, явно предаваясь каким-то давним воспоминаниям. Для чего он вообще вызвал его сюда? Что это еще было за задание? Беспорядочный поток мыслей кружился в голове Фейна, и чем больше магистр молчал, тем сильнее становилось напряжение.

— Но, магистр Голран, — Фейн прервал молчание. Помассировав отяжелевшие веки, он поднял взгляд на Голрана, — касательно моих снов...

— Я слушаю, — Голран внимательно всмотрелся в него.

— Есть один сон...

Фейн судорожно сглотнул.

— Он не отражает четкого воспоминания, потому что в реальности все было по-другому...

— Продолжай, — кивнул Голран.

— В этом сне все происходит совсем не так, как во время моих обычных ночных сеансов, — продолжил Фейн, — как вы и сказали, за последние месяцы я действительно

научился контролировать свои похождения во снах, а во время последнего сеанса даже смог воссоздать несколько предметов.

— Похвально, — восхитился Голран.

— Но вот в том сне...

Фейн тяжело вздохнул, покачал головой.

— Этот сон преследует меня момента гибели моей семьи после набега мародеров.

На лице Голрана не дрогнул ни один мускул.

— Едва ли не каждый сон я возвращаюсь в события той ночи, хотя в действительности происходило все иначе. Во сне я просыпаюсь в своей постели и выбегаю во двор, когда уже происходит нападение, но в реальности мы возвращались в деревню вместе с отцом с рынка...

Фейн внимательно посмотрел на магистра.

— В ту самую ночь, как раз после нашей с вами первой встречи.

Голран молча кивнул.

— В этом сне, — продолжил Фейн Ринвус, — я ничего не контролирую. Я не могу ни создавать предметы, ни выбирать нужный мне временной промежуток. Я будто бы действую по прописанному заранее порядку, и даже не в силах поступить иначе. В этом сне мое собственное тело мне не подвластно.

— Так вот что тебя так тревожит? — Прервал его Голран, — отсутствие контроля?

— В какой-то мере, — утвердительно кивнул Фейн, — в этом сне я каждый раз просыпаюсь на одном и том же месте, спускаюсь во двор и не успеваю сделать хоть что-нибудь для спасения своей семьи. Раз за разом они погибают в том пожаре...

Фейн потупил взгляд в сторону. Несколько минут они сидели в полной тишине.

— Складывается ощущение, — заговорил наконец Фейн, — что я должен увидеть что-то важное... Какое-то видение или знак... И если бы я только смог взять контроль над этим сном, то наверняка бы смог что-то увидеть...

— Тебя терзает чувство вины, — неожиданно прервал его Голран, — мне знакомо это ощущение. Возможно, именно поэтому тебе и не удастся взять контроль над этим сновидением. И по возвращении в Дарлем ты обязательно будешь работать над этим вместе с магистром Моффат. Я думаю, ты действительно прав в том, что за этим воспоминанием кроется нечто важное...

— По возвращении в Дарлем? — нахмурился Фейн.

Голран кивнул, и протянул ему небольшой холщовый мешочек.

Фейн взял его, и заглянул Летарду прямо в глаза.

— Магистр, я не совсем...

Голран встал с места и отошел к окну.

Всматриваясь в яркий лунный свет, он спокойным размеренным тоном сказал:

— К добру или к худу, но ты и твои товарищи своим рвением и достойными результатами в обучении заслужили стать полноценными участниками предстоящей битвы.

Фейн перевел недоумевающий взгляд с Голрана на мешочек в руках, расшнуровал его и заглянул внутрь.

«Бог мой... это...это агэльфиус?»

— Не уверен, что теперь у вас есть выбор, — продолжил Голран, — боюсь, что теперь уже ни у кого из нас его нет. Мы просто должны следовать предначертанному пути и только время покажет, что нас будет ждать в самом конце.

Фейн почувствовал, как у него закружилась голова. В последнее время на него навалилось столько событий, что, казалось, сейчас он уже не мог отличить реальность от снов. Все происходящее казалось ему каким-то нереальным. Но он четко осознавал, что все испытания и трудности, через которые он прошел, были только началом. Самое трудное его ждало только впереди.

Зашнуровав мешок с искрящимся агэльфиусом, юноша встал на ноги, и, глядя в спину магистру Летарду Голрану, спросил:

— Что мы должны сделать?

Магистр Голран медленно обернулся. Вид его исхудалого лица в бледном лунном свете навел на Фейна чувство страха.

— Вы должны спасти всех нас.

ГИРЛАНД

Гирланд прислонил ухо к двери, прислушался. Из покоев Марианны не доносилось ни звука.

«Как она воспримет сегодняшнюю новость? Наверняка попросит взять ее с собой»

При этой мысли Гирланд невольно улыбнулся.

«Да, в этом вся Марианна».

Боже... к своим восемнадцати годам он уже успел поучаствовать в двух битвах, и даже тогда не испытывал такого волнения, как сейчас. Хотя он и не проводил с ней достаточно времени, Марианна всегда понимала его лучше других. Между ними была особая связь, которую, казалось, ничто не могло нарушить. И прямо сейчас, стоя перед дверью покоев младшей сестры, он не мог даже представить, какие слова нужно подобрать для предстоящего разговора.

От Кэдвига не было вестей уже несколько месяцев. Во время семейных обедов мама даже слышать ничего не хотела о его возможной гибели. Как-то раз Гирланд имел неосторожность предположить, что на его отряд могли напасть люди Олуиков, или шайка разбойников, так леди Карелла Вэрсион посмотрела на него с такой ненавистью и отвращением, что, вспоминая об этом сейчас, Гирланду до сих пор становится не по себе.

По возрасту он был ближе к Ламии, и по идее, с ней у них должно было бы быть куда больше общих интересов и тем для разговоров. Но за все эти годы они так и не смогли наладить между собой такие же отношения, как с Марианной. Нет, конечно, он видел, что Ламия любит его всем сердцем, и это было взаимно, но связи, что была у них с Марианной, не было и близко. Быть может, все дело в том, что Гирланд и Марианна были очень схожи друг с другом характерами. Тот же пылкий нрав, тяга к приключениям и неизведанному.

Собравшись с духом, Гирланд постучался в дверь. Тишина. «Спит?» Некоторое время ничего не происходило. Развернувшись на каблуках, он уже хотел было уйти, как вдруг позади раздался лязг открываемой двери.

— Гирланд? — Послышался сонный голос его сестры, — в чем дело? Что ты делаешь тут в такую рань?

Улыбнувшись, Гирланд кивком указал вглубь комнаты.

— Прости за вторжение, — прошептал он, — можем поговорить в комнате?

Марианна кивнула, и, пропустив Гирланда внутрь, захлопнула дверь.

Гирланд, скрестив руки на груди, встал возле окна. На небе уже застыла багровая линия

рассвета. В саду начали щебетать птицы, а где-то поблизости застучал дятел.

Марианна зевнула, протерла кулаками глаза. Она была в тонкой ночной сорочке, всклокоченные пряди медных волос беспорядочно ниспадали ей на плечи. Девушка проследила за братом внимательным обеспокоенным взглядом и шагнула на середину комнаты.

— Гирланд, что случилось? — В ее голосе послышались тревожные нотки.

Тяжко вздохнув, Гирланд обернулся и посмотрел Марианне прямо в глаза. На лице юноши застыла горькая улыбка.

— Помнишь тот день, когда ты переделалась оруженосцем и тайком поехала вместе с нами на охоту?

Слегка улыбнувшись, Марианна кивнула.

— Больше самой охоты мне запомнился мамин нагоняй по возвращении в замок, — ухмыльнулась принцесса.

Гирланд насмешливо хмыкнул, потупив взгляд в пол.

— Да, но лично я запомнил эту охоту совсем по другим причинам, — его голос сделался отрешенным. Гирланд резко помрачнел, — не проходит и дня, чтобы я, глядя на Кэдвина, не вспоминал тот момент, когда он пустил стрелу в надвигающегося на меня вепря.

Гирланд помолчал, сглотнув слюну. Марианна шагнула вперед.

— В тот миг я буквально застыл от страха и просто не знал, что должен делать. Будто бы мозг отключился и все тело разом онемело. Если бы не Кэвдин...

Юноша покачал головой и взглянул на подошедшую сестру.

— Гирланд, я...

— Нет, прости, — он растерянно почесал затылок и выдавил из себя улыбку, — я не должен был тут нюни разводить. Просто хотел сказать, что я обязан Кэвдину жизнью и буду благодарен ему до ко...

Лошадиное ржание и выкрики стюардов снаружи заставили его замолчать. Гирланд обернулся к окну, прислушиваясь к шуму во дворе.

— Гирланд, — прошептала Марианна и крепко обняла его. Он почувствовал мягкий лавандовый запах ее волос. Прильнув к щеке младшей сестры. Они простояли так целую минуту. Затем, бережно схватив ее за плечи, он немного отеснил от себя Марианну, и, улыбнувшись, поправил съехавшую набок прядь волос.

— Порой я удивляюсь, как быстро ты повзрослела, — сказал Гирланд, и, поцеловав ее в лоб, направился к выходу.

Он остановился на полпути, и, обернувшись через плечо, сказал:

— Ты знаешь, как мама реагирует на разговоры о Кэвдине, но я больше не могу ждать и отсиживаться в замке, сложа руки. От отряда Кэдвина нет вестей уже больше двух месяцев и на сегодняшнем собрании отец призвал всех к действию. В том числе и меня, за что я ему непомерно благодарен.

— Ты уезжаешь? — Голос его сестры дрогнул.

— Я знаю, что если бы нечто подобное случилось со мной, Кэвдин во что бы то ни стало уже давным-давно отправился на мои поиски.

Гирланд шагнул вперед, и, толкнув дверь вперед, добавил:

— И я сделаю все возможное, чтобы разыскать его.

Дверь захлопнулась, и в этот миг Марианна в отчаянии поняла, что всего за пару месяцев могла лишиться сразу двух братьев. Гирланд приходил к ней не просто попрощаться

перед отъездом. Скорее всего, он знал, что может и вовсе не вернуться. Больше всего на свете Марианне хотелось прямо сейчас пуститься за Гирландом вдогонку, и вместе с ним отправиться на поиски Кэдвига. Но что будет с ее матерью в таком случае? Она не может бросить ни ее, ни Ламию. Сейчас они нуждаются в ней больше всего на свете, как никогда прежде.

Марианна бессильно рухнула на кровать, и залилась горькими слезами.

СИЛИЯ

— Ваше Величество, — зычным голосом возвестил Дейно Гостенс, — лорд Дитрих дер Ногиферд, лорд Вирены и Гимнезийских гор.

В приемный зал вошел высокий гладко выбритый мужчина с зачесанными назад темными волосами. Он поклонился с чрезмерной театральностью, и остановился за несколько шагов от помоста Силии.

Королева сдержанно кивнула и жестом позволила говорить.

— Ваше Величество, — напевным голосом начал Ногиферд, — прежде всего, хотелось бы выразить лично от себя глубочайшие соболезнования по поводу кончины ваших родителей. Такая трагедия...

— Благодарю вас, — спокойно сказала Силия, но она знала, с каким трудом ей это далось. Ладони похолодели, все внутренности сжались.

Лицо Дитриха дер Ногиферда исказила тоскливая гримаса. Тяжко вздохнув, он вознес руки кверху:

— Ваш отец был поистине величайшим правителем, — продолжил он, — я никогда не переставал восхищаться его удивительнейшей отвагой, стойкостью, блистательным умом. Мы дружили с ним с самого раннего детства, и более преданного товарища я ни...

— Лорд Ногиферд, — оборвала его Силия, — благодарю вас за лестные слова в память о моем отце, но, боюсь, сейчас у нас нет на это времени.

На секунду Ногиферд задержал на Силии пристальный взгляд. Его глаза блеснули какой-то нескрываемой злостью, но в следующий миг он покорно поклонился.

— Конечно, Ваше Величество, — проговорил он все тем же елейным голоском, — прошу прощения.

Ногиферд щелкнул пальцами, обернувшись через плечо. К нему тут же подбежал тучный низенький слуга и протянул сверток пергамента. Лорд резко выхватил его, и небрежно отмахнулся от коротышки. Тот что-то приглушенно пробормотал и отступил в сторону.

— Будьте с ним осторожны, — прошептал Ройлд Шенриз, — таких лживых мерзавцев еще поискать надо.

Силия коротко кивнула.

Кажется, она понимала, о чем идет речь. Силия видела, что во время застолий и пиршеств в стенах Аргхолма, Ногиферд практически всегда сидел в отдалении от короля Освина. Она не помнила ни единого раза, когда бы они вместе с отцом о чем-нибудь говорили. Дитрих всегда оставался в тени. Он был единственным из вассалов отца, который не явился на рыцарский турнир в Вейстербе год назад. Называя короля Освина своим преданным другом, он либо нагло лжет и что-то скрывает, либо просто пытается сыграть на жалости Силии в своих целях. Как бы то ни было, она чувствовала, что Ройлд был

совершенно прав. Этому человеку доверять нельзя.

— Ваше Величество, — продолжил дер Ногиферд, — мне не хотелось бы быть столь невежественным, и омрачать ваше горе очередными скверными вестями, но я не мо...

— В твоей невежественности никто и не сомневался, — усмехнулся Ройлд Шенриз, — мог бы подождать хотя бы несколько недель, прежде, чем заявляться сюда со своим очередным нытьем, лорд-попрошайка.

Ногиферд исподлобья взглянул на Шенриза. От накотившего гнева лорд Вирены стал чуть ли не пунцовым. Было видно, каких усилий ему стоит не осыпать Первого Советника отборными проклятиями.

— Ройлд, прошу тебя, — Силия обернулась к Первому Советнику.

Шенриз раздраженно кивнул.

— Прошу простить Советника Шенриза, — королева взглянула на Ногиферда, — в последнее время нам всем пришлось очень непросто.

Лорд Дитрих моментально согнал гнев с лица, и сочувственно закивал.

— Понимаю-понимаю, Ваше Величество, — затараторил Ногиферд, — могу вас заверить, что я не держу никакой обиды на Советника Шенриза. Совсем наоборот, я продолжаю восхищаться его выдержки и невероятной работоспособностью. Я прекрасно понимаю, сколь много он делает на благо всей Антрексии, и безмерно за это благодарен.

Шенриз фыркнул, и потупил взгляд в сторону.

— Тем не менее, — притворно вздохнул Ногиферд, — я не могу отмалчиваться, Ваше Величество. В течение последних двух месяцев землевладельцы всей Вирены несут катастрофические убытки. Выгорают леса, гибнет урожай и скотина.

Ногиферд страдальчески качнул головой, опустив взгляд в пол.

— Боюсь, если все так и продолжится, то совсем скоро мои люди начнут вымирать от голода, а там, чего хуже, и до восстания недалеко. Да и ко всему прочему, мы уже сейчас приостановили торговые караваны в Гилезию и Партоксию.

Силия обернулась на Шенриза. Тот отрицательно покачал головой.

— Сколько же вам понадобится для восстановления ущерба? — Силия подалась вперед.

Дитрих провел пальцем по свертку пергамента, что-то прошептал.

— По меньшей мере, две тысячи деинов, — уверенно проговорил он.

— Немыслимо! — Шенриз вскочил с места, ткнув пальцем в лорда Ногиферда, — каким образом ты столько насчитал?

Ройлд вскочил на ноги, и обернулся к Силии.

— Ваше Величество, этот мошенник имеет наглость обворовывать вас на гла...

Силия остановила его жестом.

— Ройлд, прошу тебя, сядь на место.

Шенриз прожег Ногиферда испытующим взглядом, обернулся на Силию, и с грохотом уселся на место.

Королева Стокмар поправила съехавшую набок прядь темно-каштановых волос, и опустила взгляд на перстень на указательном пальце правой руки. Подарок отца на ее десятилетие. Позолоченный перстень с изображением грифона.

— Лорд Ногиферд, — Силия посмотрела ему прямо в глаза, — задержитесь в столице ещё на пару дней. Я доложу вам о своём решении после Совета.

— Благодарю вас, — Ногиферд улыбнулся Силии и учтиво поклонился. Распрямившись, он одарил Шенриза брезгливым взглядом, и махнув своему слуге, зашагал прочь.

Как только двери захлопнулись, пылающий от гнева Ройлд Шенриз обратился к королеве:

— Ваше Величество, уж не намерены ли вы и в самом деле пойти на поводу у этого прохиндея?

Силия потянулась к кубку с водой, сделала пару глотков, и ответила:

— Разве у нас есть иной выход? Все опасения, которые он высказал, небеспочвенны.

Шенриз тягостно вздохнул.

— Если хотя бы в половине того, что он наговорил, есть хоть доля правды, то это не отменяет того, как он распорядится полученными деньгами. В лучшем случае, из этих двух тысяч он даст две-три сотни своим крупнейшим феодалам, а остальные приберет себе. Крестьяне и простые горожане Вирены не получают с этого ни монеты. Независимо от того, как поступит этот лжец, обычные люди будут страдать.

Он пожал плечами.

— И тогда уж восстания в самом деле не избежать.

Силия задержала на Шенризе внимательный взгляд, серьезно задумавшись над его словами. Если бы она знала, что уже к шестнадцати годам ей придется ломать голову над такими серьезными вопросами, не сбежала бы она из замка уже пару лет назад? Ведь, пожалуй, мысли об этом витали у нее в голове уже давно.

Как-то раз Силия подслушала разговор родителей о том, что у них никак не получается зачать еще одного ребенка. Престолу отчаянно требовался наследник. Антрексий с самых древних времен правили исключительно мужчины. В истории королевства не было ни единого прецедента, чтобы его возглавляла женщина. Однако, вот, теперь это случилось с Силией. К радости, или к горю, но теперь она должна нести эту ношу практически в одиночку.

Да, конечно, она знала Шенриза и Гостенса с самого раннего детства, и полностью им доверяла. Но все же они не были ее семьей. Из родных у нее остался только дядя Вентис, старший и единственный брат отца. Однако, после того, как он отправился странствовать в далекие земли, за пределы Кораллового моря, у нем уже больше двух лет ничего не было слышно.

Она осталась одна, и должна была справляться с управлением крупнейшего государства в истории Астариса в одиночку. Конечно, если бы у нее возможность, она тотчас бы отказалась от всех притязаний на трон в пользу дядя Вентиса или другого достойного претендента. Но до тех пор, пока дядя не объявится, она может рассчитывать только на себя.

«Помни, звездочка, — сказал ей отец как-то перед сном, после чтения «Сказаний барда Теклиуса», — чтобы не случилось со мной или с мамой, ты должна пообещать мне, что запомнишь одну очень важную вещь. Тебя всегда будут окружать плохие люди, готовые пойти на все, чтобы заполучить твое место. Ты можешь доверять только самой себе. Пообещай мне.»

«Обещаю, — прошептала тогда пятилетняя Силия, почти ни слова не поняв из речи отца».

Зато теперь, спустя многие годы, она до конца жизни будет следовать отцовскому совету. Ведь, пожалуй, кроме памяти о нем и маме у нее больше ничего не осталось.

— В нынешних условиях у нас на счету каждая монета, — прервал ее размышления Шенриз, — мы просто не можем себе позволить помогать набивать карманы подобным мерзавцем, как Ногиферд.

Силия потеряла пальцами перстень с грифоном, и взглянула Шенризу прямо в глаза.

— Мы дадим ему сумму, которую он требует, — уверенно ответила королева, — тем самым мы покажем, что полностью ему доверяем.

— Но ведь...

— И заодно убедимся, — с нажимом продолжила Силия, — в его намерениях.

Шенриз с интересом сузил глаза, и замолчал. Уголки его губ расползлись в улыбке.

— Ты представишь к нему пару своих лучших шпионов, которые проследят, на что пойдут эти деньги.

Первый Советник Антрексии довольно закивал.

— И если все твои опасения подтвердятся, то совсем скоро нам понадобится новый лорд Вирены и Гимнезийских гор.

НОВЫЕ БРАТЯ

— Прошу вас, у меня де...

Ортео Нергис воткнул клинок в горло антрексийского солдата, и прервал его мучения. Вытерев острие об убитого, вставил меч в ножны.

— Слишком не задерживайтесь, — возвестил Нергис, обернувшись к своим людям, — мы должны двинуться в путь уже на рассвете.

Лэднер Ноукс, как замороженный, не сводил с Нергиса потрясенного взгляда. Лэднер, которому с самого раннего детства приходилось выживать собственными силами, обворовывая каждого встречного и питаясь объедками на окраине Гнилой Дыры. Почему-то сейчас он чувствовал в себе безотчетную тягу следовать за этим человеком. Быть может, все дело было в том, что его люди спасли Лэднера от неминуемой гибели на рудниках? Или дело было не только в этом? Казалось, они все шли за ним, потому что знали, что он выбрал их. Выбрал для чего-то большего, чем быть обычными ворами и жуликами.

Они называли себя «Освободителями», и как-то раз Лэнднер не удержался и спросил Фукциса Одноглазого, кого и от чего они освобождают.

«Увидишь», — ухмыльнулся Фукцис в ответ.

И Лэднер действительно увидел.

В тот день они пересекали западную часть Рогденского леса. «Освободители» шли целый день, не останавливаясь на перевал с самого рассвета. Лэднер и двое чудом спасшихся от рудников вора уже изнывали от голода и усталости, тогда как остальные члены шайки и словом об этом не обмолвились. На их лицах не было и туни усталости.

В самой чащобе леса один из их королевских отрядов разбил лагерь. Их было чуть больше трех десятков. Отряд Нергиса был почти вдвое меньше. Но вскоре Лэднер смог убедиться, что далеко не всегда дело в количестве.

Антрексийские солдаты расселись по трое-четверо человек возле костров. Были слышны смешки, кто-то пел песни и жарил вепря на костре. Один из грузных низеньких солдат, раздетый по пояс, на спор выпил целый мех эля одним глотком. Хлопнув себя по пузу, он смачно рыгнул, и раскатисто расхохотался.

Неподалеку от их лагеря стояло несколько повозок с металлическими решетками. И когда Лэднер увидел, кто находится внутри, едва не вскрикнул от удивления.

Жалобно постанывая, внутри решетки лежали совсем молодые особи виверны. Одна из них, свернувшись клубком, забила в угол и уткнула морду в пол.

— Но ведь они давно вымерли, — изумленно прошептал Лэднер, — а если и нет, то это в любом случае незаконно... гребаные ублюдки... они не могут просто взять и...

— Незаконно? — Едва не расхохотался Фукцис, — приятель, ты будто бы с Луны свалился. Антрексия и есть закон. Или ты думал, что они добились такого размаха только благодаря грамотному налогообложению и торговли? Да и с каких это пор ты, один из самых прославленных воров Урсы, печешься о законности?

Фукцис ехидно усмехнулся, и, подавшись вперед, подо двинулся к Лэднеру вплотную:

— Уверен, будь у тебя такой шанс, ты и сам бы украл этих бедолаг и до конца жизни бы гулял, да пьянствовал.

Лэднер покачал головой, и потупил взгляд в сторону. Фукцис приглушенно хихикнул.

— Они отлавливают таких вот редких тварей, а затем втридорого продают зажиточным «коллекционерам».

Фукцис указал рукой в сторону человека в кожаном дублете и черном плаще. Сидя возле костра, он чистил меч, и время от времени раздавал какие-то приказания капитану отряда.

— И для таких целей они используют своих ручных псов — Охотников. Чрезвычайно неприятные ублюдки. Не хотел бы я оказаться на месте того, за кем они охотятся.

Лэднер с интересом наблюдал за человеком в плаще.

— А что в нем такого необычного? — Нахмурился Лэднер, — на вид, совершенно обычный человек.

— Не спеши с выводами, пока не увидишь его в действии. Но в лю...

— Готовьтесь, — прервал их подкравшийся сзади Ортео Нергис, — выступаем по моей команде.

Лэднер удивленно захлопал глазами.

— Выступаем? Я не...

— Вперед! — Прокричал Нергис, вынув клинок из ножен. Фукцис Одноглазый сунул Лэднеру клинок, и помчался вслед за Нергисом.

Только сейчас Лэднер понял, что пока они тут разговаривали, Нергис уже спланировал все наступление. Взяв антрексийцев в круг, по двое или трое «Освободителей» выбегали из всех частей леса.

Опешившие антрексийцы даже не успели понять, что происходит. Только один из них, сам капитан, успел выхватить меч из ножен, и принялся выкрикивать команды остальным. Но было уже слишком поздно.

Началась кровавая резня.

Стрела Нортана Зык'кина насквозь пронзила горло антрексийского капитана. Издав булькающих звук, он рухнул замертво. Нортан пустил следующую стрелу убегающему в спину солдату. Лэднер стоял на месте, как вкопанный. Из ступора его вывел рев набегающего на него копейщика. В самый последний миг Лэднер увернулся от удара, и кувыркнулся в сторону. Встав на ноги, он схватил клинок обеими руками, и двинулся на врага. Парировав выпад антрексийца, он ткнул его ногой в живот. Солдат скорчился от боли, и этого мгновения Лэднеру хватило, чтобы насквозь проткнуть его грудь.

Лэднер почувствовал колкую боль в груди, и рухнул на колени. Глаза застилала мутная

пелена тумана, в ушах стоял свист. Где-то на заднем фоне еще доносился лязгающий звук стали о сталь, и истошные крики умирающих.

Отдышавшись, Лэднер медленно встал на ноги, и огляделся по сторонам. Повсюду были разбросаны мертвые тела королевских солдат. Поморщившись от представленного зрелища, он с большим трудом смог сдержать рвотный позыв.

— Ну как ты? — Вопросил Фукцис, поправляя повязку на глазу, — порядок?

Лэднер неуверенно кивнул, оглядываясь по сторонам. Пока «Освободители» обирали трупы антрексийцев, Нергис о чем-то разговаривал с Нортаном Зык'кином.

— А что случилось с вивернами? — Лэднер глянул в сторону опустевших повозок.

— Ортео выпустил их на волю, — Фукцис пожал плечами.

— У нас есть потери? — Лэднер взгляделся в тела убитых.

Фукцис кивнул.

— Трое, включая тех двоих, с которыми ты сбежал.

Эти слова не произвели на Лэднера никакого эффекта. Он был совершенно с ними не знаком, с чего бы ему огорчаться из-за их смерти? И все-таки осознание того, насколько близко он был к смерти, заставило его поежиться.

— И все от его руки.

Лэднер в удивлении вскинул брови.

— От Охотника?

Фукцис кивнул. Он перевернул тело одного из антрексийских солдат, совсем еще зеленого юнца, на два-три года младше самого Лэднера. Из груди у него торчало две стрелы, еще одна — чуть выше паха.

— Но с чего ты взял, что их убил Охотник?

Фукцис сорвал с убитого мешок, заглянул в него, недовольно фыркнул, но с собой забрал. Мельком взглянув на Лэднера, он небрежно махнул в сторону одного из убитых «Освободителей».

— Вон, посмотри, что этот говнюк сделал с его глазами.

Лэднер сглотнул подступивший ком к горлу. У него раскальвалась голова, ужасно болело все тело. Еще немного, и он свалился бы от усталости прямо на землю.

На ватных ногах он подошел к мертвому «Опустошителю». В нерешительности он еще раз оглянулся на Фукциса, но того уже и след простыл. Наверное, пошел обирать следующего.

Опустившись на колени, он медленно перевернул убитого на спину, и вскрикнув, рухнул на спину.

— Бог ты мой...

Лицо убитого было искажено в отчаянной гримасе ужаса: челюсть распахнута, а на месте глаз зияло две выжженных дыры.

Лэднер подкинул хвороста в огонь, и бросил в сторону обглоданную косточку вепря. Давненько он не ужинал настолько сытно.

— Все в порядке? — Вопросил спокойный размеренный голос позади.

Лэднер медленно обернулся. Перед ним стоял Ортео Нергис.

— Можно сесть? — Улыбнувшись, он кивнул на свободное место возле костра.

Лэднер неуверенно кивнул.

Присев рядом с Лэднером, Нергис протянул руки к костру.

— Поразительно, сколь мало иногда нам бывает нужно для счастья.

— Это точно, — сквозь зубы выдавил Лэднер.

Какое-то время они сидели молча. На небе уже взошла полная луна, освещая своим призрачным светом темноту леса. Повсюду стрекотали кузнечики, на одном из деревьев заухала сова. Трое «Освободителей» играли в карты на добытые после сегодняшнего сражения трофеи. Судя по радостному возгласу Фукциса, только что он выиграл что-то действительно стоящее. Нортан Зык'кин, запрокинув руки за голову, дремал возле костра. Лэднер поднял взгляд на Нергиса. Тот, как замороженный, неотрывно смотрел на догорающее пламя.

— Наверное, за последние дни у тебя накопилась уйма вопросов, — наконец прервал молчание Нергис.

Лэднер подкинул в костер хворост. Сноб искр тут же взметнулся вверх, и растворился в ночном небе. Юноша перевел взгляд на Нергиса.

— Конечно, не мне защищать антрексийцев и их порядки, но...

Лэднер махнул рукой в сторону недавнего поля сражения.

— Разве это действительно было необходимо? — Лэднер слегка понизил голос, — неужели было необходимо убивать их всех? Почему было не взять кого-нибудь в плен, расспросить их капитана, выведать все необходимые сведения...

Ортео Нергис понимающе кивнул, и поднял взгляд в ночное небо, испещренное мириадой звезд.

— Я понимаю причину твоего негодования, — спокойно ответил он, — некоторым людям свойственно выказывать сочувствие даже худшим из нас. И, естественно, что среди тех убитых есть много людей, которые, быть может, не заслуживали умереть такой смертью. У большинства из них были семьи, дети, другим только предстояло их завести и прожить долгую счастливую жизнь. А иные уже слишком задержались на этой земле.

Он помедлил, оторвав взгляд от неба, и посмотрел Лэднеру прямо в глаза.

— Но об этом судить не нам. Просто так вышло, что именно сегодня нам пришлось убить этих людей. Попадись нам какой-то другой отряд вместо них, все было бы точно также.

— Тогда почему ты отпустил тех виверн? Когда эти твари вырастут, они могут причинить еще больше вреда, нежели, если бы они попали к какому-нибудь толстосумму, который распродал бы их поодиночке или загнал сражаться на арену.

Ортео Нергис поджал губы.

— Да, ты абсолютно прав, — все тем же размеренным тоном ответил он, — вероятно, так и будет. Хотя я встречал множество свидетелей, клявшихся в том, что виверны куда более разумные создания, чем люди.

Нергис едва заметно улыбнулся, Лэднер ответил тем же.

— Но, выпустив их на волю, я предоставил им самим выбрать свой путь. Ведь этих особей едва только отлучили от их матери, лишив их этого самого выбора.

— Так вот чем вы здесь занимаетесь? Даете второй шанс тем, кто на ваш взгляд его заслуживает?

Нергис промолчал.

Они посидели так еще какое-то время, наблюдая за ночным небом и стрекотом цикад. Затем Лэднер, набравшись смелости, задал вопрос, который волновал его еще с того самого

дня, когда он встретился с Нергисом и его «Освободителями».

— Ортео, вы были в той повозке, потому что действительно попались на воровстве или чем-то еще провинились перед Антрексией или вы... вы знали, что я там окажусь?

Нергис широко улыбнулся.

— А я все ждал, когда же ты спросишь.

Ортео Нергис встал на ноги, во весь свой двухметровый рост, и взглянул на Лэднера. В этот миг он показался юноше настоящим великаном. И, наверное, дело здесь было совсем не в росте.

— На твоём месте мог оказаться кто угодно, — без обиняков ответил Нергис, — но так уж вышло, что теперь от тебя зависит судьба всего Астариса.

ФЕЙН

Фейн нарисовал знак «воздуха» перед «водой». Никакой реакции. Тяжко вздохнув, он откинулся на спинку стула и закрыл лицо руками.

— Кто только выдумал всю эту ахиною, — сквозь зубы проговорил он, — я же все правильно нарисовал, почему знаки не сходятся?

Фейн подался вперед, склонившись над учебником. Открыв нужную страницу, провел пальцем по тексту:

«Соединение воздуха с водой позволяет добиться нужного эффекта при создании аэрацикного заклинания».

— Ладно, — вздохнул юноша, — попробуем еще раз.

Закрыв глаза, Фейн мысленно представил цветущие луга родного края. В памяти всплыли их совместные походы в лес с сестрой. Они выходили из дома еще на рассвете, и проведя за сбором грибов или ягод несколько часов, любили перекусить под высоким раскидистым вязом на берегу Молчаливой. Экреста доставала из корзины пару ломтей хлеба, сыр, колбасу и бурдюк с водой или молоком. Но больше всего Фейн обожал печенье с изюмом, на приготовление которых Экреста могла потратить весь вечер перед походом. Но оно того стоило. Ведь что может быть еще важнее, как не услышать похвалу от брата, улетающего целую корзину твоего печенья?

Сколько Фейн себя помнил, Экреста умела хорошо готовить еще с самого детства. Во время приготовлений ко Дню Рогалана или на празднование чье-то дня рождения девушка всегда помогала матери с приготовлением блюд, и зачастую даже указывала ей, сколько соли подложить или в каких пропорциях добавлять муку.

И, пожалуй, еще одна причина, по которой Фейн так озлобился на отца, узнав, что тот отдал практически все их сбережения для поступления Фейна в гильдию ремесленников Форсенса, так это то, что этим поступком отец фактически лишил Экресту шанса обучаться на повара или кондитера.

Фейн точно знал, что его сестру ждало великое будущее. Если бы она поступила в ученичество к одному из Форсесесских пекарей, то Фейн был готов поспорить, что уже через пару лет Экреста смогла бы стать одной из поварих у самого короля Антрексии. Для этого у нее были все задатки.

Фейн сидел в классе уже третий час. Поставив локти на стол, а подбородок на сплетенные пальцы, он третий час корпел над «Краткой историей Астариса» Вэнтиса Милергоя.

Он не спал уже две ночи к ряду. Глаза неумолимо слипались, в висках пульсировала кровь. Фейн потянулся к чашке с айвелиновой настойкой, и удрученно вздохнул, когда вспомнил, что выпил уже два кувшина. Столовая в это время уже закрыта, так что придется бодриться самому.

Изнуренный юноша протер глаза, и попытался сфокусироваться на тексте. Прочитав всего пару строчек, буквы начинали разбегаться. В голове уже была каша из несвязанных между собой дат, событий и имен.

«Битва у Равнин Правосудия»:

«На заре шестьдесят четв ертого года от пришет вия Вазарекса, на поле боя, у подножия Равн ин Првсудия, со шлись три мог учих армии: предст авители людск ой расы, вселяю щие страх каберлинги и горделивые леберты. И нчалсь влчайшее за всю истрию Астариса сржние.... Была это крвпролтная бо йн я, пролжавшаяс я долг их шсть дней и но чей...»

«Нет, так дело дальше не пойдет, — подумал Фейн, и захлопнул книгу».

Онемевшие ноги ужасно болели. Дэйвен потянулся во весь рост, и почувствовал, как хрустнули суставы в позвоночнике. Со скрипом отодвинув стул, он взял книгу под мышку, и встал с места.

Снаружи барабанил дождь. Яркие вспышки молнии прорезали темную ночную гладь. Гневные раскаты грома заставляли стекла дребезжать. Фейн настезь распахнул окно, и, вдохнув запах свежего воздуха, с наслаждением подставил лицо хлынувшему потоку ветра и дождя.

Фейн подобрал огарок свечи, и, заперев за собой дверь, вышел в коридор. Стояла мертвецкая тишина. Было уже далеко за полночь, и не было видно ни единой живой души. Эхо шагов по каменной плитке отдавалось по всему коридору.

Раздался оглушительный раскат грома, от чего Фейн, поднимавшийся вверх по лестнице, споткнулся и едва не покатился кубарем назад. Юноша выронил лучину на пол, и в последний миг схватился о каменный поручень.

Фейн выглянул в узенькое окошко бойницы, и от увиденного у него широко раскрылись глаза. Ночное небо прорезали ослепительные фиолетовые вспышки молнии. Так продолжалось еще несколько секунд, после чего на небе всплыл силуэт гигантского огненного змея.

Юноша вскрикнул, и отшатнулся назад. Он прильнул спиной к стене, и медленно ополз вниз.

«Боже мой... что... что это такое».

С верхних этажей башни раздался топот чьих-то ног, открывающиеся и закрывающиеся двери, а затем и чья-то ругань.

Но в следующий миг, когда Фейн поднялся на ноги и заглянул в окно, змея уже не было. Ночное небо снова было безмятежно.

Крики сверху стали отчетливее.

Фейн оттер проступивший со лба пот, подобрал рухнувшие учебники, и в потемках побрел наверх. Благо, что на верхних этажах уже зажгли настенные факелы.

Юноша вышел на четвертый этаж замка, прошел один из переходов, и вдруг остановился. Он прильнул к стене, вслушиваясь в ругань двух магистров.

— Поутру мы проведем тщательное расследование произошедшего беспредела, — послышался размеренный голос Октира Фердена, младшего магистра иллюзионных чар, — я уверен, что это глупая выходка одного из студентов. К тому же...

— Глупец! — Огрызнулся Теос Кестер. Его голос становился все более неразборчивым, — ты прекрасно знаешь, что это было! И совсем скоро ты и подобные слепцы поплатитесь за свое сумасбродство!

Какое-то время волшебники еще спорили и ругались между собой, но Фейн поспешил отправиться в свою комнату. Не хватало, чтобы еще его увидели и отчитали за ночные похождения по замку.

Юноша на цыпочках отворил дверь своей спальни, сложил учебники на стол, и рухнул в кровать без задних ног. Регг Сельвис мирно посапывал в своей постели.

В голове Фейна беспорядочным калейдоскопом мельтешили мысли по поводу увиденного. Сердце гулко стучало, и он никак не мог привести дыхание в порядок.

Долгое время Фейн беспокойно ворочался. Из головы никак не выходил ужасающий оскал змея...

Ему удалось уснуть только с первыми лучами солнца.

МЭЙНО

В комнату уже начали врывать первые лучи солнца, но Мэйно Вэрсион лежал без сна, уставившись широко распахнутыми глазами в потолок. Бессонница мучила его уже несколько дней подряд. Перестали помогать даже снадобья Энцо Сизариса, придворного мага и целителя.

Он помассировал вески медленными круговыми движениями, но от этого в голове загудело еще сильнее. Стиснув зубы от боли, Мэйно медленно поднялся с постели, и с жадностью выпил стоявший на прикроватной тумбе кубок с водой. Затекшие ноги ужасно ныли. Только подумать... Всего два года назад он вёл своих людей в бой, а сейчас без помощи стюардов даже в лошадь забраться не может.

Шрамы, оставленные одним из копейщиков Олуиков, едва не сделали его калекой. Лекарям Катерсиса под бдительным руководством Энцо Сизариса чудом удалось спасти левую ногу Мэйно от ампутации, но о дальнейших сражениях он мог навсегда забыть. И хотя все приближенные восхваляли доброту и щедрость Всемиловитового Кролиона, Мэйно понимал, что без поля брани он никогда не будет прежним. И свою кончину он предпочёл бы встретить с мечом в руках, а не в душной приемной Катерсиса. Он провёл в сражениях и походах всю юность, и даже стал лордом Катерсиса, то большую часть своего правления пребывал во главе войска, оставляя право распоряжения замком кастеляну и доверенным советникам.

Но все это было дело дней минувших. Теперь же Мэйно Вэрсион и шага не может сделать без своей трости. За последние два года он успел возненавидеть монотонные Заседания Совета и бесконечную бумажную волокиту. И это бремя ему придётся нести до конца своих дней.

Одна радость — теперь он мог проводить куда больше времени со своей семьей.

Через час лорд Мэйно Вэрсион уже разгребал бесчисленную кучу бумаг на своем столе. Письма, прошения, жалобы...

Его размышления прервал резкий стук в дверь. От неожиданности Мэйно расплескал

бокал с вином и гневно выругался. Схватившись пальцами за переносицу, сквозь зубы проскрежетал: он

— Войдите!

На пороге показался невысокий худощавый человечек в красной тунике.

— Прошу прощения за беспокойство, лорд Вэрсион, — на его морщинистом лице заиграла хитрая улыбка, — прибыл представитель банка Лествилла, Эрувэ Шидс.

Мэйно небрежно махнул рукой, и промокнул вспотевший лоб платком.

— Пускай заходит.

Через пару секунд в кабинет вошёл тучный человек с тонкими завитыми усами. Он остановился в нескольких шагах от стола Мэйно, снял с головы шляпу и неловко поклонился. В помещении стояла ужасная духота. Мэйно расстегнул верхние пуговицы рубашки и залпом осушил бокал вина. Третий за это утро. Лорд Вэрсион поднял взгляд на банкира, и кивнул на стул.

— Прошу, садитесь.

Двери с шумом захлопнулись, и они остались наедине.

В нос Мэйно тут же ударил резкий запах жасмина, от чего головная боль сделалась просто невыносимой.словно к его голове со всего махну приложились здоровенным молотком. Мэйно сделал над собой усилие, чтобы не вскрикнуть от боли.

Под левым плечом Шидса была изображена эмблема банка Лествилла, три перекрещенных серебряных звезды на синем поле. Мэйно сморщился, пытаясь вспомнить, что они означают, но сразу же оставил эту затею. В такую жару думать было невозможно, а в геральдике он никогда не был особо силен.

— Благодарю, что приняли меня, лорд Вэрсион, — елеиным голосом произнес здоровяк, улыбнулся и с грохотом уселся на стул. Половицы затрещали, послышалось гулкое дыхание посла.

Воцарилось долгое молчание. Банкир переводил взгляд со штофа с вином на Мэйно, и обратно.

«Лорд Мэйно Вэрсион в качестве прислуги? Нет, уж, такого не будет даже с банкиром Лествилла».

Игра в гляделки продолжалась еще несколько секунд, после чего послышался бархатистый голос банкира:

— Позвольте? — улыбнулся Эрувэ, указывая на штоф с вином.

Мэйно молча кивнул, и, сцепив пальцы домиком, откинулся на спинку кресла.

Толстяк приподнялся, наполнил бокал, и, довольно причмокивая, выпил половину.

Утерев рот тыльной стороной руки, он раскрыл кожаную сумку, повязанную вокруг поясицы. Достал из нее тонкий конверт, и, расплываясь в широкой ухмылке, протянул лорду Мэйно.

Банкир неспешно потягивал вино, наблюдая за тем, как Мэйно читает письмо. Эрувэ Шидс бросил взгляд на столик с закусками, улыбнулся и поднялся с места. Промычав какую-то монотонную мелодию, представитель банка подошел к столику, наклонился, и принялся к тарелке с сырной нарезкой. Поморщился, и потянулся к пирожным. Лорд Вэрсион не обратил на это никакого внимания. Он с увлечением водил глазами по тексту. Проведя рукой по вспотевшему лбу, он отложил письмо в сторону, и взгляделся в поедающего гильдезийский сыр банкира.

— Всего десять тысяч тринлов? — Сквозь зубы спросил Мэйно, — но ведь речь шла...

Эрувэ Шидс повернулся на каблуках с поднятым в руке миндальным пирожным. Прожевав, он отряхнул руки, и сел обратно на стул.

— Лорд Вэрсион, — банкир разгладил усы, и расплылся в лучезарной улыбке, — мне не совсем понятна причина вашего удивления. Банк Лествилла и так идет на огромную уступку, предоставляя вам кредит в десять тысяч тринлов, а ведь за вами ещё остается неуплаченная сумма в семь сотен деинов.

Воцарилось напряженно молчание.

Мэйно казалось, что кто-то изнутри прожигает его голову каленым железом. Облизнув пересохшие губы, он уставился на банкира ледяным взглядом. Тот отвечал лишь хитрой ухмылкой. Мэйно прекрасно знал такой сорт. Эти своего не уступят, будут упираться до последнего. И сейчас лорд Вэрсион был явно не в самом лучшем состоянии для того, чтобы торговаться. Но и идти на поводу у гильдии из Лествилла нельзя. Покажешь слабинку хоть раз, и будешь пожинать плоды до конца дней.

Лорд Вэрсион выдавил из себя улыбку, и протяжно вздохнул. Превозмогая боль, он поднялся с места, и, взявшись за трость, доковылял до окна. Если Шидс и заметил, что Мэйно не здоровится, то виду не подал. Но точно не применит сообщить об этом членам гильдии.

Сцепив руки на поясице, Мэйно взглянул на заходящую в порт торговую шхуну. От яркого солнечного света ему сделалось совсем дурно, и Мэйно поспешил отвернуться, вперившись взглядом в сидящего банкира. Сложив руки на груди, раскрасневшийся толстяк по-прежнему улыбался.

— Насколько мне известно, одним из важнейших приоритетов гильдии по-прежнему остается добыча осколков агэльфиуса из недр Октерфона, — прервал молчание Мэйно.

Улыбка с лица банкира исчезла в ту же секунду. Откашлявшись, он нахмурился, расправляя складки туники.

— А посему я полагаю, что в интересах гильдии предоставить нам как можно большое количество ресурсов для того, чтобы уладить конфликт с Олуиками.

Мэйно помедлил, обратив внимание на нервозность Шидса, и продолжил уже куда увереннее:

— Если, конечно, многоуважаемая гильдия не захочет спонсировать Солнечное Копье. Однако, насколько мне известно, Маркос Олуик, больше склонен доверять свои средства банку Эйсвуда.

Эрувэ Шидс покраснел пуще прежнего. На его лбу выступила испарина, а лицо сделалось совсем уж сердитым. Он испытующе взглянул на лорда Вэрсиона, перевел взгляд на письмо, и выдохнул.

Поднявшись с места, он подошел к Мэйно и улыбнулся.

— Так сколько же вы просите?

Мэйно Вэрсион ответил без промедления:

— Тысяча деинов, и отсрочка в полгода на уплату прошлого долга.

Банкир фыркнул и вскинул в изумлении брови.

— У вас отменный аппетит, лорд Вэрсион, — вздохнул Эрувэ Шидс.

Помедлив секунду, он поджал губы, и пожал протянутую руку.

— Что-нибудь придумаем.

МАРИАННА

Мэллион Вэрсион отправил в рот кусок яблочного пирога, запил его молоком и уставился на сестру.

— В чем дело? — Вопросил двенадцатилетний мальчик.

Каштановые кудри, внимательные зеленые глаза, маленький рот и тонко очеренный подбородок. По словам тетки Актильи, Мэллион был точной копией своего отца в детстве. И дело не ограничивалось только лишь внешней схожестью или неугомонным характером. У мальчика была та же тяга к коллекционированию деревянных фигурок рыцарей, животных и даже знаменитых архитектурных памятников древности. В «сокровищнице» Мэллиона были даже экземпляры его собственной работы. Юный Мэллион днями и ночами перечитывал одну из своих самых любимых книг — «Сказания барда Ильсера Стелфона». Возле красочных изображений различных диковинных зверей бард давал краткие описания о каждом из них, а некоторые даже были приправлены впечатлениями о собственных встречах Стелфона с тем или иным созданием. По представленным в книге изображениям Мэллиону удалось воссоздать оскалившего пасть оборотня, смертоносного юванка, величественного агрэнского дракона с раздвоенным хвостом и, безоговорочного любимца Мэллиона, его собственную гордость — птицу феникса с разведенными в сторону крыльями, сделанную из древесины тысячелетнего дуба из Медвежьего леса.

— Ничего, — отрезала Марианна.

Дожевав кусок пирога, Мэллион отложил миску в сторону, и пристально взгляделся в сестру. На девушке не было лица. За завтраком она не проронила ни слова, и так и не притронулась к еде. Склонившись над тарелкой, она водила ложкой по овсянке.

Ламия сохраняла молчание, поедая булочку с маслом. Девушка с нескрываемым отвращением поёжилась, наблюдая за тем, как сестра вазюкает еду.

— Марианна, послушай, — Мэллион протянул к сестре руку, — я не знаю, что...

Девушка резко отстранилась, и соскочила с места. Ее глаза полыхали от гнева.

— Почему вы вообще так спокойны? — Переводя взгляд с Ламии на Мэллиона, прокричала она.

— Что ты...

— Спокойно едите, сидя на месте!

Марианна смахнула тарелку с овсянкой на пол, и облокотилась руками о стол.

— Мне противно смотреть на вас!

Ламия выпучила глаза, едва не поперхнувшись. Мэллион недоумевающе возрился сначала на неё, затем на Марианну.

— П-п-одожди, — заплетающимся языком проговорил мальчик, — о-о-о чем ты гово-о-оришь?

Глядя на перепуганное лицо брата, Марианна сокрушенно склонила голову и уселась обратно на место. Во время сильного волнения или стресса Мэллион всегда начинал заикаться. Это случилось после того, как семилетний Мэллион, запутавшись ногами в трясине, едва не утонул в озере. Лорд Освин Вэрсион молниеносно отреагировал на вопли тонущего сына и спас ему жизнь. Но этот случай не прошёл бесследно, оставив страшное пятно в памяти мальчика на всю жизнь.

Какое-то время они сидели в полной тишине.

— Прошлой ночью отец созвал экстренное собрание, — немного успокоившись, заговорила вновь Марианна, — на южных границах Антрексии в последнее время

неспокойно. Он думает, что грядёт война с Олуиками.

Немного помедлив, она продолжила.

— Также отец полагает, что с отрядом Кэдвина что-то произошло. И несколько часов назад Гирланд отбыл на его поиски.

— Точно, — кивнул Мэллион, — я слышал ночью лошадиный топот во дворе. Ещё подумал, что как-то слишком рано для торговцев или просителей.

На лице Ламии отразилась тревога.

— Но почему родители нам ничего не сказали? — Удивленно спросила она.

— Ты же знаешь маму, — Марианна развела руки в сторону, — все это время она и слышать ничего не хотела даже о малейшей возможности того, что с Кэдвином могло что-то произойти. Наверное, сейчас они с отцом решают, что делать дальше.

— Ты всерьез это говорила? — Прошептал Мэллион, глядя Марианне прямо в глаза, — насчет войны...

Марианна увидела неподдельный страх в глазах младшего брата. Ох, боги, она сделала бы все возможное, чтобы только уберечь его и Ламию от надвигающего кошмара. Прямо сейчас она могла бы соврать, успокоить Мэллиона и Ламию на какое-то время, но какой в этом смысл? Она никак не могла выбросить из головы тот отрешенный взгляд Гирланда прошлой ночью. Марианна прекрасно знала, что их ждет. И если сейчас она соврет им, от этого будет только хуже. В грядущие времена им всем предстоит быть сильными. Чем раньше они подготовятся к надвигающемуся бедствию, тем больше у них будет шансов на спасение.

— Да, Мэллион, — грустно кивнула Марианна, и, потянувшись к брату через стол, накрыла его дрожащую ладонь своей, — грядет война.

В следующий миг двери столовой сотряслись от раскатистого стука в дверь. В помещение вбежал молодой стюард, Нейт Бишар. Отдышавшись, он протараторил:

— Миледи... милорд...

— В чем дело, Нейт? — Спросила Ламия.

— Ваши родители, — сглотнул юноша, — лорд Мэйно и миледи Карелла отправились в столицу.

Помедлив, Нейт Бишар едва слышно прошептал:

— Король Освин Стокмар мертв.

С губ Ламии сорвался отчаянный стон. Девушка вскочила с места, и выбежала прочь из комнаты.

«Было бы слишком просто, если бы можно было так уходить от всех проблем».

— Мы должны что-то сделать, — налитые слезами глаза Марианны вперились в Мэллиона, — если мы будем бездействовать, от нашей семьи ничего не останется.

ГИРЛАНД

— Милорд, мы получили разрешение войти в гавань, — известил вошедший стюард, — прикажете подготовить ваш выходной наряд?

— Спасибо, Шэвис, — ответил Гирланд, — я справлюсь сам, можешь идти.

— Слушаюсь, милорд.

— И еще одно, — приложив печать золотистого феникса на бумагу, Гирланд встал из-за стола, и передал конверт Шэвису, — отправь это на Катерсис секретарю отца.

Темноволосый юноша взял конверт, почтительно поклонился, и, захлопнув за собой дверь, удалился в коридор.

Облачившись в синий парчовый кафтан, Гирланд накинул сверху алую мантию, расшитую золотом. Под левое плечо он приколотл брошку с гербом своего дома, золотистого феникса с расправленными крыльями. Юноша остановился перед зеркалом, вглядываясь в свое бледное изможденное лицо, и грустно улыбнулся. Несмотря на усталость последних дней, он был счастлив как никогда. Отец наконец-то доверил ему что-то стоящее. Доверие с его стороны значило очень многое. Впервые в жизни он почувствовал себя нужным. Теперь Гирланд должен сделать все возможное, чтобы оправдать возложенные на него надежды.

Уезжая с тяжелым сердцем, оставляя позади себя свою семью, Гирланд знал, что назад может и вовсе не вернуться. К тому же, покидая родной дом во время назревающей войны, он также чувствовал, что его братья и сестры нуждаются в нем, как никогда прежде. Но если бы он хотя бы не попытался спасти Кэдвига, то никогда бы себе этого не простил.

Гирланд знал, что в этом предприятии ему нельзя брать с собой большой отряд, дабы не привлекать слишком много внимания. Было необходимо обойтись малой кровью. Он взял только самых преданных ему людей. Тех, кому он безоговорочно доверял и на кого мог рассчитывать в самый трудный момент.

Герберто Лортан, обучавший Гирланда фехтованию с самого детства. Сорока шести летний тучный арраканец давно уже не был в своей лучшей форме, но Гирланд знал, что мог доверить ему свою жизнь. Оруженосец и стюард Пэнтио Шэвис был младше Гирланда всего на год, но, проведя чуть ли не все детство бок о бок, они успели стать неразлучными друзьями.

Шекрон ло Редар, выходец из Наксона, все свое детство и юношество проведший моряком на одном из пиратских судов в водах Кораллового моря, около тридцати лет назад поступил на службу Мэйно Вэрсиона в качестве наемника. И за все годы, проведенные в услужении лорду Вэрсиону, стал его надежной правой рукой и верным товарищем.

Гирланд доверял каждому из них, как самому себе. Лучших соратников для поиска Кэдвига было не сыскать.

Во что бы то ни стало он должен разузнать, что стряслось с его братом, и поставить Олуиков на место.

Юноша зачесал волосы набок, расправил складки мантии, и вышел в коридор.

Матросы, встреченные Гирландом по пути к лестнице, ведущей на верхнюю палубу, кланялись и отдавали честь перед юным военачальником. Гирланд пытался не выказывать смущение или нервозность, стараясь как можно спокойнее реагировать на это. Однако привыкнуть к подобному обращению он еще не успел.

Возле лестницы, ведущей на верхнюю палубу, четверо матросов играли в карты и пили сивуху. При виде проходящего мимо Гирланда они все, как один, подскочили на ноги, и отдали честь.

Выйдя на свежий воздух, Гирланда встретил порыв мощного ветра. Он с наслаждением подставил лицо капающему дождю, и зашагал по палубе. Облокотившись о борт «Кермандина», он взглянул на приближающийся порт Октерфона.

Несмотря на поздний час, жизнь в крепосте продолжала кипеть. Во многих бойницах замка по-прежнему горел свет, а в порту виднелись сновавшие из стороны в сторону силуэты рыбаков и торгашей.

Яркая луна на небе светила манящим призрачным светом. Гирланд, словно

зачарованный, глядел на ночное небо, усыпанное мириадой звезд. На море серебрилась чарующая лунная дорожка. Мачты стоящих в гавани судов казались призрачным лесом, вырастающим прямо из водной глади.

Через полчаса «Кермандин» пришвартовался у пристани, и Гирланд вместе со своей свитой отправился в крепость.

— Прошу вас, милорд, — временный градоначальник Октерфона, Жозет Рофенд, расплылся в лучезарной улыбке и кивнул на поданный служанкой поднос с вином, сыром и оливками, — прошу прощения за столь скромное кушанье, ужин будет только через час, но мы мо...

Гирланд остановил его жестом.

— Благодарю вас, — улыбнулся Гирланд, и пригубил вино. Он отставил чашу в сторону, и откинулся на спинку кресла.

Улыбающийся Жозет Рофенд не сводил с юноши пристального взгляда. Гирланд еще и часа не пробыл в стенах Октерфона, но у него уже были десятки вопросов к этому жирному увальню, сидевшему перед ним. К стенам Октерфона надвигается армия, и, скорее всего, возьмет замок в осаду, а этого идиота волнует только ужин? И где вообще Кэдвин? Какого черта здесь происходит? Гирланд прочистил горло, и нарушил молчание.

— Полагаю, вы уже знаете, зачем я прибыл сюда? — сумев подавить накопившийся внутри гнев, проговорил Гирланд.

Рофенд тут же переменялся в лице. Его узенькие глазки быстро забегали, сальный лоб покрылся испариной.

— Милорд Гирланд, — хохотнул он, — я бы не стал...

— Где Кэдвин? — Жестко оборвал его Гирланд.

Рофенд сглотнул и часто заморгал.

— Уехал, — пробормотал градоначальник, — уже как пару недель назад. Взял с собой несколько рыцарей, и сорвался ни с того ни с сего, оставив замок на меня.

«Скорее ты сам его на себя оставил», — усмехнулся про себя Гирланд.

— Жозет, вам совершенно нечего бояться, — Гирланд подался вперед, — вы можете быть откровенны со мной. Мы на одной стороне.

Рофенд по-прежнему молчал. Гирланд покачал головой.

— В любой момент к стенам Октерфона может прибыть армия Олуиков, — он погрозил пальцем, — и если ты продолжишь вести себя так, будто бы ничего не происходит, то я вышвырну твою жирную задницу напрямиком в темницу!

От удивления Жозет Рофенд широко раскрыл глаза, и выронил чашу вина на пол.

— Милорд, я...

Глаза Гирланда запылали от гнева. Он соскочил с места и ринулся прямо на градоначальника. Схватив толстяка за воротник ночной рубахи, он рывком поднял его с места, и впечатал в стену.

— Где Кэдвин?! — Выпалил Гирланд, и ударил Рофенда об стену. Он был уже не в состоянии сдерживать в себе накопившуюся за последние дни злобу, — что ты сделал с ним, свинья?!

Гирланд ударил его под дых, отчего Рофенд съежился, и припал на колени. Гирланд сплюнул на пол, и отступил назад. Хватая ртом воздух, градоначальник корчился на полу.

Гирланд выждал некоторое время, позволил ему прийти в себя, а затем сел на колени.

— Жозет, — немного поостыв, сказал он, — если ты сейчас же не скажешь мне правду, то я буду вы...

— Он уехал к Олуикам! — Завопил Рофенд, и рухнул навзничь. По его щекам текли слезы, — клянусь, это правда!

Он помедлил, жалобно застонал.

— Мне бы он ни в жизнь об этом не сказал! Но один из моих слуг подслушал их разговор, — лицо Рофенда исказила гримаса отчаяния, — не специально, так уж вышло... Этот юноша уже понес свое наказание, ведь...

— Не отвлекайся! — Прикрикнул Гирланд, — что там с Кэдвином?

— Уж не знаю, что там у него было на уме, но в тот день он отобрал самых преданных ему людей, и отправился на встречу с лордом Маркосом. Сказал, что в грядущей битве с Бедствием, надвигающимся с севера, нам нужно сплотиться всем вместе.

Рофенд сплюнул кровью, и весь скорчился.

— Это все, что я знаю! Клянусь!

Гирланд слегка улыбнулся, и поднялся с места.

— Я тебе верю, — сказал он, и вырубил временного градоначальника ударом ноги.

ТОРТОН

Кэдвин Вэрсион возглавлял шествие верхом на гнедом мерине. На конечниках копьев всадников, следующих за ним, развевались знамена с позолоченным фениксом на синем поле.

По суровому невозмутимому лицу Кэдви́на Вэрсиона было невозможно разобрать, что происходит у него в голове. Беспощадный на поле брани, наследник одного из величайших северных домов Антрексии, он не чурался сидеть за одним костром вместе с обычными солдатами, предпочитая пить и есть вместе с ними, нежели в тепле и уюте собственного шатра.

К двадцати двум годам темноволосый юноша поучаствовал уже в нескольких сражениях, и даже руководил осадой Девичьего пруда, которая закончилась взятием замка на третьи сутки.

Вместе с отрядом из пяти приближенных, он пробрался по сточным канавам внутрь замка и, перебив весь гарнизон, захватил Девичий пруд.

И прямо сейчас, двигаясь за Кэдвином на верную гибель, Тортон даже не мог и помыслить о дезертирстве. Тортон Шегвелл поступил на службу к Вэрсионам еще в семилетнем возрасте. Одна из многочисленных бандитских шаяк, расплодившихся после «Второй Сегшенской войны» сожгла деревню Тортон дотла. Его семью, включая трехлетнюю сестренку, казнили у него на глазах. В тот самый миг, когда очередь уже дошла до Тортон, тяжелая конница Мэйно Вэрсиона уже вошла на пепелище, оставшееся от деревни Тортон.

Спасенные лордом Вэрсионом крестьяне поступили на службу его дома. А сам Тортон в тот день поклялся, что до последнего вдоха будет защищать лорда Мэйно и его семью.

В ночь перед этим отходом под предводительством Кэдви́на, Мэйно просил Тортон во что бы то ни стало защищать жизнь его сына до самого конца. И вот спустя десятилетие преданной службы дому Вэрсионов, у Тортон появился настоящий шанс выполнить свое

обещание. Какие бы преграды не стояли на их пути, Тортон сделает все возможное, чтобы старший сын лорда Мэйно Вэрсиона вернулся домой живым и здоровым.

— Как думаешь, нам ещё долго осталось? — Вэйн Крэкс ехал верхом на пегом мерине, нагружённом вьюком с котелками, мисками и прочей утварью.

На посиневшем лице повара застыла мучительная гримаса отчаяния и боли. Чтобы ни говорили про него остальные, но силы духа Вэйну было не занимать. Несмотря на невероятную усталость и сложности, через которые они прошли и которые лишь ждут впереди, он держался молодцом и продолжал верить, что они смогут выжить. Более того, за все это время он ни разу ни на что не пожаловался, и молча выполнял свою работу, готовя на несколько десятков голодных ртов.

— Судя по тому, как сильно похолодало, — Тортон поправил капюшон, — мы уже совсем близко.

Вэйн поморщился, и удрученно потупил взгляд перед собой.

Ледяной ветер пробирал до самых костей. Густой снегопад не прекращался ни на минуту. От холода леденели пальцы, а иной раз, когда их отряд забирался на высокогорье, становилось трудно дышать. За последние сутки уровень снега дошел до самых колен, но они по-прежнему продолжали идти. Лошадей, увязших в снегу и сломавших конечности, тут же зажаривали на костре, но мяса едва ли хватало и на половину войска.

Поначалу в солдатах еще теплилась надежда на успех этого треклятого похода, но чем дальше они продвигались вперед, тем очевиднее становилось, что шансов вернуться в живых остается все меньше.

С каждым днем дезертиров становилось все больше и больше. К небольшому отряду Кэдвина присоединилось несколько сотен людей из числа вассалов дома Вэрсионов. Наибольшую поддержку оказал лорд Аскотт Форрестер, без промедления отреагировавший на письмо своего сюзерена, лорда Мэйно, о немедленной мобилизации пограничных войск. В самом письме он толком не объяснил о том, кто является их врагом, но одно дал понять наверняка — ни при каких условиях им нельзя позволить врагу пересечь границу Сумрачного Леса.

Через три недели после того, как две сотни латников лорда Аскотта Форрестера выступило из Синеборья, их осталось чуть больше полусотни.

А совсем скоро, вместе с протяжным шумом ветра и ледяным дождем, пришла смертоносная вьюга. К тому времени из еды кроме обледеневших кукурузных лепешек ничего не осталось, и оставшиеся воины принялись разбегаться толпами. И уже совсем скоро двухтысячное войско Кэдвина Вэрсиона насчитывало, в лучшем случае, три сотни простуженных и истощенных от голода и усталости приговоренных смертников. Ни у кого из них уже не осталось сил убежать. Казалось, они смирились со своей участью, и только молились о том, чтобы мучения закончились как можно скорее. Они были обречены на бесславную гибель в костлявых лапах ледяной смерти.

На пути Тортона и Вэйна, плетущихся в арьергарде отряда, то и дело встречались закопанные в снегу тела. С некоторыми из них Тортон еще совсем недавно обедал в теплых стенах столовой Катерсиса.

— Думаешь, — сиплым голосом произнёс Вэйн, — мы и в самом деле идём к Сумрачному Лесу?

Тортон обернулся на повара, и взгляделся в его беспокойные глаза. Обледенелые щёки Вэйна совсем уж посинели, и он то и дело стучал зубами.

— Не знаю, куда точно мы идем, в Сумрачный Лес или нет, — пожал плечами Тортон Шегвелл, — но лично я уже не заходил так далеко на север. И чем дальше мы заходим, тем труднее будет вернуться назад.

— Таковую жирную тушу, как ты, Вэйн-хряк, — гаркнул подъехавший Чед Кортвик, — ледяные пауки или белые медведи-людоеды сразу же сожрут. Быть может, им этого хватит, чтобы насытиться и на нас они уже не полезут.

Раздался дружный лающий хохот прихвостней Чеда Кортвика.

Тортон смерил их брезгливым взглядом, и, сжав кулаки, уже хотел что-то ответить, но Кортвик лишь плюнул в сторону Вэйна и пришпорил коня. Четверо его дружков поскакали следом.

— Не обращай внимания, — Тортон обернулся к Вэйну. Грустно улыбнувшись, поваренок лишь едва заметно кивнул.

Несмотря на все эти глупые шутки Кортвика и его шайки, Тортон видел неподдельный страх на их лицах. Насмехаясь над Вэйном, они еще пытались вести себя развязно, будто бы ничего не боясь. Однако получалось у них это плохо. В глубине души каждый из них понимал, что витающая в ледяном морозе смерть вокруг них уже совсем близко.

МАРКОС

— Вместе с латниками из Подлунного королевства на Октерфон в общей сложности мы сможем отправить шесть тысяч мечей, — Кердио Лондрен лениво почесал бровь, — этого вполне хватит для продолжительной осады, но, если мы хотим закончить все гораздо быстрее, то...

— У нас есть баллисты, — вставил Шерман зек Дорзек, — и более того, если нас не слишком заботит сохранность замка, то я не вижу никаких препятствий. Нужно действовать быстро и решительно. Мы обладаем достаточными ресурсами для молниеносного захвата замка. Думаю, управимся всего за пару суток. Да и на северо-востоке Астариса зима придет уже через несколько недель, и чрезмерная нерасторопность может сыграть с нами злую шутку. А епотому осада — глупая и непозволительная роскошь.

Лондрен утвердительно кивнул, перевел взгляд на Маркоса Олуика.

— Я тоже так считаю, милорд, — Лондрен провел ладонью по лысине, — если нас интересует только содержимое подземелий Октерфона, то с помощью зарядов баллист нам лишь требуется пробить брешь в стенах, и взять крепость штурмом.

Сцепив пальцы домиком, архонт Солнечного Копья Маркос сидел, с задумчивым настороженным видом, откинувшись на спинку кресла. В следующий миг Маркос с силы хлопнул ладонью по столу, и подался вперед. Его лицо исказилось от гнева.

— В том то и дело, — он выставил палец перед лицом Лондрена, — что Октерфон — фамильный замок моих предков. Вэрсиионы с помощью гнусной лжи и обмана отняли его у нашего рода.

Кердио Лондрен нервно сглотнул.

— В ваших же интересах сделать так, чтобы замок был захвачен с минимальным ущербом, — закончил Маркос.

— Да, Ваше Величество, — пробубнил Лондрен, — я вас понял.

Маркос тяжело вздохнул, провел ладонью по взмокшему лбу.

— Какой гарнизон у Вэрсионов?

Лондрен сверился с записями разведчиков.

— Не больше полусотни лучников, и около двух сотен латников. — Ответил он, и, встав с места, ткнул пальцем в разложенную на столе карту, — если нам удастся быстро вывести из строя западную и восточную башни, это станет приговором для Вэрсионов. У них не останется ни шанса.

Он обернулся на Кайо, и задержал на сыне задумчивый взгляд. Темноволосый наследник Солнечного Копья, закинув ногу на ногу, безучастно поигрывал в карты сам с собой. Юноша сидел в одной атласной рубашке, которую даже не потрудился застегнуть.

— Ваше Величество, — заговорил капитан Нетрис аргх Голлрах, предводитель наемного отряда «Сыны пламени», — со своей стороны могу дать полную гарантию, что пятьсот моих ребят будут готовы выступить хоть на рассвете, и если...

— Продолжим совет завтра, — ледяным тоном прервал его Маркос Олуик.

Голлрах недовольно кивнул, но возражать ничего не стал.

Члены Совета неуверенно переглянулись. Первым встал Кердио Лондрен.

— Лорд Вэрсион, — поклонился он, и зашагал к выходу.

Остальные последовали его примеру.

— Остайся, — не глядя Кайо в глаза, Маркос остановил поднявшегося с места сына.

Кайо с грохотом уселся обратно.

— Что такое, отец? — Безразлично спросил он, и потянулся к штофу с аргелинским вином.

— Уверен, ты догадываешься, о чем идет речь.

Кайо в пару глотков осушил кубок, и налил еще. Юноша сузил глаза, пристально всматриваясь в отца. Запрокинув левую руку за верхнюю спинку стула, он медленно поднес кубок к губам. Перекинув жидкость из левой полости рта в правую, отхлебнул и смачно глотнул.

Маркос тяжело вздохнул, провел рукой по копне редких взмокших волос.

— Знаю, о чем ты сейчас думаешь, — начал он, — я ведь никогда особо не поощрял твои увлечения разной поганью...

Кайо едва не поперхнулся. Юноша отставил кубок в сторону, вытер рот ладонью.

— Особо не поощрял? — Хохотнул он, — да из-за твоей твердолобости я полгода в темнице просидел!

Маркос стукнул ладонью по столу. Штоф с вином свалился на пол. Кайо раздраженно вскинул руки в сторону, и отвел взгляд к стене.

С минуту помолчали.

— В последнее время у нас не все идет гладко, — вздохнул Маркос, — после смерти твоей матери я так и не смог прийти в се...

— Отец, прошу, — прервал его Кайо, — у меня нет ни желания, ни сил обсуждать это сейчас.

Маркос кивнул.

«Хоть в чем-то мы с тобой согласны».

— Несмотря на наши разногласия, — Маркос посмотрел сыну прямо в глаза, — я хочу, чтобы ты знал, что я горжусь тобой. Знаю, что я не самый примерный отец и в последнее время мы с тобой почти не разговаривали... А мне бы так хотелось отложить все дела в

сторону, и часок-другой прогуляться в садах.

Маркос откашлялся, затем продолжил.

— Но ты должен знать, что несмотря ни на что, я люблю тебя. Ты всегда можешь обратиться ко мне за советом.

Кайо ухмыльнулся, снова отвел взгляд в сторону.

— Кайо, — позвал Маркос, — сын, посмотри на меня.

Юноша медленно поднял взгляд на отца.

— Ты — самое дорогое, что у меня осталось, — сдержанно проговорил Маркос, — я не хочу, чтобы ты погиб в безрассудных попытках заслужить мое признание. Позволь заняться добычей агэльфиуса кому-нибудь другому. Это слишком рискованно. Я не могу потерять еще и тебя.

Он помедлил, затем, понизив голос, добавил:

— Никакое богатство жизни того не стоит. Даже агэльфиус.

Кайо фыркнул.

— Вот те на! Давно это ты стал беспокоиться за мою жизнь? — юноша вскочил с места, и ткнул пальцем в отца, — ты сам-то в это веришь?

Маркос закрыл лицо ладонями, и закачал головой.

— Или ты просто на просто хочешь прибрать всю славу и богатство себе? — Голос Кайо сорвался на крик, — ну уж нет, дорогой отец! На этот раз это не пройдет!

Он выскочил из-за стола, и остановился в нескольких шагах от Маркоса.

— Ты посмел заговорить о смерти мамы? — Глаза Кайо сделались совсем безумными, — после того, что ты натворил?

— Кайо...

— После того, как ты убил ее?! — Заорал Кайо.

— Пошел прочь! — Проревел Маркос, вскочив с места, — убирайся сейчас же!

На лице Кайо Олуика появилась довольная ухмылка. Поравнявшись с отцом, он наклонился к его уху, и прошептал:

— Ты знаешь, что я прав. И я невероятно счастлив, что ты будешь жить с этим до конца своих дней.

Маркос почувствовал, как гулко бьется его сердце.

— Как же ты жалок, — поежился Кайо, и вышел прочь.

СИЛИЯ

— Ваше величество, — управитель Ренфри Хатегорн отворил дверь подземелья, и обернулся к Силии, — прошу вас, будьте с ним осторожны. В последние дни зверь чрезвычайно агрессивен. В общем-то, как вы понимаете, именно из-за этого я и принял решение заточить егот здесь. Распугивая других животных, он не мог и дальше содержаться в королевских конюшнях.

Силия молча кивнула. Ренфри продолжил:

— Он ничего ни ел и не пил уже несколько дней, а при малейшей попытке накормить его, начинает брыкаться и размахивать крыльями.

Управитель Хатегорн откашлялся.

— Он покалечил уже двух служащих, и я опа...

Силия остановила его жестом.

— Полно, Ренфри, — королева задержала на нем пронизательный взгляд голубых глаз, холодный, словно зимний рассвет, отчего Ренфри в смущении потупил взгляд в сторону, — Эгвиракс не зверь. Он — часть семьи.

— Да, госпожа, но я...

— Довольно, — прервала его Силия, и шагнула во мрак, — спасибо, что проводил меня, а теперь отправляйся наверх.

Взяв из рук управителя Хатегорна факел, королева захлопнула за собой дверь и принялась спускаться по ступенькам.

Подобное отношение к Эгвираксу она ожидала от кого угодно, но только не от Ренфри Хатегорна. Она знала этого человека с самого детства. Он научил Силию кататься верхом, показывал, как правильно расчесывать гриву ее пони, желто-саврасовой Авите.

Кто, если не Ренфри, должен был понимать всю важность ее связи с собственным грифоном?

Хотя, с другой стороны, винить его в этом было глупо. Несмотря на весь свой опыт обращения с лошадьми, Ренфри Хатегорн был обычным конюшим. Возможно, Силия была слишком груба с ним... Вместо того, чтобы ругать его, королева, наоборот, должна была похвалить Ренфри за все, что он сделал для Эгвиракса во время ее отсутствия. Ренфри действовал в целях безопасности. Тем более, Эгвиракс уже причинил вред двоим стражникам, и кто знает, насколько бы далеко все зашло, если Ренфри не догадался бы запретить грифона как можно скорее.

Внезапно Силия ощутила острый укол стыда. Как она могла быть настолько слепой? Первым же делом, когда она выйдет наружу, нужно срочно отыскать Ренфри, и извиниться перед ним. Разве заслуживает она править целым королевством, если не в состоянии научиться признавать свои собственные ошибки?

Ведь во всем произошедшем с Эгвираксом была виновата сама Силия. Только она могла обуздать его гнев. Но после смерти родителей девушка так ни разу не навестила его...

Каждое воспоминание, связанное с Эгвираксом, напоминало ей об отце. Силия боялась даже посмотреть на своего грифона, ни говоря уже о том, чтобы приблизиться к нему. Это было выше ее сил. Однако она прекрасно понимала, что вместе с Эгвираксом она могла бы перенести горечь утраты намного легче.

В конце лестницы Силия уперлась в огромную металлическую дверь. Опустив факел в канделябр, она нашла нужный ключ и вставила в замок. Засовы лязгнули, и она прошла внутрь.

Воздух в помещении был до жути спертый. Наверное, к Эгвираксу не спускались уже несколько дней.

— Эгвиракс? — Шепотом позвала его Силия.

Несколько секунд в помещении стояла полная тишина.

— Эгвиракс? Это я.

Силия сделала еще один шаг, и застыла на месте. Она ощутила чье-то дыхание прямо над собой. Девушка медленно подняла голову, и в ту же секунду стены сотряслись от оглушительного рева. Королева рухнула на спину, а Эгвиракс опустился прямо на нее.

Изо рта Силии вырвался приглушенный стон.

— Эгвиракс, что ты...

Грифон лязгнул зубами в считанных сантиметрах от ее лица. На какой-то миг Силия подумала, что он ее не узнал или... или он зол на нее?

Но способен ли он причинить ей вред? Она ведь сама бросила его и теперь получила то, что заслуживала? Могла ли его обида быть настолько сильной, чтобы Эгвиракс...

Нет, она в это не верила.

Не теряя ни секунды, она приложила ладонь к его морде, и закрыла глаза. Силия вскрикнула от резкой боли в голове. Чем реже она устанавливала с ним связь, тем сложнее было это сделать при каждом новом разе. В голове вспыхнула россыпь воспоминаний: день, когда отец подарил ей Эгвиракса на ее седьмой день рождения, миг, когда она впервые к нему прикоснулась и установила связь, ее первый полет верхом над садами Архолма и серебрящейся на солнце поверхностью Оглизейского озера.

«— Прости меня, Эгвиракс, — преодолевая неистовую боль, Силия смогла-таки установить с ним мысленный контакт, — я не должна была оставлять тебя. Теперь все будет как прежде. После смерти родителей у меня практически никого не осталось. Прошу, не покидай меня... Я не выдержу еще одной потери...».

«— Я так рад, что ты вернулась».

По щекам Силии потекли слезы. Прервав контакт, она раскрыла глаза, и увидела свернувшегося клубком Эгвиракса. Издав утробный звук, он облизнул ее щеку.

— Какой шершавый, — рассмеялась Силия, и погладила его по холке.

ГИРЛАНД

До рассвета оставалось всего ничего, но сна не было ни в одном глазу. Тревога за брата и скверные мысли никак не давали Гирланду покоя. И о чем только Кэдвин думал? На кой черт он ломанулся к Маркосу Олуику, даже не посоветовавшись ни с ним, ни с отцом? С чего вдруг он отправился в лапы к их заклятому врагу? Чего он вообще рассчитывал этим добиться? О какой угрозе с севера говорил Рофенд? Уж не соврал ли он, чтобы отвести от себя подозрения?

Да и к тому же, подобное поведение совсем не было похоже на Кэдви́на. Его старший брат никогда не действовал столь безрассудно. Кэдвин подолгу обдумывал свои шаги, выверял каждую мелочь. Черт возьми, да ведь даже в детстве, когда они фантазировали на тему того, покровителем какого зверя они хотели бы стать, Кэдвин никогда не мог определиться, все время разрываясь между ледяным драконом и шестиглазым гефилиусом.

«Одним только своим дыханием ледяной дракон может вывести из строя целую армию, — забравшись на один из пеньков в лесу, с восхищением восклицал Кэдвин, — но гифелиус обладает столь обостренным зрением, что может видеть на десятки километров вперед. С таким талантом я мог бы заблаговременно выведывать о перемещениях армии врага».

В этой постоянной нерешительности буквально по каждому поводу и был весь его брат. Веселый, общительный и жизнерадостный. Душа компании, Кэдвин никогда не отказывался опрокинуть пару кружек эля с простыми крестьянами или копейщиками из его собственного отряда.

И, тем не менее, за последние несколько месяцев он сильно изменился. Все больше и больше отдалялся от семьи, становился раздражительным и вспыльчивым буквально из-за любой мелочи.

Нет, здесь определенно было что-то не то, и Гирланд собирался выяснить, что произошло с его братом.

Что, если... Нет, такого просто не может быть...

Об одной только мысли о том, что его старший брат мог быть в сговоре с непримиримым врагом их семьи, Гирланду становилось дурно.

Какое-то время, обуреваемым беспокойными мыслями, он еще поворочался в постели, но, в конце концов, усталость взяла вверх. Гирланд провалился в сон.

Проснувшись на следующее утро, он первым же делом приказал своему стюарду, смуглому темноволосому эктийцу Пэнтио Шэвису, созвать срочный совет всех прибывших вассалов Вэрсионов в приемном зале Октерфона.

Через полчаса, спустившись вниз, все были уже в сборе. Гирланд сдержанным кивком поприветствовал стражников у входа, и вошел в приемную. В зале стоял неразборчивый гомон. Где-то послышался звон разбитой посуды.

— Да ты только послушай себя! — Прорычал сир Гервин Кетермин, тучный среднего роста рыцарь, который обучал Гирланда верховой езде, когда тому еще не было и десяти. В те времена Гервин не скупился на смачные подзатыльники и отборный мат, а теперь должен был обращаться к Гирланду «милорд», и преклонять колена, когда того требует случай.

— Господа, — откашлялся Гирланд, но никакого эффекта это не произвело. Казалось, никто, кроме служанок и стюардов даже не заметил его прибытие.

— Господа, — Гирланд повысил голос, и встал во главе стола.

Собравшиеся за столом рыцари и лорды тут же стихли, и все, как один, обратили на Гирланда свои взоры. Несколько рыцарей повскакивали с мест, рассыпаясь в приветствиях. Однако большая часть даже не шелохнулась.

Гирланд сдержанно улыбнулся, и жестом призвал всех садиться.

Как бы он не пытался себя к этому подготовить, но рядом с этими людьми он чувствовал себя все тем же мальчишкой, получавшим оплеухи от Гервина Кетермина. Сколько бы Гирланд не подражал отцу, внимая каждому его слову и совету, он никак не мог отделаться от мысли, что еще не готов ими руководить. Не готов занимать его место, сидя во главе стола. Здесь должен был сидеть его отец, или Кэдвин, но точно не он. И чем чаще Гирланд над этим размышлял, тем становилось все более отчетливее, что и остальные думают точно также. Он видел это по их недовольным взглядам и своевольному поведению. При отце они никогда подобного себе не позволяли.

Юноша уселся на место, и обвел присутствующих внимательным взглядом.

— Благодарю, что вы столь быстро отреагировали на мою просьбу, — начал Гирланд, — я был вынужден прибегнуть к подобной спешке из-за наглого предательства некогда преданного друга нашей семьи Жозета Рофенда.

По залу прошел тревожный шепот.

Гирланд целую ночь напролет думал о том, как обернуть дело с Рофендом в свою пользу. Главное, нельзя было допустить, чтобы хоть кто-то узнал о внезапном отъезде Кэдвина. Правда, Рофенд еще упомянул о том слуге... Да, поговорить с ним было чрезвычайно важно. Но, если верить тому, что Шэвис выпытал за ночь у Рофенда, толстяк знать-не знает, куда испарился его слуга. И Гирланд прекрасно понимал, что Рофенд не врет. Уж этот бы точно не стал. Кто угодно, но только не он. Под пытками Шэвиса раскалывались куда более стойкие мужчины.

— Милорд Гирланд? — Прервал его размышления сир Уилдон Модрен, — где милорд Рофенд? Что он натворил?

Обратив взгляд на Модрена, Гирланд всеми силами пытался не обращать внимание на рубец под его правой щекой. Хотя сам Мэнфрид и не подавал виду, когда кто-нибудь за столом указывал на его изъясн пальцем и смеялся, Гирланд уже не раз замечал, что он пытался скрыть рубец с помощью различных масел и лечебных мазей. Гирланд слишком хорошо понимал, каково это, быть посмешищем на глазах у остальных.

— Признаюсь, что Рофенд был последний человек, от которого я ждал предательства, — вздохнул Гирланд, и сокрушенно покачал головой, — впрочем, в нынешние времена удивляться уже ничему не приходится.

Гирланд выждал, пока его слова привлекут всех до единого, и продолжил:

— Несколько слуг Рофенда подтвердили, что их господин уже длительное время поддерживал связи с Маркосом Олуиком.

— Мерзавец! — Гервин Катермин грохнул кулаком по столу.

Кое-где послышались слова проклятия. В зале снова поднялся неразборчивый рокот.

— Господа, — повысил голос Гирланд, и поднял руку вверх, — прошу вас.

Когда в зале снова воцарилось молчание, Гирланд продолжил:

— В покоях Рофенда были найдены неопровержимые доказательства его предательства: тайные переписки с Маркосом Олуиком. За несколько сотен деинов Рофет продал много важных сведений: чертежи Октерфона, в том числе схемы подземных ходов, сведения о количестве нашего гарнизона, и это далеко не весь список.

Гирланд провел ладонью по лбу.

— В сложившейся ситуации, — продолжил он, — боюсь, что у Олуиков теперь нет никаких видимых препятствий для осады Октерфона. Возможно, уже прямо сейчас они готовят войско к началу наступления.

— Они в самом деле рискнут нарушить перемирие? — Вопросил Катермин.

Гирланд пожал плечами.

— Думаю, все давно прекрасно понимали, насколько фиктивно и ненадежно это перемирие. Оставался только вопрос, кто нарушит его первым, и как скоро это произойдет. Думаю, никто не верил в то, что оно продлится хотя бы несколько десятилетий.

— А что рассчитывает предпринять лорд Вэрсион? — Подал голос Уилдон Модрен, — и где сейчас милорд Кэдвин?

Гирланд откашлялся, и залпом осушил кубок воды.

— Кэдвин отбыл с делегацией на север, — наспех проговорил Гирланд, — Стэфриан Мидфорд отправился с предложением заключения торгового союза к бушавитам, — спокойно ответил Гирланд, — также, через пару дней к нам должно прибыть, по меньшей мере, две сотни латников с Ледяного Клыка.

— И ты думаешь, что этого хватит для того, чтобы сдержать орду головорезов Олуиков? — Хохотнул Ортего Центрис, — если войско поведет отпрыск Маркоса, этот неуравновешенный сукин сын, то на их стороне будут сражаться и еще куда более страшные твари.

Гирланд сглотнул подступивший ком к горлу.

— Прежде всего, стоит учитывать, — проговорил он, — что с момента возведения Откерфона, крепость удалось взять штурмом лишь однажды. Однако отец настаивал на том, что при возможности, нужно попытаться решить все мирным путем.

Центрис фыркнул от смеха, Катермин покачал головой.

— Это шутка такая? — Выпалил Центрис, — уж не думает ли Мэйно взаправду, что и на этот раз получится избежать войны? Да, запасов для длительной осады у нас действительно имеется. Но, если они попробуют взять замок штурмом, я более чем уверен, что на этот раз Октерфон падет. У Олуиков для этого есть все ресурсы: новейшие баллисты, тараны, по меньшей мере, десять тысяч латников и тысяча лучников, не считая тех, кто еще мог присягнуть им за последнее время. Да и не только численного перевеса нам нужно опасаться. Уж не мне вам рассказывать, какая мерзость из глубин самой Преисподней будет сражаться на их стороне.

В зале воцарилось напряженное молчание. Гирланд разделял опасения Центриса, что Октерфон уже давно не та неприступная твердыня, как было в минувшие годы.

Он много раз слышал о пристрастии Кайо Олуика к выращиванию различных омерзительных тварей. При дворе Катерсиса ходило множество слухов, что Кайо — один из учеников темных магов, призывает демонов из самой Преисподней. И если хотя бы половина из всех услышанных им слухов была правдивой, то Гирланд уже жалел о том, что поблизости не было Энцо Сизариса или хотя бы одного из тех магов, которые не примкнули к Олуикам.

Но Гирланд слишком хорошо понимал, что сейчас важнее всего было не позволить этим людям сомневаться в решениях отца, и его самого. Он должен заставить их уважать себя. В противном случае, конфликт с Олуиками может закончиться еще до их прибытия к Октерфону.

Гирланд обвел всех собравшихся пристальным взглядом.

— У нас есть одно важное преимущество, перед которым отступит даже безбашенный Кайо Олуик, — ухмыльнулся Гирланд, — в общем-то, возврат давно утраченного замка — лишь предлог. Они идут сюда за агэльфиусом.

Кто-то в дальнем конце зала откашлялся. Ортего Центрис нахмурился.

— Но ведь, — Уилдон Модрен удивленно выпучил глаза, — все запасы агэльфиуса уже давно исчерпаны...

— Все верно, — спокойно ответил Гирланд, — но ведь они не знают об этом. И в этом есть наше главное преимущество.

ФЕЙН

— Голран сказал, что с подобной болезнью он еще никогда не встречался, — понизив голос, сказал Фейн, — и наша задача состоит в том, чтобы выяснить у местных жителей ее симптомы и как давно она вообще появилась.

Фейн ехал на черном, как смоль рысаке по середине проселочной дороги. По левую руку от него держался Регг верхом на здоровенном брабансоне. Жеребец двигался с поклажей на спине: запасы солонины и хлеба на несколько дней, бурдюки с водой, и несколько ингредиенты для зелий. Справа от Фейна двигались Дждед с Мэнди, всю дорогу шепчущие о чем-то своем. При каждом хохоте Мэнди Регг неодобрительно качал головой, говоря: «Вот увидишь, зря мы взяли их с собой. Они только беду на нас навлекут, помяни мое слово».

Фейн видел в этом только укол завести, и не более того, поэтому предпочитал благоразумно отмалчиваться.

— Но раз эта болезнь столь неизучена, — ответил Регг, — почему же Голран и

остальные магистры не отправились исследовать ее вместо нас?

— Быть может, у них есть куда более важные дела, — пожал плечами Фейн, — сам знаешь, в последнее время Голран все реже и реже находился в Дарлеме. Он отлучался куда-то даже во время занятий. Хотя, возможно, это просто очередное задание, которое мы должны пройти. Что-то вроде проверки наших умений на практике.

Регг неопределенно махнул рукой. Следующие полчаса они ехали в тишине.

К вечеру четверо друзей добрались до таверны «Бычий рог», расположенной на перепутье трех дорог сразу же после Колдовского леса.

Фейн дал конюху десять тринлов, чтобы тот напоил и накормил лошадей и проследил за поклажей.

Но тут Регг, смерив презрительным взглядом конюшего, кудрявого розовощекого паренька не старше двенадцати, схватил Фейна за руку и отвел в сторону.

— Ты с ума сошел? — Сквозь зубы процедил Регг, — как можно первому встречному доверять все наши пожитки?

— Ну а что ты предлагаешь? — Фейн отдернул руку, — можешь стоять и охранять тут свои шмотки, пока мы будем есть и обговаривать план дальнейших действий без тебя.

Регг обиженно вскинул брови. С задумчивым видом он перевел взгляд с Фейна на конюшего и обратно.

— Ну ладно, — сокрушенно выдохнул он, и пальцем погрозил конюшему, — но имей в виду, если хоть одна склянка пропадет, лучше убегай сразу куда-нибудь подальше, за Коралловое море.

Невозмутимое лицо конюшего ничего не выражало. Поковырявшись в зубах, он молча кивнул головой и повел лошадей к стойлу.

Когда Фейн и Регг вошли в таверну, Джед и Мэнди уже заняли стол возле окна.

— А вот и наши голубки, — процедил Регг.

— Неужто ревнуешь? — Усмехнулся Фейн.

— Еще чего, — огрызнулся Регг, толкнув Фейна в плечо и засеменил к приятелям.

В трактире «Бычий рог» в это время было немногочисленно. Недалеко от входа сидела компания из четырех крестьян-выпивохов, да двое молодых каберлингов о чем-то разговаривали с трактирщиком.

Джед водил пальцем по лежащей на столе карте, в то время как Мэнди, то и дело кивая головой, внимательно его слушала.

— Уже что-то заказали? — Вопросил Фейн, когда они с Реггом сели за стол.

Джед макнул кукурузную лепешку в соусницу, и отправил ее в рот.

— Попробуйте, — он кивнул на тарелку с горой лепешек, — вы в жизни такого не ели.

Регг отломил кусок, прожевал и одобрительно кивнул.

— Вот почему я сейчас точно не скучаю, — сказал он, наливая себе в чашу из графина со спрэлом, — так это по Дарлемской столовке.

За столом раздался дружный хохот.

— Удалось уже что-то выяснить? — Фейн кивнул на карту.

— Если продолжим путь через лес на рассвете, — взяла слово Мэнди, — то уже к завтрашнему вечеру будем в Хердере.

— Единственная загвоздка состоит в том, — добавил Джед, почесав затылок, — как нам пересечь Карделинов вал.

Джед ткнул пальцем в карту, и принялся за куриную ножку.

Фейн развернул карту к себе.

— А в чем сложность? — Недоумевающе спросил он.

— В этих лесах сейчас орудуют разбойники, — раздался басовитый голос позади них.

Вся компания разом повернулась к подошедшему трактирщику. Под два метра ростом, с беспорядочными сальными патлами, ниспадающими до самых плеч, с густой бородой. При одном только взгляде на него, у Фейна промелькнула мысль, что встретить он его ночью где-нибудь в лесу или темной подворотне, то принял бы его как раз бы за разбойника или наемного громилу. Впрочем, глядя на местную публику, его навыки явно пригождались довольно часто.

Трактирщик поставил две больших кружки со спрэлом на стол, переводя взгляд на каждого из четверки.

Регг кашлянул и принялся за луковую похлебку, понурив взгляд в миску. Мэнди закатила глаза, и, скрестив руки, вперила на него испытующий взгляд.

— Добавки? — Улыбнулся трактирщик, кивнув на опустевшую миску Регга Сельвиса.

Юноша медленно поднял на него взгляд.

— Нет, благодарю, — выдавил он из себя, — все было чудесно, но я, право, уже наелся.

— Простите, — не сдержалась Мэнди, обратившись к трактирщику, — а не могли бы вы указать безопасный путь к деревне Хердер?

Трактирщик тут же посерьезнел и склонился над картой.

Нахмурившись, он целую минуту что-то бурчал себе под нос, водя пальцами по бумаге.

— Можете попробовать пройти через Герзенское ущелье, — наконец пробасил он, — но лично я в последний раз ходил тем путем больше десяти лет назад, и Бог его знает, что там сейчас может обитать.

Лицо трактирщика резко помрачнело.

— В наших краях в последнее время много разной погани развелось, — добавил он и приглушенно расхохотался.

Регг судорожно сглотнул и под пристальным взглядом трактирщика выдавил из себя глуповатую улыбку.

— Спасибо за информацию, — Фейн протянул трактирщику пару тринлов, — принесете еще пару лепешек?

Громила довольно кивнул и засеменил к своей стойке.

— Что-то мне не по себе от его взгляда, — шепотом проговорил Джед, — он явно следит за нами.

Остальные проследили за его взглядом и посмотрели в сторону фигуры в дальнем конце зала. Незнакомец сидел слишком далеко, и разглядеть лицо не представлялось возможным. Он был облачен в чёрный потертый плащ с капюшоном. К еде из миски он даже не притронулся, и то и дело поглядывал в сторону их стола.

— Да не глазейте вы на него так, — прошипел Джед.

— Что ему надо? — Подперев голову ладонью, Регг забегал глазами.

— Нужно уходить отсюда, — прошептал Фейн, укладывая карту и лепешки в сумку, — ждите меня снаружи, мне нужно кое-что проверить.

— Но...

— Ну же, живее, — Фейн оборвал Мэнди, — на это нет времени! Я следом за вами.

Через несколько секунд после того, как они ушли, Фейн повесил сумку на плечо и направился к выходу. Остановившись у самых дверей, он мельком глянул в сторону

незнакомца в плаще. Кинув горсть монет на стол, мужчина встал с места, и посмотрел прямо на Фейна. Юноша тут же отвернулся, и вышел вслед за остальными наружу.

— Так, предлагаю пройти через Герзен...

Фейн не успел договорить, едва не врезавшись в спину Регга.

Снаружи их уже ждало шестеро.

— Какого...

Джед толкнул его в бок, призывая к молчанию.

И в эту секунду, вглядываясь в их лица, Фейн понял, что перед ними стояли те самые «крестьяне-выпивохи».

Фейн стиснул зубы.

Как он мог быть таким глупцом... Голран доверил ему такое важное задание, а он так опростоволосился. Он должен был сразу заметить в этом неладное...

Незнакомцы уже начали брать их в круг, когда Джед спросил:

— Чем обязаны, господа? — Его голос дрогнул.

Последовал дружный хохот.

— Надо же, как официально, — прогнусавил худощавый малый с двумя стилетами в руках.

Джед покосился на Фейна.

Один из шестерки свистнул, и все разом остановились. Высокий жилистый мужчина с серыми волосами вышел вперед, и выставил перед собой стилет.

— К вам попала вещица, которая вам не принадлежит, — просипел он, — она должна вернуться к своему владельцу.

— Ты про лепешки что ли? — Усмехнулся Регг, — так бы сразу и сказал, нам ведь не жалко...

Вонзившаяся в землю стрела в пару сантиметрах от ног Регга заставила его замолчать.

Предводитель шайки смерил его грозным испытующим взглядом, а затем, глядя по очереди на каждого из компании, проговорил:

— Мы позволим уйти вам живыми, если вы дадите то, что нам нужно, — он кивнул на сумку Фейна, — и я знаю, что это у вас.

Фейн почувствовал, как его пробрал озноб. Сердце бешено колотилось, от страха вспотели ладони, но тем не менее, он старался не поддаваться панике. На кону стояло слишком многое.

Юноша выдавил из себя улыбку, и пожал плечами.

— Не знаю, о чем речь. Должно быть, вы перепутали нас с кем-то.

Лицо незнакомца исказила злобная гримаса.

— Отлично.

В тот же миг он свистнул остальным, и понесся с выставленным в руке стилетом прямо на Фейна. Джед и Регг вытащили из ножен кинжалы. В их сторону уже надвигалось трое.

— Дефенсо! — Закричала Мэнди, выставив ладонь вперед.

Надвигающийся на нее разбойник тут же отшатнулся от всплывшего в воздухе щита, и повалился на спину. Он был без сознания.

Фейн выхватил из ножен кинжал, и приготовился защищаться, когда почувствовал, что кто-то отпихнул его в сторону. Оказавшись на земле, юноша резко обернулся, и не поверил своим глазам. Его оттолкнул тот самый незнакомец в плаще из трактира. Все это время Фейн был абсолютно уверен, что он тоже принадлежит к напавшей на них шайке. Ведь все

складывалось именно так. Они послали его в трактир в одиночку, чтобы он проследил за ними, а потом доложил своим, когда они выйдут, чтобы напасть.

Но он ошибся.

Странник отпарировал удар одного из бандитов, и молниеносным выпадом перерезал ему горло.

— Сзади! — Выпалил Фейн, когда увидел, что за спиной его спасителя уже заносится меч.

Незнакомец в плаще отреагировал без промедлений. Он увернулся от удара, и тут же рубанул нападавшего по ногам. Тот истошно заорал, и повалился наземь. Незнакомец прервал его вопли, воткнув клинок в грудь.

Странник окинул Фейна мимолетным взглядом, убедился, что он в порядке, и побежал к сражающемуся Реггу. Джед лежал без сознания после того, как заклинание Мэнди волной отбросило его в сторону. У ног Регга уже лежало тело убитого, а четвертый, беловолосый предводитель шайки, стоная от раны в животе, отползал назад.

— Гребаный урод, ты продырявил мне живот! — Отхаркавшись в сторону, выпалил он в сторону склонившегося над ним знакомого в плаще, — ты заплатишь мне за это!

Странник лишь поправил подол плаща, и склонился над умирающим:

— Скажи мне, кто тебя послал, и я избавлю тебя от страданий.

— Да пошел ты! — Прокричал беловолосый, захлебываясь в крови.

— Как скажешь, — произнес незнакомец, и проткнул его мечом.

Фейн зажмурился, и изверг весь ужин на землю.

СИЛИЯ

Силия разрезала яблоко пополам, и, откусив свою половину, остальную отдала Эгвилару. Грифон съел фрукт прямо с ее ладони. Последовало довольное урчание, и Эгвиракс улегся обратно на колени девушки. Поглаживая его по холке, Силия взяла из корзины грушу, выждала пару секунд, прикидывая траекторию полета, и подбросила фрукт в воздух. Грифон тут же сорвался с места, взмахнув гигантскими крыльями, и проглотил грушу в полете.

По дорожке прошла пара гвардейцев. Поклонившись Силии, они мельком взглянули на Эгвиракса и заспешили прочь. Она увидела проступившее замешательство в их глазах. Вряд ли это можно было назвать страхом, а если и так, то они хорошо научились его скрывать. Но почему они так быстро отвыкли от его вида? В детстве Силия часами проводила в парке, играя с юным Эгвираксом. Тогда, конечно, едва ли не каждая служанка и стражник шарахались в сторону от одного его вида, но постепенно они стали привыкать к нему. Они довольно быстро просекли важную особенность: если не причинять вред его хозяйке или не дразнить его самого, то грифон никогда тебя не тронет. А уж если ты принесешь ему пару фруктов или кусок форели, то и вовсе заделаешься его любимчиком.

Яркое солнце, проступавшее сквозь ветви деревьев, пламенело высоко в небе. Закрыв глаза, Силия прислушалась к окружающим звукам природы. Звонкое пение птиц, жужжание пчел и шмелей. Мягкое дуновение ветерка колыхало траву. Каждая частичка этого огромного мира жила собственной жизнью.

Поднявшись на ноги, она пошла по широкой мощеной дорожке, ведущей к плетеной беседке, увитой благоухающими глициниями. По обеим сторонам дорожки располагались

ряды кустарников, постриженных в форме грифонов.

Когда она вошла в беседку, Ройлд Шенриз уже ждал ее внутри.

— Ты пришел немного раньше, — улыбнувшись, сказала королева.

Первый Советник отвел взгляд от глицинии и обернулся к Силии.

— Ваше Величество, — поклонился он, и жестом пригласил присесть на лавочку.

— О чем ты хотел поговорить со мной, Ройлд? — Сев рядом с ним, спросила Силия.

Изборозженное морщинами лицо Ройла Шенриза было белее тучи. Спит ли он хотя бы два-три часа в сутки? Если бы не Ройлд, Силия бы никогда не справилась с навалившейся на нее ношей. Она была безмерно благодарна за все, что он для нее делает. Но королева видела, что его постоянно что-то тревожит. Быть может, он просто на просто переживает за нее и за будущее всего королевства? Или дело не только в этом? Возможно ли, что Шенриз что-то от нее скрывает?

Конечно, Силия знала, что он ведаёт тайными агентами едва ли не по всему Астарису и в управлении государством эти знания были по истине бесценными. Однако, если Ройлд и в самом деле что-то умалчивает, это может подорвать прочность их отношений. Если Силия перестанет доверять даже Ройлду Шенризу, то, наверное, уже никому не сможет доверять. Во что бы то ни стало ей хотелось развеять все свои сомнения на его счет. Но если Шенриз не заговорит об этом первый, она не станет начинать этот разговор. Только не сейчас. Иначе она может спугнуть его, и неизвестно, чем в таком случае все обернется.

Вздыхнув, Шенриз провел ладонью по копне редких седых волос и заглянул Силии прямо в глаза:

— Ваше Величество, мне не хотелось бы наскучить вам своей бесполезной старческой болтовней, — неуверенно начал он, — но я...

Первый Советник замолчал, потупив взгляд в сторону.

Силия взяла его морщинистую руку в свою и робко улыбнулась.

— Ройлд, твою болтовню мне никогда не надоест слушать, — мягко сказала королева.

Шенриз грустно улыбнулся.

— Ваше Величество, я лишь хотел сказать, что несмотря ни на что, вы всегда можете рассчитывать на мою поддержку, — откашлявшись, он продолжил, — я всегда готов услужить вам своим советом и можете быть уверены, что не останетесь одиноки.

Ройлд Шенриз замолчал, подняв восхищенный взгляд на парящего в небесах Эгвиракса.

— Совершенное создание, — прошептал Шенриз, а затем, широко улыбнувшись, добавил, — порой мне даже кажется, что грифоны куда благороднее, чем большинство людей.

Силия мрачно усмехнулась и утвердительно кивнула.

— Боюсь, что так оно и есть, — ответила королева, — и грифону, в отличие от человека, хватает смелости поступать так, как велит его сердце.

Седовласый советник молча кивнул.

Они просидели так с полчаса, прислушиваясь к переливчатому щебетанию птиц, стрекоту цикад и кваканью лягушек в королевском пруду. Это был чудесный погожий день, тем не менее, подготовивший для Силии одно из самых тяжелых жизненных испытаний. Сегодняшний день ознаменовал собой официальное начало ее правления. Меньше, чем через час, она воссядет во главе своего первого Единого Совета. Силия предстанет перед лицами самых влиятельных людей всей Антрексии. Одна только мысль об этом приводила ее в неопикуемый ужас. Девушка и понятия не имела, что она должна делать и как руководить

целым королевством. А после кошмарной смерти ее родителей...

Но именно из-за этого она и должна во всем разобраться. Отец никогда бы не позволил личным чувствам принести вред его государству. Силия обязана справиться во имя своего рода и всех жителей Антрексии, которые сейчас нуждаются в ней, как никогда прежде.

Силия медленно встала на ноги, и, положив руку на плечо Шенриза, сказала:

— Возможно, у меня не было времени поблагодарить тебя, — Ройлд поднялся вслед за ней, — ума не приложу, чтобы я делала без всех твоих советов и подсказок. Поэтому, прошу тебя, нет, даже приказываю, никогда не смей называть себя бесполезным, иначе я прикажу королевским поварам больше не подавать тебе вишневых пирожных.

Ройлд Шенриз весело рассмеялся, и немного отклонившись назад, развел руки в сторону.

— Ну против такого у меня нет никаких доводов.

Силия взяла его под руку, и, пройдя через сад, остановилась возле входа в южную башню замка Агвилара Непобедимого.

— До начала совета осталось еще немного времени, — проговорила королева, — мне хотелось бы побыть наедине со своими мыслями.

— Разумеется, — ответил Шенриз, и, поклонившись, засеменил к центральному входу в замок.

Забравшись на самую высокую точку в столице, башню Чеглара Благочестивого, Силия с упоением наблюдала за жизнью раскинувшегося перед ней города. Сновавшие внизу толпы людей казались отсюда настоящими букашками.

В детстве родители постоянно запрещали ей забираться сюда в одиночку, опасаясь, как бы она не сорвалась вниз. Но ради лицезрения одного только заката с этой башни, она готова была раз за разом нарушать родительские запреты.

Боже... Сейчас бы она отдала все на свете, чтобы только получить нагоняй от матери... услышать ее голос...

Звон колоколов в Великом Кролионском Храме вернул ее к реальности.

К полудню в зале заседаний собрался Единый Совет.

Эртеус Кервиг, сборщик налогов и податей, сидел в двух стульях по правую руку от места королевы. Сложив пальцы домиком, он с самодовольной ухмылкой, следил за перебранкой лорда Эштона Пебертона и начальника королевской стражи, Вегдоном Мортисом.

— Если бы вы тщательнее следили за своими остолопами, то сейчас бы нам не пришлось ломать голову над дальнейшей судьбой всего государства, — брызжа слюной, прокаркал Пебертон, — теперь нас всех ждёт полнейший крах и...

Мортис вскочил с места, и ткнул в него пальцем.

— Да во всем Астарисе не найти стражников надёжнее, чем мои гвардейцы! — Мортис хлопнул ладонью по столу, — обычный смертный не в состоянии противостоять тому, с чем мы столкнулись! Эта погань вышла из самой Преисподней! Ты лучше задайся вопросом, где в это время были все придворные маги?!

Он перевел испепеляющий взгляд на Террика Сингеборда. Сидя с чашей вина в руках, маг посмотрел прямо на Кортиса.

— Чем они занимались в это время? — Продолжил Вегдон, — быть может, они и выпустили убийц в замок?

— Прошу прощения, — кашлянул Эртеус Кервиг, — вы сказали убийц? Но разве в своем отчете вы не указали, что он действовал в одино...

— Я знаю, что указал в отчете, — парировал начальник стражи, отмахнувшись от Кервига рукой, — может быть, самого короля и убил кто-то один, но ему точно помогали. Все было тщательно спланировано.

Эштон Пебертон фыркнул.

— Тогда зачем вообще нужны ваши гвардейцы? Быть может, лучше расформировать их, и утыкать весь дворец магами, да охотниками?

Вегдон Мортис весь побагровел от гнева. Сжав спинку стула до боли в костяшках, он был готов прямо сейчас наброситься на Мортиса, но в эту секунду в зал вошла Силия в сопровождении Первого Советника Ройлда Шенриза и Дейно Гостенса. Члены Совета тут же повскакивали со своих мест, и склонили головы.

— Ваше Величество, — поклонился Эштон Пебертон.

— Доброе утро, Ваше Величество, — кашлянул Вегдон Мортис, расплываясь в кривоватой улыбке.

Силия обвела членов совета кротким взглядом, и смущенно кивнула. От волнения у нее пересохло в горле, и слегка закружилась голова.

Стройная, грациозная, и на редкость прекрасная, с потрясающими темно-каштановыми локонами, ниспадающими до самой талии. Силия Стокмар унаследовала красоту от своей матери, королевы Элин, а упрямый и смелый характер — от отца.

На королеве было белое атласное платье, отделанное золотистыми кружевами и крупным жемчугом. Наряд оголял ее хрупкие плечи и подчеркивал тонкую талию. На шее Силии блестело ожерелье из голубого жемчуга, идеально подчеркивающее выразительный взгляд ее голубых глаз. Голову королевы венчала блестящая бриллиантовая диадема.

— Прошу прощения, что заставила себя ждать так долго, — слегка дрогнувшим голосом начала Силия. Но, взглянув на Шенриза, и, вспомнив их утренний разговор, ей немного полегчало, — давайте приступать, — добавила королева и уселась во главе стола.

Ройлд Шенриз смерил каждого из присутствующих презрительным взглядом, и занял ближайшее место по правую руку от королевы. Гостенс уселся слева.

— Единный Совет объявляется открытым, — возвестил Гостенс.

Эртеус Кервиг, расплываясь в своей фирменной самодовольной ухмылке, пролистал пару страниц отчетной книги, и посмотрел прямо на Силию.

— Ваше Величество, — начал он, — если позволите, начать хотелось бы с нетерпящим отлагательств вопроса, касающегося ситуации с налогами и сборами.

Он замолчал, провел пальцем по бумаге. Эртеус что-то пробормотал себе под нос, и стукнул пальцем по листку.

— В большей части королевства начинают разгораться восстания. Даже в таких крупных торговых городах, как Терстон, Кебервуд и, в особенности, Айлсвилд, где мастера гильдии ремесленников объявили забастовку и уже несколько дней не становятся за станки. Вопрос о нехватке продовольственных товаров в городах и деревнях становится все более острым. Десятки деревень, от Геррера до Борбы и до Малых Крестцов, страдают от

ужасающего неурожая. Ходят слухи, что крестьяне в Олипсе уже промышляют каннибализмом.

Силия сделала глоток воды. От подобных известий ей стало дурно. Но как она могла помочь всем этим людям?

— После известия о смерти короля Освина купцы с Солнечного Копья прекратили поставки. Теперь мы лишены большей части ввозимых специй и значительной части фруктов.

Кервиг выдержал небольшую паузу, затем продолжил.

— Если не удастся выправить ситуацию к началу зимы, боюсь, что дело может обернуться гражданской войной. Надо пола...

— Каким образом вы предлагаете разрешить ситуацию? — Прервал его Шенриз.

Кервиг задержал на Первом Советнике внимательный взгляд, кивнул, и снова углубился в бумаги.

— Для стабилизации ситуации предлагаю понизить подушный налог с каждого горожанина столицы с пятнадцати до десяти тринлов в год. Будем надеяться, это позволит нам остудить пыл народа хотя бы на какой-то срок. А налоги в остальных городах королевства, и в особенности вассальных государств, предлагаю обсуждать непосредственно с каждым из лордов. Более того, крайне необходимо повысить поземельный налог на доход всех крупных лордов до семи сотен деинов в год.

Лорд Эштон Пебертон весь побагровел. Казалось, он был готов уже прямо сейчас броситься на Кервига с кулаками, но все-таки промолчал.

— Также предлагаю увеличить налог за аренду промышленных строений, — Кервиг пролистал пару страниц, — скажем, на тридцать тринлов.

— Но ведь... — просипел Пебертон.

Шенриз остановил его жестом. Пебертон поджал губы, и тяжело вздохнул. Буравя Кервига испытующим взглядом, он хрустнул костяшками пальцев.

Кервиг пожал плечами, переведя взгляд с Шенриза на Силию.

— Однако, чтобы не вызвать гнев со стороны ваших вассалов, предлагаю пожаловать каждому из них какие-нибудь земли. И согласитесь, куда лучше, если ваши вассалы узнают об этом из ваших уст.

Силия кивнула и, махнув рукой, позволила продолжить.

— К тому же, нам не помешает взять кредит в банке Лествилла, хотя для пущей уверенности я бы посоветовал обратиться к банкирам Серебряных Островов. Пускай процентная ставка у них несколько выше, зато они гораздо более терпеливее и профессионально ведут дела.

Эртеус Кервиг осклабился в своей фирменной ухмылке.

— Но ведь, насколько я помню, мы уже задолжали Серебряным Островам несколько сотен деинов, — вставил Шенриз, — с чего вдруг они пойдут нам на такие уступки?

Кервиг провел ладонью по взмокшим волосам и подался вперед.

— Господин Первый Советник, — он посмотрел Ройлду прямо в глаза, — как же по-вашему мы выплатим эту сумму, если Антрексию захлестнут волны мятежей и начнется гражданская война?

Силия сидела в напряженной позе, подложив левую руку под голову, а указательным пальцем правой постукивала по столу.

Кервиг пожал плечами и откинулся на спинку стула.

— Банкирам Серебряных Островов придется пойти на эти уступки, если они хотят получить свои деньги назад.

Шенриз посмотрел на Силию, и устало вздохнул.

«Бедное дитя, — подумал он, — на ее плечи легла непосильная ноша. Разве сможет столь юное и кроткое создание управлять таким огромным государством? Руководить всеми этими погаными гиенами, того и дело только стремящихся отхватить себе самый жирный кусок.»

Подавшись вперед, он бросил предосудительный взгляд на Начальника стражи Вегдона Мортиса.

Ройлду не хотелось снова поднимать эту тему в ее присутствии, она и так уже слишком настрадалась за последние недели. Но выбора не было. Это для ее же безопасности. Если целью убийцы являлось свержение рода Стокмаров, то их миссия еще не закончена. Жизнь Силии до сих пор в опасности.

— Господин Мортис, как продвигается расследование? — Стиснув зубы, спросил Шенриз, — удалось выяснить что-то еще помимо того, что убийцами короля и королева был сам Дьявол?

Кервиг не удержался от смеха.

Мортис залился в сильном приступе кашля. Его узкие глазки забегали от Шенриза к Силии и обратно. На лбу тучного начальника стражи выступила испарина.

— Мои люди проверили каждый этаж замка вдоль и поперек, начиная от подземных темниц, и, заканчивая Девичьей Твердыней и башней Чеглора Благочестивого. На полу в коридоре, ведущего к королевским покоям, остались какие-то странные, будто бы выжженные, черные пятна. Вдобавок ко всему, гвардейцы, патрулирующие в саду в тот злополучный вечер, и которые, как раз объявили тревогу, рассказали, что на несколько секунд весь свет в коридоре исчез. Будто бы кто-то вобрал его в себя...

Присутствующие настороженно переглядывались друг с другом.

Мортис промокнул лоб платком, и, не поднимая взгляда, продолжил:

— На данный момент еще не установлено, каким конкретно образом убийца пробрался в замок. Однако я склоняюсь к тому, что его впустили изнутри.

— То есть, по-вашему, среди нас предатель? — сузил глазки Эштон Пебертон.

— А что вас так удивляет? — Пожал плечами Кервиг, — каким бы великим правителем не был покойный король Освин, недоброжелатели будут всегда. Даже у лучших из нас.

При этих словах взгляд Кервига хитро скользнул по Силии.

— Но кто бы мог это сделать? — С напускной изумленностью спросил Пебертон.

Силия продолжала хранить молчание, однако с каждой минутой, находясь здесь, все больше ощущала себя не на своем месте.

— Быть может, — ухмыльнулся Кервиг, — почтенный господин Террик сможет пролить свет на это скверное дело?

Сингеборд сделал очередной глоток вина, какое-то время подержал чашу в руке. Проведя пальцем по серебряному ободку, он с задумчивым видом взгляделся в алую жидкость. В следующий миг вино забурлило, и окрасилось в черный цвет.

— Тьма сгущается, — прошептал он.

Взгляды каждого из членов Единого Совета были устремлены прямо на него. Пебертон расширил ворот туники, и заерзал на стуле.

— Магистр Сингеборд? — Вопросила обеспокоенная Силия, — вы в порядке?

Маг оторвал взгляд от чаши, и, взглянув на королеву, доброжелательно улыбнулся. Силия заметила, на сколько изможденным выглядел этот человек. Складывалось ощущение, что он не спал уже целую неделю, и в любую секунду мог свалиться в обморок.

Глядя на мага, складывалось ощущение, будто бы его сознание находилось в нескольких местах одновременно. Она слышала много рассказов от придворных служанок о том, что наиболее одаренные из магов могли отделять свое сознание от тела и с помощью силы разума переноситься в совершенно неведомые миры. Силия много раз наблюдала за чудодейственной магией Сингеборда. Однажды, оступившись на лестнице, она чудом избежала перелома ноги, но заработала сильный ушиб. Террик, едва прикоснувшись к ее ноге, прошептал какие-то слова, и через пару минут боли уже не было.

Силия хотела как можно скорее забыть события той ужасающей ночи. Какой был смысл сейчас искать виноватых? Если убийца смог без каких-либо препятствий пробраться незамеченным сквозь королевских гвардейцев, лучших воинов Антрексии, а, быть может, и всего Астариса, то что ему помешает проделать это снова?

Но один вопрос, витающий в ее голове с той самой ночи, до сих пор не давал Силии покоя. Почему придворный маг короля и королевы Антрексии не уберег их от гибели? Где был Сингеборд во время нападения?

— Да, Ваше Величество, — заговорил Террик. Он отставил чашу в сторону, и вино снова вернуло себе прежний цвет, — прошу прощения за это.

Сингеборд скрестил руки на груди, и приглушенным, каким-то отстраненным голосом, заговорил:

— Вы правы, господин Мортис, — Сингеборд указал пальцем на Начальника стражи, — это дело вам действительно не по плечу.

Маг обвел присутствующих усталым взглядом.

— Никому из вас.

Ройлд Шенриз настороженно подался вперед. Он не доверял магам всю свою жизнь, относился с пренебрежением ко всем их фокусам. И страшнее мага может быть только маг, выживший из ума. Как раз именно такой вид сейчас и был у Сингеборда. Сколько бы Ройлд не встречался с Терриком, тот всегда говорил загадками, постоянно темнил и что-то не договаривал. Но прямо сейчас, глядя на этого человека, по его телу пробежали мурашки. Отрешенный взгляд мага не сулил ничего хорошего.

— Колдун, о чем ты говоришь? — суровым тоном спросил Шенриз.

Сингеборд мельком глянул на Первого Советника, после чего задержал взгляд своих налитых кровью глаз на Силии.

— Ваше Величество, — сказал маг, — мне искренне жаль, что вам пришлось пережить подобный кошмар. Я знал ваших родителей очень долго. С вашим отцом мы были знакомы еще до его коронации. Это были на редкость удивительные люди. Смелые, честные и бескорыстные. Сейчас таких уже почти и не встретишь. Никто, а в особенности, они, не заслуживает такой ужасной смерти.

Силия сглотнула застрявший ком в горле. Она почувствовала тяжесть в груди, дышать стало тяжелее. Королева смотрела магу прямо в глаза, но не могла сказать ни слова.

Террик Сингеборд сокрушенно покачал головой.

— Но мы были вынуждены это сделать, — старик весь съежился, и стукнул кулаком по столу, — простите меня, Ваше Величество...

По щекам мага потекли слезы.

Шенриз вскочил с места, и обернулся к дверям.

— Стража! — Крикнул он.

Ведон Мортис достал меч из ножен. Все члены совета повскакивали со своих мест, и начали пятиться в разные стороны.

Дейно Гостенс потянулся к Силии, схватив ее за локоть:

— Ваше Величество, вам нужно скорее уходить! Он не в себе!

Силия отпрянула от Гостенса, продолжая смотреть на Сингеборда.

— На то была воля Провидения, — прошептал маг, — Тени Судьбы никогда не врут... гибель ваших родителей — вынужденная жертва...

В зал заседаний ворвалось трое гвардейцев. Мортис кивнул им на мага.

— Грядет конец, — охрипшим голосом пробормотал Террик Сингеборд, — и вы станете одной из тех, кто возведет новый мир на руинах старого...

Обступая мага с двух сторон, Мортис вместе с гвардейцами медленно приближались к нему. И в следующий же миг, Террик воздел руку кверху, и, произнеся, «Эване», все зримое пространство озарилось яркой зеленой вспышкой. Королевские гвардейцы замерли на месте, оглядываясь по сторонам.

Террик Сингеборд растворился в воздухе.

КАЙО

Служанки в легких льняных накидках и набедренных повязках непрерывно размахивали опахалами. Лежа в тени акации, Кайо изнывал от жары. За сегодняшнее утро он уже дважды сменил верхнюю одежду и успел принять ванну, но это не сильно-то помогло. В такое пекло он мог бы вообще из нее не выходить.

Кайо провел тыльной стороной ладони по взмокшему лбу. Запустив горсть виноградин в рот, принц Солнечного Копья с интересом наблюдал за марширующими по территории Андеронского сада «Тигровыми Сыновьями», личными гвардейцами его отца. Под черными хитонами, расшитыми золотистыми мантикорами, на них были защитные доспехи в виде металлических нательных пластин и круглых плетеных щитов, под которыми висели колчаны со стрелами с шипастыми наконечниками. На головах — войлочные шапки. В руках гвардейцев были длинные копья, луки в кожаном футляре на левом боку, на правом блестели на солнце акинаки и трубки с отравленными дротиками.

— Принц Олуик, вы еще не перегрелись? — Раздался нежный женский голос позади, — кошмарная жара.

Кайо приподнялся на локтях, и обернулся на голос.

— Регатта, — выдохнул Кайо, — вот так неожиданность.

Принц Олуик небрежно махнул служанкам, и девушки, не мешкая ни секунды, поклонились и убежали прочь.

Кайо натянул на плечи бархатный халат, и облокотился на спинку лежанки. Наклонившись над столиком с фруктами и выпивкой, он наполнил две чаши мускатным вином и протянул одну темноволосой гостье. Регатта Наракна обольстительно улыбнулась, и приняла напиток. Расположившись на краю соседней лежанки, она вперила в принца долгий изучающий взгляд. На Регатте было желтое льняное платье с глубоким вырезом на груди. Темные вьющиеся волосы, смуглая кожа истой хазийки. На обеих запястьях блестели медные браслеты, на шее — серебряная цепочка с осколком агэльфиуса.

На какой-то миг Кайо задержал на нем взгляд, и долго не мог оторваться от завораживающего блеска камня.

— Зачаровывает, правда? — Ухмыльнулась Регатта, поигрывая камнем в руках.

Кайо отвел взгляд в сторону, откашлялся. Он сделал глоток вина, и поставил чашу обратно на стол.

— Какие новости с континента? — Повязав пояс халата, он поднялся на ноги. Регатта, так и не пригубив напиток, последовала вслед за ним.

Они шли по каменной мощенной дорожке, по обеим сторонам от которой располагались гранитные изгороди, увитые лепестками жасмина. Миновав бурлящие фонтаны и медные статуи грозных мантикор и гигантских каркадданов, они остановились в тени финиковой пальмы.

— После смерти короля Освина в Антрексии воцарился настоящий хаос, — слегка понизив голос, начала Регатта, — во главе государства встала чудом выжившая дочка Освина. Слишком юная для управления такой огромной страной. Я уверена, что, по большей части, вместо Силии Стокмар сейчас Антрексией управляют ее приближенные. И каждый из них действует в своих собственных интересах. Нет никаких сомнений, что судьба государства их совершенно не волнует. Каждый норовит оттяпать себе как можно больше золота и земель, пока подвернулась такая возможность.

Регатта Нарاخна прикоснулась своей бархатистой рукой к колкой щеке Кайо, поросшей легкой щетиной.

— Лучшего шанса для удара может и не представиться, — прошептала она.

Кайо взгляделся в ее яркие изумрудные глаза и расплылся в довольной ухмылке.

— Мой отец...

Принц отступил на шаг, оглядевшись на проходящих мимо стражников. Регатта быстро отдернула руку. Кайо ответил быстрым кивком на поклоны стражников, и, подождав, пока они скроются за поворотом, сказал:

— Я уверен, что он будет против этого, — Кайо негодуяще взмахнул рукой, и, отойдя на шаг в сторону, встал к Регатте спиной, — ему не хватит духу. Отец сам не свой после гибели матери. И, боюсь, он уже никогда не станет прежним.

Опустив голову, Кайо замолчал.

Регатта Нарاخна сделала шаг вперед, и обхватила его сзади. Кайо вздрогнул, но не стал вырываться из ее объятий. Юноша почувствовал тепло ее тела. С момента их прошлой встречи прошло не больше недели, но он уже страшно соскучился по ней. Наверное, ему всегда будет ее мало. Будь у него выбор, он провел бы с Регаттой всю оставшуюся жизнь.

Девушка нежно поцеловала его в шею. По его телу пробежали мурашки. Кайо ощутил, как в штанах все набухает. Закрыв глаза, он протяжно выдохнул.

— Тогда стань сам правителем Солнечного Копья. Ты достоин этого, как никто другой, — прошептала Регатта, — стань тем, кто поведет за собой армию и завоюет весь мир.

Она помолчала, после чего добавила:

— Мне показал это камень, — сказала она, — посмотри сам.

Кайо обернулся и уставился на искрящийся ярким изумрудным сиянием агэльфиус.

— Всмотрись внимательнее, — продолжала Регатта Нарاخна, — скажи мне, что ты видишь?

Несколько секунд он не мог ничего разобрать в слепящем отблеске агэльфиуса. Сияние

было слишком ярким, почти ослепляющим.

— Сконцентрируйся на своей цели, — голос Регатты будто бы прозвучал у него в голове, — подумай о том, чего ты желаешь больше всего на свете.

Кайо встряхнул головой, и словно очарованный притягивающим к себе светом камня, прошептал:

— О да, теперь я вижу, — прошептал Кайо Олуик, — я вижу конец.

Его лицо исказилось в безумной ухмылке. Оторвав взгляд от камня, он притянул Регатту к себе, и страстно поцеловал.

ФЕЙН

Пустота. Всепоглощающая бесконечная пустота. Он огляделся по сторонам и только сейчас начал замечать, что островок, на котором он стоит, парит над чёрной бездной. Вокруг начали вспыхивать звёзды. Отсюда они казались настолько далекими, что дотянуться до них было просто невозможно.

Шагнув вперёд, перед ним началась выстраиваться подсвеченная каменная дорожка, уходящая вглубь бесконечного чёрного пространства.

По мере продвижения вперёд, вокруг Фейна возникали размытые изображения каких-то событий. Великие битвы прошлого, рождение легендарных правителей, а в следующий миг раздался такой оглушающий рёв, что Фейн едва не свалился со своей дорожки вниз. Над ним пронеслась гигантская крылатая тень. Это был дракон.

Фейн медленно поднялся на ноги. Куда он попал на этот раз? Это были не его воспоминания, но о большинстве из этих сцен он читал либо в книгах, либо слышал по чьим-то рассказам. Фейн почувствовал металлический привкус крови во рту и удушающий запах гари. Обернувшись налево, он увидел картину, от которой по коже поползли мурашки. Кровавая неразборчивая мешанина. Витающий в воздухе туман, крики и стоны умирающих, лязг стали о сталь, ржание обезумевших лошадей. И в следующий миг он увидел Их. Фейн замер на месте, не в силах шевельнуться. Стройные ряды всадников в темных доспехах. Они шли вперед, поглощая в себя солнечный свет. После себя они оставляли лишь смерть, разрушение и всеобъемлющую темноту.

Фейн увидел, как какой-то всадник с позолоченным грифоном на щите вырвался вперед и с копьем наперевес ломанулся в сторону неприятеля. В тот же миг всадники в черном остановились, и один из них, с зубчатой короной на голове, выехал вперед, помчавшись навстречу человеку. Человек с щитом уже практически настиг своего врага, и уже занес копьё для удара, но молниеносный взмах меча черного всадника не оставил ни единого шанса. Обезглавленное тело человека рухнуло наземь. Его конь встал на дыбы и неистово заржал.

Всадник в черном поднял сжатую руку в кулак, и его соратники продолжили наступление.

Вокруг были бесчисленные груды трупов, разгорающееся пламя смерти. На небе гасла багряная заря.

Всадники продолжали продвигаться вперед, а вслед за ними вышагивали бесчисленные легионы смерти. Приносящие Смерть были уже здесь. Фейн почувствовал, что от них нельзя убежать или спрятаться. Ледяная хватка смерти настигнет тебя. И в этот миг всадник с короной на голове обратил взор в его сторону. С губ Фейна сорвался крик, и, пошатнувшись в сторону, он рухнул на спину.

Забрало шлема всадника было опущено, и лишь только два красных огонька мерцали на месте глаз. Глядя в эти глаза, Фейн почувствовал, что смотрит в лицо бесконечности.

Всадник уже начал поднимать забрало, как в следующий миг все зримое пространство озарила яркая вспышка света и Фейн разомкнул глаза.

— Снова кошмар? — С печалью в голосе спросил Регг.

Фейн ещё тяжело дышал, и не был в состоянии ответить.

— Держи, — Мэнди протянула ему мех с водой. Фейн жадно впился в него губами, осушив больше половины.

— Спасибо, — прохрипел Фейн, оперевшись локтями о землю. Регг помог ему облокотиться о ствол дерева и вернулся к костру.

Мэнди передала бурдюк Джеду, но тот пить отказался. Подкинув хворосту в костер, он, словно зачарованный, проводил взглядом взметнувшийся в ночное небо сноп искр.

Странник, спасший им жизни этим вечером, сидел немного поодаль.

Наточив меч, он убрал его в ножны, и посмотрел на Фейна.

Регг откашлялся, переведя взгляд с незнакомца на Фейна.

В воздухе витало напряжение.

Кем был этот человек? Почему он вообще их спас и можно ли ему доверять?

Фейн тяжело сглотнул и пристально всмотрелся в лицо нового знакомого. Шрам, пересекающий всю правую щеку, вздернутый нос, и выразительные янтарные глаза. Странное ощущение, но Фейну казалось, что где-то он его уже видел. Быть может, не наяву, но в одном из своих сновидений.

— Фейн, это Лардо Венциус, — Регг почесал затылок, будто бы что-то вспоминая, и продолжил, — он один из членов древнейшего тайного братства неких «Хранителей».

Регг вопрошающе глянул на Лардо, тот лишь утвердительно кивнул, подтверждая его слова.

В детстве Фейн слышал несколько баек от деда про «смертоносных убийцев королей», и, глядя на Лардо, не мудрено было подумать, что он способен убить кого угодно. Его до сих пор бросало в дрожь при одном только воспоминание о том, что он сотворил с теми наемниками. Хотя в глубине души был благодарен ему. Без его помощи они вряд ли выбрались бы из той передрыги живыми. По крайней мере, точно не все.

— Фейн Ринвус, — поспешил ответить Фейн, глядя Венциусу прямо в глаза.

— Я знаю, кто ты, — ответил Лардо.

— Но...

— Будь осторожнее с этим, — Венциус привстал с места и кинул Фейну его сумку. Юноша тут же раскрыл ее и принялся проверять содержимое. На губах Лардо появилась грустная улыбка.

— Не бойся, — вздохнул Венциус, — он на месте. Но тебе стоило бы следить за камнем куда тщательнее. На моем месте мог оказаться один из тех наемников.

— Но... — проговорил Фейн, — кем они вообще были?

— Обычные наемники, — отчеканил Лардо, и отправил кусок солонины в рот, — кто-то явно пообещал им нехилое вознаграждение за ваши головы. Хотя, на самом-то деле, их наниматель искал нечто другое.

Взгляд Лардо Венциуса скользнул по сумке Фейна. Регг и Джек настороженно переглянулись.

— Схожу за хворостом, — встав с места, откашлялся Регг и через несколько секунд

скрылся за кустарником.

Мэнди поднесла Фейну миску с похлебкой из корней шик-листа и грибов.

— Спасибо, — улыбнулся Фейн. Не сводя взгляда с Лардо, он принялся за пищу. Омерзительный горький привкус тут же прожег ему горло, но юоша смог сдержать рвотный позыв.

— Знаю, насколько это омерзительно, — сочувственно улыбнулась Мэнди, вернувшись на свое место у костра, — Голран целую неделю заставлял меня ее есть, когда нужно было восстановить силы после того первого занятия в лесу.

Фейн благодарно улыбнулся, мигом проглотил похлебку и оставил миску в сторону.

— Но почему они следили за нами? — Заговорил Джед, обратившись к Лардо.

Венциус задержал взгляд на Джеде, а затем кивнул на Фейна.

— Я думаю, вам четверым есть, что обсудить, — ледяным тоном проговорил Лардо. Обвязав ремень с мечом вокруг пояса, он встал с места, и посмотрел на Джеда, — вопрос не в том, как они об этом узнали, а в том, насколько далеко они готовы зайти, чтобы его заполучить.

На лице Джеда проскользнула тень непонимания.

— О чем вы...

— Вы следили за нами? — перебил его Фейн, воззрившись на Венциуса, — и почему мы вообще должны доверять вам? Вдруг вы спасли нас только для того, чтобы мы помогли доставить камень в нужное место? Быть может, мы только для того вам и нужны, чтобы помочь обуздать его силу, ведь далеко не каждый человек может выдержать его энергию.

— Камень? — Хором вскрикнули Джед и Мэнди.

— Вы не должны доверять мне, — Лардо поднял указательный палец вверх. Его лицо исказила злобная гримаса, а голос едва не срывался на крик, — вы были бы последними дураками, если бы доверяли первому встречному. Я вообще сомневаюсь, что Голран доверил бы вам частичку агэльфиуса, если бы вы были такими идиотами. Хотя в таверне вы действовали крайне глупо и неосмотрительно.

— Агэльфиус? — Прошептал Джед и обернулся к Мэнди, — ты знала об этом?

Пораженная девушка лишь покачала головой.

— Но могу вас заверить, — голос Венциус стал несколько спокойнее, — что без меня до Хердера вы живыми не доберетесь. Магистры моего ордена послали меня сопроводить вас в эту деревню, чтобы выяснить, какого черта там происходит. И, если вам безразлична судьба всего мира, то вы позволите мне это сделать.

Когда Лардо закончил, настала продолжительная тишина. Никто из троих друзей не смог произнести ни слова. Венциус обвел изучающим взглядом каждого из них, повесил на плечо лук, и отправился в лес.

— Я вернусь на рассвете, — остановившись, бросил он через плечо, — надеюсь, к тому времени, ты просветишь всех остальных и примешь правильное решение.

Регг вернулся с охапкой хвороста, и, не произнося ни слова, ошалело следил за происходящим.

— Но могу вас заверить в одном, — в этот миг в янтарных глазах Лардо блеснул странный огонек, — с вашей помощью или нет, но я доставлю агэльфиус в Хердер.

Лардо Венциус скрылся в темноте ночи, когда Регг сбросил охапку хвороста на землю, и, недоумевая, произнес:

— Он что, уже уходит?

Фейн тяжело вздохнул, и раскрыл мешок с агельфиусом.

ТОРТОН

Обжигающий кожу ледяной ветер завывал все сильнее. Склонившись над костром, Тортон попытался согреть оледеневшие руки, но он уже даже не чувствовал собственных пальцев.

«Конец, — пронеслось в голове юного оруженосца, — именно здесь, заваленные снегом, мы все и умрем».

Тортон перевёл взгляд на дрожащего от холода Вэйна. Глаза юного поваренка были закрыты, но судя по его неразборчивому бредовому бормотанию, он был ещё жив.

Чед Кортвик и его шайка умерли ещё вчера вечером, после нападения стаи волков. И в тот самый миг, когда звери раздирали их на части, у Тортон прокралась ужасающая мысль: если бы не волки, он был готов сделать все возможное ради того, чтобы и самому полакомиться шайкой Кортвика. На лицах обезумевших от голода выживших товарищей Тортон видел точно такое же выражение. Возможно, только бедолага Вэйн поначалу отказался бы, однако... они не ели уже больше четырех дней и с каждой прожитой минутой голод становился только сильнее.

Кортвик вместе со своей шайкой получили по заслугам. Ни на единую секунду, слушая их отчаянные предсмертные вопли, Тортону не было их жалко. Люди, подобные им, не заслуживают жизни.

Теперь их осталось только трое.

В нескольких шагах от костра стоял Кэдвин Вэрсион. Держа карту в руках, он все время сверялся с ней, отрывая взгляд куда-то вдаль. Тортон не мог перестать восхищаться его самоотверженностью. Даже сейчас, на пороге смерти, он не переставал пытаться достичь поставленной цели.

— Эй, дружище, как ты? — Осипшим голосом прошептал Тортон, взглянув на Вэйна Крэкса. Но тот, понутив голову вниз, сидел неподвижно.

Тортон попытался подняться с места, чтобы разбудить его, но едва сдвинувшись с места, повалился в сугроб. Перевернувшись на спину, он глубоко вздохнул и закрыл глаза.

Боже, неужели он настолько слаб? Он предал доверие лорда Мэйно, человека, спасшего его от смерти. Человека, подарившему ему кров и пищу.

Но разве Тортон не сделал все, что было в его силах, чтобы помочь Кэдвину Вэрсиону достичь пределов Сумрачного Леса? Ведь еще с самого начала он прекрасно понимал, что этот поход обречен на провал. Да и на что вообще рассчитывал лорд Мэйно, посылая сына на верную гибель? Что побудило его на этот безрассудный поступок?..

Нет, Тортон не смел сомневаться в решениях Мэйно Вэрсиона. У него явно была для этого веская причина. Просто он не посчитал нужным рассказывать об этом Тортону. Да и с чего вдруг? Несмотря ни на что, Тортон оставался для Вэрсионов обычным оруженосцем, и ничего более.

— Осталось совсем немного, — раздался чей-то голос издали, и поначалу Тортон даже подумал, что все происходит у него в голове. Но, с трудом приоткрыв глаза, юноша смутно увидел склонившегося над ним человека. Только спустя несколько секунд, когда зрение, наконец, пришло в норму, Тортон смог распознать в нем знакомое лицо.

Это был Кэдвин Вэрсион.

— Мы уже у цели, — улыбнулся Кэдвин, и, схватив Тортон за руку, помог ему подняться на ноги.

— На вот, выпей, — Кэдвин протянул Тортону бурдюк, — это поможет.

Поражённый Тортон задержал взгляд на Кэджине. Неужели он говорил правду? В самом ли деле их изнурительное путешествие подошло к концу? Или... или все только начинается?..

Тортон провёл языком по иссохшим губам, и взял бурдюк. Сделав с жадностью пару больших глотков, его едва не стошнило. Откашлявшись, Тортон почувствовал, как тёплый живительный напиток обжиг грудь. У него был приятный сладковатый вкус, но Тортон так и не смог понять, что это такое.

— С-спасибо, ми-милорд, — с трудом проговорил Тортон, протягивая бурдюк Кэджину, но тот лишь покачал головой.

— Он ещё пригодится твоему товарищу, — Кэдвин кивнул в сторону спящего Вэйна, и лицо юного Вэрсина резко посерьёзнело.

Тортон не хотел даже спрашивать, из чего состоит этот напиток, но уже через несколько секунд почувствовал, что организму стало значительно лучше. Зрение пришло в норму, понемногу начала отпускать головная боль, и, слава богам, он наконец-то мог пошевелить пальцами.

До того, как Тортон попал на службу к Вэрсинам, он никогда прежде не встречался с магией. Его бабушка любила рассказывать о грозных великанах веренаксах или смертоносных юванках. И если еще в возрасте пяти-шести лет Тортон, закутавшись в шерстяное одеяло, после подобных рассказов не мог заснуть ещё несколько часов, то по мере взросления, так и не столкнувшись ни с кем из описанных бабушкой чудищ в реальной жизни, страх начал отходить и Тортон навсегда разуверился в существовании магии и злобных монстров.

Но уже совсем скоро ему предстояло убедиться, как сильно он ошибался.

За время, проведённое на службе у Вэрсинов, Тортон много раз становился свидетелем волшебства Энцо Сизариса.

Как-то раз Сизарис был вынужден отправиться в числе делегации лорда Мэйно в Аргхолм ко двору короля Освина Стокмара. И как назло именно в этот период юная принцесса Ламия заболела сильнейшей лихорадкой. «Кровавая гибель», как прозвали ее тогда в народе. Недуг унёс несколько десятков тысяч северян. Лекари лишь пожимали плечами, рассматривая тела погибших от этой лихорадки. Заболев «Кровавой гибелью», не оставалось никаких шансов на спасение. Ламия сотрясалась от ужасающего кашля, все ее тело было покрыто кровоточащими пятнами, и придворные Катерсиса уже принимались оплакивать неминуемую гибель несчастной девушки. Не было никаких сомнений, что именно это бы и произошло, если бы на отряд лорда Мэйно не напала банда разбойников и не вынудила его вернуться в Катерсис. Ламия выздоровела уже на следующее утро после того, как приняла одну из пахучих настоек Сизариса.

Но это был лишь первый случай в жизни Тортон, когда он воочию увидел проявление волшебства. Первый, но далеко не самый впечатляющий.

— Давай, дружище, это поможет, — проговорил Тортон, склонившись над Вэйном, — ты должен выпить это. Хотя бы пару глотков.

Какое-то время безмолвствовавший Вэйн Крэкс лежал без единого движения. Тортон с ужасом подумал, что он опоздал и его новый... единственный товарищ замёрз насмерть.

— Ну же, Вэйн, — Тортон положил руку на плечо Вэйна, и потряс его, — я знаю, что ты слышишь меня.

Тортон ещё раз потряс его, и в следующий миг, промычав что-то нечленораздельное, Вэйн медленно поднял голову.

— Вэйн! — Осипшим голосом прокричал Тортон, и обнял друга за плечи.

Откупорив крышку бурдюка, Тортон аккуратно запрокинул голову Вэйна и медленно влил жидкость в рот. Сделав один единственный глоток, Вэйн откашлялся и изверг остатки пищи на землю.

Следующая попытка вышла куда более успешной, и Вэйн смог сделать несколько глотков. Через полчаса Вэйн Крэкс уже грелся у огня, на его щеках пылал румянец, и он смог даже вымолвить несколько слов.

После короткой вылазки Кэдвина в глубь леса, он вернулся с небольшой охапкой хвороста и мертвым зайцем. Тортон смог проглотить несколько кусков, а Вэйн, будь его воля, попросил бы ещё и добавки, но видя, что Кэдвин практически ничего не ел, отказался.

По выражению лица Вэйна было видно, что он до сих пор не до конца осознаёт происходящее. Ещё час назад он был на волоске от смерти. Из несколько сотен человек их отряда живых остались только они трое. Если бы кто-то сказал об этом Вэйну в самом начале похода, он бы принял этого человека за сумасшедшего.

— Милорд, — откашлявшись, Тортон нарушил молчание, — Вы сказали... сказали, что мы уже практически на месте...

Тортон перевёл взгляд на Вэйна, но тот лишь потупил взгляд в сторону.

— При других обстоятельствах я бы не посмел спра...

— Да, — оборвал его Кэдвин, — мы достигли границы Сумрачного Леса.

В воздухе воцарилось напряжённое молчание. Вэйн покачал головой, и подбросил последнюю ветку в огонь. День уже клонился к закату. Метель усилилась, а воздух стал настолько холодным, что дышать стало совсем тяжело.

— Милорд Кэдвин, — Тортон почувствовал, как внутри него все сжалось, — но для чего мы вообще прибыли сюда?

На изможденном лице Кэдвина Вэрсione отразилась неподдельная грусть. Переведя взгляд с Тортона на Вэйна, он обернулся в сторону леса и поднялся на ноги.

— Не мы прибыли сюда, — прошептал Кэдвин, — лес сам призвал нас к себе.

Где-то в чащобе леса послышался протяжный волчий вой. Тортон почувствовал, как мороз пробежал по коже. За последние пару недель он видел, как обезумевшие от голода люди пожирали замерших насмерть товарищей. Без доли сожаления наблюдал за тем, как стая волков пожирала его недругов. За все время этого похода он ощущал, что его жизнь находится в опасности буквально каждую минуту. Но прямо сейчас, пристально всматриваясь в густеющий мрак леса, таящий в себе неведомые опасности, Тортон знал, что самое трудное только впереди.

— Дороги назад уже нет.

DRACO SICARIUS

Берлис Пуфферт с наслаждением наблюдал за багряным светом заходящего на западе солнца. Мужчина улыбнулся, услышав стук в дверь.

«Наконец-то, — подумал он, и резко повернулся на каблуках.»

Выйдя с балкона, Берлис широким шагом пересек гостиную, и распахнул двери. На пороге стояла высокая фигура, с ног до головы запахнутая в темно-синий атласный плащ.

— Заходи, — кивнул Берлис, пропуская гостя в комнату.

Закрыв двери на засов, он указал вошедшему на место у камина.

— Сядь, погрейся у огня, — сказал Берлис Пуфферт, и подошел к штофу с вином.

— Благодарю, — поклонился гость. Расположившись на кресле перед камином, он протянул руки к огню.

Берлис сел рядом, и протянул гостю чашу вина. Тот благодарно кивнул, и залпом осушил свою чашу. Утерев рот тыльной стороной ладони, он откинулся на спинку кресла, и облегченно вздохнул.

Какое-то время они сидели молча. Полусгоревшие поленья потрескивали в камине, из приоткрытого окна слышался лай собаки.

— Можешь начинать рассказывать, Сэндро, — Берлис отпил из чаши, замороженно глядя в полыхающий огонь.

Сэндро Эраклио кивнул, и вынул из складок плаща массивный сверток плотной ткани.

В глазах юноши блеснул ликующий огонек. Уголки его губ растянулись в довольной ухмылке.

— Дело сделано, магистр Пуфферт, — Сэндро протянул Берлису сверток, — Гердиллэксекс мертв.

Берлис Пуфферт медленно обернулся на гостя. Пронзительный взгляд его карих глаз задержался на лице темноволосого юноши. Наклонившись вперед, Берлис взял сверток, и, выждав некоторое время, медленно его развернул.

С его губ сорвался тихий стон.

— Это ведь правда он? — Возбужденно прошептал Сэндро, — я несколько раз сверился с манускриптом. Ошибки быть не могло...

Магистр Берлис Пуфферт поднял над головой полуметровый осколок драконьего клыка. Он провел по нему ладонью и удовлетворенно кивнул.

— О да, Сэндро, ты славно постарался, — ледяным голосом проговорил Берлис, и в тот же миг вогнал клык дракона в горло юноши, — это и вправду он.

КОРНУС

Копыта Молниеносного, запряженного небольшой двухколесной телегой, завязали в болотной трясине. Продвигаться вглубь леса становилось труднее с каждым пройденным метром. Копыта Молниеносного полностью исчезли в болотистой жиже. Корнус дернул поводья, и остановил коня. Он перебросил сумку с провизией и зельями через плечо, соскочил наземь. Охотник обвязал поводья Молниеносного вокруг ствола дуба.

— Я ненадолго, — Корнус потрепал коня по загривку.

Оглядевшись по сторонам, он выбрался на островок сухой травы. Корнус продвигался вглубь леса в безмолвной темноте. Долгое время не было слышно ни птиц, ни зверей. Лес будто бы замер. В небе светилась яркая луна, прорезавшаяся сквозь густоту многочисленных деревьев.

Кажется, это здесь.

«Пора, — подумал Корнус, — и по колено вошел в болотистую трясиину».

Некоторое время царило угнетающее безмолвие. Корнус резко вытащил клинок из ножен, когда стая бекасов с пронзительным гомоном взмыла с мутной глади воды. Прислушавшись, он понял, что послужило причиной их испуга. В глубине болота что-то зашевелилось. Охотник взгляделся в место, где на мутной болотистой глади стали образовываться круги.

Корнус ощутил, как вспотели ладони, но он был спокоен. Сжав меч покрепче, он занял выжидательную позицию. С этой тварью Корнус встречался уже не в первый раз. Самое главное — как можно быстрее отсечь ее жало, лишив возможности прыснуть ядом.

Вода в центре болота забурлила, и через мгновение на Корнуса выпрыгнуло гигантское ракообразное чудище. Юванк. Огромные острые жвала щелкнули над его головой. Корнус в последний момент сделал кувырок в сторону, ловко увернувшись от удара. Над длинным туловищем твари поднялось вверх жало, и юванк снова перешел в наступление. Корнус сделал выпад вперед, увернулся от удара, и рубанул тварь по челюсти. Левое жвало отлетело в сторону, на Корнуса брызнуло пахучей зеленой жижей. Но доспех из драконьей кожи спас ему жизнь. Раздался пронзительный свист. Тварь неуклюже попятилась, и отступила в сторону.

Корнус быстро поднялся на ноги, и рубанул по брюху юванка. Чудище повалилось навзничь, все еще пытаясь ужалить Корнуса. Охотник увернулся от удара, а ядовитая жидкость брызнула в сторону, попав на ствол дерева, тут же прожигая его насквозь. Корнус одним ударом отсек жало.

Переведя дыхание, Охотник поднялся на ноги, и подошел к перевернутой на спину тваре. Он рассек брюхо пополам, и воздух тут же наполнился омерзительным гнилым зловонием. Зажав нос и, стиснув зубы, ему с трудом удалось подавить рвотный позыв.

«К этому никогда не привыкнешь, — ухмыльнулся он.»

Корнус достал небольшую склянку, пропитанную агеваксовым маслом, и собрал образцы крови.

«Лишним не будет».

Охотник затянул крепкий узел вокруг тела юванка, и, потянув веревку на себя, поволок его за собой.

Когда Корнус вернулся к Молниеносному, на горизонте уже занимался рассвет.

СТРАННИК

Яркая вспышка света. В воздухе над пустыней образовалась небольшая воронка. Оглядываясь по сторонам, Ном медленно выплыл вперед. Его взору открылась бескрайняя пустыня. Некоторое время воронка еще пульсировала в воздухе.

— Надеюсь, — произнес Ном, очистив от крови блеснувший на солнце клинок, — что ты не соврал.

Ном растопырил пальцы правой руки, и ладонью всосал флуоресцирующую мягким изумрудным оттенком воронку.

Ном взметнулся вверх, и понесся вперед над необъятной гладью пустыни. Его алая мантия развевалась на ветру, глаза слезились от потока воздуха. Ном нацепил на голову капюшон и продолжил движение. Проносясь вперед, он оставлял за собой легкое изумрудное сияние. Какое-то время оно еще зависало в воздухе, а затем порывы ветра рассеивали его над пустыней.

Вскоре на горизонте показались гигантские каменные строения. Одна из упавших башен вонзалась острым шпилем в пологий песчаный холм. Ном спикировал к полуразрушенному зданию. Заскользив по песку, он ловким движением кувыркнулся через балку, и оказался внутри.

Уголки губ Номы расплылись в довольной ухмылке.

В самом центре помещения располагался мраморный пьедестал, на котором искрился небольшой красный куб.

— Наконец-то, — выдохнул Ном, приблизившись к пьедесталу.

Несколько секунд он зачарованно смотрел на пленяющий своей красотой предмет. На поверхности куба сменялись различные изображения: рассвет и падение целых империй, стройные ряды марширующих воинов, радость и печаль, быстротечность жизни и бесконечность смерти.

Его взору предстала сама Вселенная.

По каменным стенам покинутого замка пронеслось эхо ликующего хохота. Глаза Номы блеснули от переполняющей все его естество жажды власти и могущества. В эти мгновения Ном уже представлял себя коронованным властелином Вселенной, перед его сияющим ликом склонялись миллионы и миллионы слуг, в его честь воздвигали памятники, именовали целые планеты и галактики.

Прикоснувшись к кубу, Ном вспыхнул ярким пламенем. Раздался короткий визг.

Легкий ветерок развеял по воздуху груды пепла.

Покинутый замок безмолвствовал.

СИЛИЯ

— Ваше Величество, вы уверены, что это хорошая затея? — спросил Вегдон Мортис, — быть может, было бы разумно взять с собой вашего... э-э-э... Эгвиракса?

— Думаю, ему еще нужно время, — покачала головой Силия, — да и многих крестьян его вид может напугать. Насколько я знаю, в окрестностях Ишгера нечасто можно встретить подобных существ.

Вегдон улыбнулся, и какое-то время помолчал.

— Но все же я не совсем понимаю, — продолжил он, — мы бы и сами справи...

— Я нисколько в этом не сомневаюсь, Вегдон, — прервала его Силия, — но сейчас именно я должна быть здесь. Если люди увидят меня здесь, то поймут, что мне небезразлична их судьба. Это мой народ — и в данный момент для меня нет ничего важнее, чем их благополучие.

Мортис вскинул брови и наклонился вперед.

— Вы совершенно правы, — сказал он, — и я прекрасно понимаю, чего вы пытаетесь добиться. Ваш отец всегда был близок к народу, именно поэтому они и любили его.

Он помолчал, выглянув наружу.

— Но в нынешних условиях...

Вегдон Мортис тяжело вздохнул и умоляюще проговорил:

— Ваше Величество, это слишком опасно...

Королева качнула головой, отвергая дальнейшие возражения.

— Кто, если не я, позаботится о безопасности этих людей? — Серьезным тоном выпалила Силия, махнув рукой в окно, — я в ответе за жизни каждого из них. Я не могу просто раздавать приказания, сидя на троне, и не выходя из своего замка. Отец всегда говорил, что достойный правитель должен выступать перед народом, быть к нему как можно ближе. Иногда он брал меня вместе с собой на объезды окрестных деревень, и, невзирая на предостережения советников, отец никогда не боялся выйти к собственному народу без оружия и стражей за плечами. За это антрексийцы и любили его. Он был исключительный.

Силия помедлила. Немного успокоившись, она продолжила:

— Я понимаю твои опасения, Вегдон, — грустно улыбнувшись, королева посмотрела ему прямо в глаза, — и я действительно признательна тебе за это. Сейчас, как никогда прежде, преданные люди на вес золота.

На щеках начальника гвардейской стражи проступил заметный румянец.

— Благодарю, Ваше Величество, — откашлялся он, — но я просто стараюсь выполнять свою работу как можно лучше.

Их взгляды встретились. И в эту секунду Силия поняла, о чем Мортис сейчас заговорит.

— Вы должны знать, что той ночью я...

Силия наклонилась вперед, и взяла его потные ладони в свои.

— Вегдон, — глядя ему прямо в глаза, прошептала королева, — в смерти моих родителей твоей вины нет. Я прекрасно это понимаю. Во время правления отца ты ни разу не дал повод усомниться в себе. Пожалуй, к тому, что произошло с родителями, никто из нас не был готов...

Силия вернулась на место, и, поспешив утереть ладонью подступившую слезу, улыбнулась:

— Просто хочу, чтобы ты знал, — сказала королева, — я не виню тебя. Ты сделал все, что было в твоих силах.

— Благодарю, Ваше Величество, — кивнул Вегдон Мортис, и на его лице тут же выступило облегчение, — вы не представляете, сколь много для меня значат эти слова. С каждым днем я все больше вижу, что вы истая дочка своего отца.

Силия благодарно улыбнулась и какое-то время они ехали молча.

Наверное, это были одни из самых приятных слов, что она слышала за последнее время. Мортис уже не первый, кто сравнивал Силию с отцом. Но заслуживает ли она этого? Конечно, нет. Она знала, что за подобными словами скрывается обыкновенная лесть и притворство. Ее правление только начинается и Силия должна сделать все возможное, чтобы не запятнать память отца и всего рода Стокмаров.

Через час, когда лесистый пейзаж сменился на просторные поля пшеницы, она поняла, что они практически на месте. На горизонте стали показываться работающие на полях крестьяне. Они прерывали свою работу, озираясь на королевский экипаж. Один мальчишка в порванной рубаше и серых холщовых штанах кинул на землю кучку поленьев и указал какому-то мужчине, по всей видимости, отцу, на отряд королевы. Спереди и сзади ее четырехколесного экипажа, запряженного двумя чистокровными меринами, двигались два ряда тяжелой кавалерии. На стягах всадников красовался золотистый грифон на алом поле.

Мальчик не мог оторвать взгляда от сияющих на солнце доспехов рыцарей, и едва не бросился за ними вдогонку. Отец схватил его за воротник рубашки и оттащил в сторону.

Силия улыбнулась, глядя на порыв мальчика. Когда-то она и сама была такой же беспечной и шаловливой.

Когда они въехали в деревню, Силия подсела ближе к окну и грустно покачала головой. Повсюду царила настоящая разруха. Взору Силии предстали убогие хижины с провалившимися крышами, пустующие амбары, крестьяне в оборванных обносках, в воздухе витал гнилостный смрад.

Кузни и прочие мастерские ремесленников пустовали.

Одна из крестьянок, тучная немолодая женщина в поношенном домотканном платье, оторвалась от стирки белья и смерила злобным презрительным взглядом нежеланных гостей.

По утверждению Ройлда Шенриза, эта деревня, Ишгер, как и дюжина ей подобных, принадлежит лорду Вэйнсу Грею из Кербентона. Обложив своих крестьян непомерным налогом, лорд Грей, похоже, даже и не думал защищать их от разорительных набегов «Молчаливых». Неужели лорд Грей настолько не верил в успешное правление Силии, что вступил в стговор с бандитами и разделял с ними награбленное? Или дело было в чем-то другом? Вэйнс Грей был одним из немногочисленных вассалов Антрексии, с которым Силии до сих пор еще не встречалась вживую. Он даже не приезжал в Аргхолм на церемонию ее коронации.

— Что тебе известно о «Молчаливых»? — Не отрывая взгляда от окна, спросила Силия.

Вегдон Мортис задумчиво почесал бороду.

— Насколько мне известно, это одна из распространившихся за последнее время разбойничьих шаек, которыми заправляет Эйс Шептун, — Мортис откашлялся.

Силия вопросительно посмотрела на Мортиса.

— Продолжай.

— Ваше Высочество, вам правда нет необх...

— Продолжай, — не терпящим возражений тоном повторила Силия.

Мортис неуверенно кивнул, заерзав на месте.

— Пару дней назад одному из наших пограничных отрядов в Тэквенском лесу удалось захватить в плен трех членов «Молчаливых». Один из них оказался наиболее разговорчивым, когда узнал, что вместо смертной казни его отправят на рудники. Хотя, на мой взгляд, разница не велика.

Вегдон весело хохотнул и сразу же продолжил:

— Основное, что нужно знать о «Молчаливых», то, что эти поганцы нападают не только на деревни или караваны торговцев, но и не боятся атаковать экипажи крупных лордов.

Мортис помолчал, отведя взгляд в сторону.

— Что-то еще? — Заметив напряжение на его лице, спросила Силия.

Вегдон нервно поджал губы.

— Это название, — заплетающимся языком пробормотал он, — «Молчаливые».

Мортис помассировал переносицу.

— Беря в плен своих врагов, перво-наперво они вырезают им языки, затем морят голодом до самой смерти, пока за них не заплатят выкуп. Настоящие звери...

Силия кивнула.

— Вегдон, — сказала она. Мужчина поднял на нее глаза, — ты ведь понимаешь, что тебе нет нужды ограничивать меня от подобных вещей? Я больше не маленькая принцесса, и мне придется быть в курсе всех дел, касающихся моего королевства. Даже таких омерзительных, как это...

— Я понимаю, Ваше Величество, — судорожно кивнул Мортис, — простите меня за это...

— Спасибо за откровенность, — улыбнулась Силия.

Через пару минут они въехали на центральную площадь Иштера, на которой собралась едва ли не вся деревня. На высоком деревянном помосте стоял бородатый мужчина с длинными волосами. На нем была замызганная туника и серые холщовые штаны. Разведя руки в сторону, он пытался успокоить разгоряченную толпу. На какое-то время протестующие замолчали, переключив внимание на королевский кортеж.

— Вы уверены? — Спросил Вегдон Мортис, хотя уже прекрасно знал ответ.

— Держись рядом, — с некоторой дрожью в голосе сказала Силия.

Первым вышел Вегдон Мортис, за считанные секунды построивший два десятка гвардейцев в двойные ряды. Следом за Мортисом из кареты вылезла Силия. Подав руку королеве, лакей помог ей сойти вниз. Едва вступив на землю, Силия обнаружила, что все взгляды крестьян обращены на нее. На центральной площади Иштера воцарилось гробовое молчание. Казалось, толпа, бушующая пару минут назад, совсем забыла о человеке на постаменте и сам повод, по которому они вообще собрались. Вегдон Мортис, держа руку на эфесе меча, стоял на одной линии со спешившимися гвардейцами. Каждый из них, в полных доспехах, с длинными атласными плащами за спиной, по приказу Мортиса в любую секунду был готов сдерживать натиск толпы.

Солнце, еще совсем недавно полыхавшее высоко в небе, сейчас было закрыто густыми серыми тучами. Пошел мелкий дождь. Где-то вдалеке пролаяла собака. Стук дождя по латам одного из гвардейцев вывел королеву из оцепенения. Силия Стокмар обвела растерянным

взглядом крестьян и сделала шаг вперед.

Будь ее воля, она бы приехала сюда с парой гвардейцев и несколькими эсквайрами, но в конце концов Шенриз, Мортис и прочие советники смогли вразумить ее. Невзирая ни на что, она прекрасно понимала, что риск был слишком велик. Разве могла она себе позволить умереть столь смехотворной смертью из-за собственного легкомыслия и беспечности? Сейчас ее народ нуждался в ней как никогда прежде, и она просто не могла их подвести.

На королеве была длинная чёрная туника до самых колен, подпоясанная кожаным ремнём с пряжкой в виде головы грифона. Ее темно-каштановые волосы были заплетены в тугую косу, ниспадающую чуть ниже лопаток.

Вегдон Мортис, обернувшись через плечо, проводил ее настороженным взглядом.

Поравнявшись с начальником гвардейцев, Силия положила ему руку на плечо и прошептала:

— Все в порядке.

Мортис кивнул, но руку с меча не убрал.

Люди из толпы продолжали осматривать пришельцев. Когда Силия начала продвигаться вглубь толпы, крестьяне принялись перед ней расступаться. Мортис пошел за ней и сделал шаг двум гвардейцам идти следом. Однако королева обернулась через плечо и, глядя Вегдону прямо в глаза, отрицательно кивнула.

На лице Мортиса отразилось недоумение и тревога, но все-таки он остановился.

Возможно, в эту самую минуту кто-то из этих голодающих бедолаг, винящий королеву во всех бедах, прямо сейчас воткнет ей в вилы в спину и на этом ее правление бесславно закончится. Но прямо сейчас, глядя на изможденные бледные лица крестьян, Силия ощущала, что никто из них не способен причинить ей вред. Они нуждаются в ней также, как и она в них.

Силия продолжала продвигаться к помосту без каких-либо препятствий. Крестьяне молча расступались перед ней, обглядывая королеву с головы до ног. И в следующий миг маленькая светловолосая девочка не старше трех-четырёх лет вышла перед королевой. Медленно подняв головку, она заглянула Силии прямо в глаза и сказала:

— Вы ангел?

На какую-то долю секунды Силия опешила, не в силах произнести ни слова. Мать девочки тут же вылезла из толпы, и потянула девочку за собой, но королева остановила ее жестом.

Женщина встала позади дочери, и с опаской посмотрела на королеву.

Силия наклонилась к девочке.

— Нет, дорогая, — улыбнулась королева, и погладила девочку по головке.

Ее мать низко поклонилась, и с силой опустила голову девочки.

— Не стоит, — Силия взяла женщину за локоть.

Ошарашенная крестьянка оглянулась по сторонам, затем снова взглянула на королеву и нерешительно кивнула. Уголки ее губ подернулись в улыбке.

Потрясенная толпа, не отрываясь, молча наблюдала за этой картиной. Силия улыбнулась девочке и пошла дальше.

Через пару секунд она подошла к помосту, и обратилась к стоящему на нем мужчине:

— Добрый день, — неуверенно начала Силия, — я бы... я бы хотела поговорить со старостой деревни. Он сейчас на месте?

Прилипшие от пота и дождя сальные патлы застилали мужчине глаза. Убрал волосы за

ухо, он сглотнул и, заикаясь, просипел:

— Э-э, д-да, ми-миледи, — пробормотал он, — это я.

С секунду он помолчал, а затем продолжил:

— Что вам угодно?

Обернувшись, Силия обвела взглядом затихшую толпу крестьян, двойной ряд королевских гвардейцев во главе с Вегдоном Мортисом, а затем снова посмотрела на старосту Ишгера.

— Вашим страданиям пришел конец, — улыбнувшись, уверенным голосом ответила королева.

ГИРЛАНД

— Шесть сотен деинов за сотню копий? — Усмехнулся Пэнтио Шэвис, — мы даже не видели их в бою, но должны отвалить сумму, за которую могли бы нанять, по меньшей мере, пятьсот гильдезийских копейщиков?

Шэвис в недоумении воззрился на Гирланда.

— Милорд, он держит нас за идиотов!

Капитан «Сияющих» Айк Торстейн безразлично пожал плечами и, потянувшись к столу, взял кружку эля. Оскалившись в самодовольной ухмылке, он указал пальцем на Шэвиса и ответил:

— Но ведь пятьсот гильдезийских оборванцев в бою не стоят и пятидесяти моих ребят, — отсалютовав Шэвису кружкой, он с шумом отхлебнул эль, и закинул ноги на стол.

Пэнтио Шэвис испытующе взглянул на Торстейна. Сжав кулаки, он вскочил с места, но Гирланд остановил его жестом.

— Все эктийцы такие пылкие? — Захохотал Айк Торстейн. Капитан наемников вцепился зубами в сочного зажаренного каплуна. Жуя и продолжая ухмыляться, он перебегал глазами с Гирланда на Шэвиса и обратно.

— Все в порядке, Пэнтио, — спокойным тоном сказал Гирланд, положив стюарду руку на плечо. Запустив руку в карман дублета, и, нащупав кошелек, он достал пару монет и протянул их эктийцу, — сходи в местный трактир, ты заслужил это.

Шэвис перевел взгляд с Торстейна на Гирланда, коротко кивнул, взяв монеты.

— Как скажете, милорд, — поклонился он, — благодарю.

Шэвис напоследок смерил Торстейна суровым взглядом. Наемник лишь продолжал скалиться, пережевывая каплуна.

Когда стюард вышел, Гирланд уселся напротив Тортсейна. Несколько секунд они сидели в полном молчании, прожигая друг друга презрительными взглядами.

— Пылкий нрав, — улыбнулся Гирланд и кивком указал в сторону входной двери.

Айк Торстейн положил ножку на тарелку, облизнул пальцы, а затем скрестил руки на груди.

— Но на самом деле, в одном-то парень совершенно прав, — Гирланд наклонился вперед, — цена слишком завышена.

Капитан «Сияющих» звонко расхохотался, и покачал пальцем.

— А ты не так прост, как я думал, — просипел он, — но тебе еще предстоит многому научиться, парень.

Немного помедлив, он добавил:

— Шестьсот деинов, и не монетой меньше.

Гирланд откинулся на спинку стула, и отвел взгляд к окну. Сквозь запачканное грязью и пылью стекло пробивались яркие солнечные лучи. День был в самом разгаре и за сегодня он планировал переделать еще кучу дел. Он больше не мог здесь засиживаться, торгуясь с этим отродьем. Но и уступать ему было нельзя.

Конечно, Гирланд слыхвой наслышан о «Сияющих». Свирепые и смертоносные воины, одним своим видом наводящие страх на врага. Они сломя голову неслись в атаку, не соблюдая никаких боевых порядков. И как большинство наемников, когда дело запахнет жареным, они разбегутся при первой же возможности. К тому же, большая часть «Сияющих» — изгнанные солдаты Антрексии или дезертиры с Запада. Прирожденные убийцы, но далеко не самые надежные солдаты. Разрушив боевые порядки твоей армии, они могут посеять панику среди собственных же рядов. Может статься, они принесут куда больше вреда, чем пользы. Сам Гирланд никогда бы не предпочел даже одного латника из армии Вэрсионов хотя бы и за трех «Сияющих». Однако сейчас выбирать не приходилось. В грядущей войне понадобятся любые силы.

— Капитан, — прервал молчание Гирланд, взглянув Торстейну прямо в глаза, — кем были ваши люди в прошлом? До того, как пополнили ряды «Сияющих»?

Айк Торстейн недовольно поджал губы, и забарабанил пальцами по столу.

— Шестьсот деинов, — ледяным тоном проговорил он.

Гирланд ухмыльнулся и покачал головой.

— Давайте начистоту, — настаивал он, — мы с вами оба понимаем, что при первой же возможности ваши «Сияющие» сбегут с поля боя, или, чего хуже, могут даже перебраться на сторону наших врагов прямо во время сражения.

— Как и любые другие наемники, — выпалил Эйк, разведя руки в сторону.

— «Энзийские братья» до гроба защищают жизни своих хозяев, — отпарировал Гирланд.

— Ну так и нанимай их, — Торстейн хлопнул кулаком по столу, оскалив ряд гнилых зубов.

Гирланд невозмутимо пожал плечами.

— С превеликим удовольствием, — ответил он, — и уж сотня «братьев» явно стоит все шестьсот деинов. Но, к сожалению, в данный момент, для меня это непозволительная роскошь. А вот твои «Сияющие» не тянут и на половину от этой суммы.

Гирланд запрокинул ногу на ногу, и кинул на стол увесистый мешок с золотом.

— Последнее предложение — двести деинов, плюс твои люди сами обеспечивают себя лошадьми и всем снаряжением.

Айк Торстейн весь побагровел от обуреваемого его гнева. Быть может, Гирланд немного переборщил, но оно того стоило. Его дерзкий выпад произвел на Торстейна должный эффект. Вдобавок к этому, исходя из слухов, которые Шэвис раздобыл за последние дни у местных торговцев и капитанов, заходящих в порт, к услугам «Сияющих» уже давно никто не прибегал. Кого бы Торстейн не строил из себя еще пару минут назад, теперь он будет вынужден пойти на уступки. В ином случае, неизвестно, когда он в следующий раз сможет запить элем жареного каплуна.

В следующий миг, когда Гирланд уже подумал, что Торстейн все-таки решит вышвырнуть его за дверь, капитан «Сияющих» довольно хмыкнул и разразился неистовым хохотом.

— Да, ты парень и в самом деле не промах, — Торстейн откинул набок прядь своих сальных волос. Скрипнув стулом, он поднялся на ноги, забрал мешок с золотом и протянул Гирланду руку, — твоя взяла, молокосос.

Гирланд встал с места, и они скрепили дело рукопожатием.

— Но только учти, — Торстейн резко отнял руку, и погрозил ему пальцем, — когда мои «Сияющие» понадобятся тебе в следующий раз, такой трюк уже не прокатит.

— Насчет этого не волнуйся, — Гирланд был уже на полпути к выходу, когда он обернулся к Торстейну через плечо, — следующего раза не будет, — добавил он и хлопнул дверью.

МЭЛЛИОН

За окном уже начало смеркаться, когда Мэллион наконец-то закончил стругать фигурку всадника с занесенным мечом на коне, изображающую его отца. Лорд Вэрсион, ооблаченный в полные доспехи, со шлемом в виде головы феникса, восседал на величественном жеребце Анцигвере. Отличный подарок на его приближающийся день рождения.

Встав из-за стола, Мэллион с трепетной осторожностью поставил всадника на одну из свободных полок, и еще несколько минут с восхищением рассматривал ряды своих поделок. Каждая из фигурок занимала свое особое место в его душе.

Мэллион поднял взгляд на пустующую верхнюю полку и широко улыбнулся.

Птицу феникса он мастерил в период затяжной лихорадки Марианны, когда уже многие лекари предрекали принцессе скорую смерть. Не в силах смотреть на страдания сестры и слышать душераздирающие рыдания матери, Мэллион решил по-своему выплеснуть накопившийся гнев. Он был зол буквально на всех. На бездействующих лекарей, на молчаливого Кролиона, который е внимал ни единой его молитве о спасении сестры, но, конечно же, больше всего он был зол на самого себя. И хотя он понимал, что очередная безделушка из дерева мало чем поможет его сестре, он просто не мог сидеть без дела. Больше всего на свете ему тогда хотелось хоть как-то порадовать страдающую сестру.

Мэллион работал в поте лица днями и ночами, и, когда феникс был наконец-то готов, самой большой наградой за труды Мэллиона стала улыбка на губах Марианны.

«Ох, Мэллион, просто восхитительно, — сказала она в тот вечер, когда Мэллион принес фигурку феникса в ее покои, — это лучшее, что ты когда-либо создавал».

Какое-то время Марианна еще отнекивалась, не желая принимать подарок. Она просто не могла лишать коллекцию брата такого шедевра. Но, в конце концов, приняла его. И с тех самых пор, оловянная фигурка феникса, герба дома Вэрионов, символа стойкости духа и перерождения души, стоит на тумбе у изголовья ее кровати. И эта мысль приносит Мэллиону радости несравненно больше, чем сама фигурка. Хотя, конечно, лучше нее с тех пор он так ничего и не создал.

Когда Мэллион вышел во двор, небо уже окрасилось багряной линией заката. По пути в замок он встретил нескольких стражников и конюха, рыжеволосого веснушчатого паренька, Олиса Пектера. Ведя под уздцы крупного гнедого мерина, он нервно оглядывался по сторонам.

— Олис! — Окликнул конюха Мэллион, преграждая ему путь.

От неожиданности юноша вздрогнул, едва не поскользнувшись в луже грязи. Обернувшись на Мэллиона, конюх как вкопанный остановился на месте.

— Добрый вечер, милорд, — неуверенно пролепетал Олис. На его лбу выступила испарина, — прошу прощения, но я должен идти...

Олис бросил взгляд в сторону въездных ворот замка, у которых сновало несколько стражников.

— В чем дело, Олис? Ты куда-то уезжаешь?

— О, нет, милорд, — конюх выдавил из себя улыбку, но его дрожащий голос выдавал его, — ваш отец...

Глаза Олиса Пектера нервно перебегали с конюшни на Мэллиона. Проследив за его взглядом, Мэллион разглядел выглянувшую из конюшни невысокую фигуру в темной мантии.

— Ваш отец приказал снарядить коня для одного из своих агентов... он... он посылает его с поручением на восток...

— Ты знаешь, куда именно? — Прервал его Мэллион.

Олис сглотнул, оглянувшись на проходящих мимо стражников.

— Э-э, нет, милорд, — пробормотал он, — мне точно неизвестно куда направляется агент, но, по всей видимости, это связано с поиском возможных союзников в грядущей войне.

Мэллион коротко кивнул, но ответ Олиса его не удовлетворил. Он видел, что конюх что-то скрывает, но у него уже не было времени выяснять это. Если Мэллион не вернется в свои покои через несколько минут, то придворные тетки устроят такой переполох, что всю следующую неделю ему и вовсе запретят покидать свои покои.

Несколько секунд Мэллион пристально вглядывался в стоящую у ворот фигуру, а затем обернулся на голос Олиса:

— Ну, я пойду, милорд, — поклонился конюх, уводя за собой коня, — хорошего вечера.

— И тебе, — улыбнулся Мэллион, и отошёл на шаг в сторону.

В следующий миг, когда он услышал встревоженный голос тетки Актильи, Мэллион хлопнул себя по лбу и тут же сорвался с места. В несколько шагов он пересёк двор, пробежав мимо дворцовой кухни, с которой доносился притягательный запах яблочного желе и куриного пирога. Взобравшись по ступенькам западной башни Катерсиса он оказался на третьем этаже замка. Небрежными отмахками ответив на приветствия встретившихся стражников, он пробежал так ещё несколько метров, пока резкая боль в левом боку не заставила его остановиться. Согнувшись пополам, и жадно хватая ртом воздух, мальчик стоял возле бронзовой статуи его прадеда, лорда Керсина Вэрсина. Именно ему все поколение Вэрсингов обязано тем, что он смог отвоевать большую часть захваченных Олуиками, Дорзеками, Гильдезийцами и прочими членами Союза Восьмерых территорий.

Отдышавшись, Мэллион пробежал в конец коридора, и остановился у лестницы, ведущей в его покои. Сверху доносился неразборчивый шум голос, топот шагов снующих по лестнице стражников и лязг доспехов.

Едва не попавшись на глаза часового, Мэллион юркнул в приоткрытую дверь, и оказался в комнате одной из служанок. Прислонившись спиной к стене, он облегченно выдохнул и опустился на пол.

— Ваша милость, здесь ее тоже нет, — выглянув в приоткрытую дверную щель,

Мэллион разглядел спину рослого стражника.

«Да что же здесь творится?»

— Немедленно вышли по отряду в сторону каждого выхода, — послышался голос Теркса Огенфира, начальника стражи Катерсиса, — она не могла уйти далеко!

Мэллион дождался, пока Огенфир вместе со стражниками скроются за поворотом, и выглянул в коридор. Во внутреннем дворе Катерсиса стояла настоящая неразбериха. Непрекращающийся гвалт голосов, ржание лошадей и звон доспехов. Оглядевшись по сторонам, Мэллион опрометью помчался по ступенькам в свою комнату. Через несколько секунд, хлопнув за собой дверь, он ломанулся к окну. У центрального выхода уже собрался отряд из дюжины латников.

«Боже, неужели это все взаправду?»

Слова, сказанные Марианной сегодняшним утром, отозвались в его голове словно оглушительный раскат грома.

«Если мы будем бездействовать, от нашей семьи ничего не останется.»

У Мэллиона резко закружилась голова, в глазах все помутнело. Пошатнувшись назад, он рухнул на кровать и закрыл лицо ладонями.

Какой же он был дурак. Он должен был знать. Должен был предупредить родителей, на что пойдет Марианна. Но ведь в таком случае, он предал бы ее... Почему же она ничего не рассказала ему? Почему не взяла с собой? Он обязан был пойти вместе с ней. И сейчас, когда его старшие братья и родители далеко от дома, Мэллион остался дома один с Ламией. Ведь теперь именно он становился временным кастеляном Катерсиса. Но сможет ли он справиться с этим? С чего ему вообще начинать? Еще пару дней назад Мэллион даже и подумать не мог, что в свои двенадцать будет распоряжаться целым замком.

Но он должен быть сильным. Теперь от его действий зависит дальнейшая судьба его семьи. Он не может предать доверие своего отца, оставившего на его плечи целый замок.

Мэллион вытер слезы тыльной стороной ладони и встал с места.

Пока его братья и сестры ищут союзников в грядущей войне за пределами их родного дома, Мэллион вместе с Ламией должны сделать все возможное, чтобы защитить Катерсис.

Когда дверь в его покои сотряслась от громopodobного стука, Мэллион вытащил из-под кровати брошку с фениксом и, нацепив ее на плечо, обратил взгляд к окну.

Алая полоса заката озарила горизонт.

«Чтобы ни случилось, Вэрсиионы всегда возрождаются из пепла».

СИЛИЯ

Плотные тройные ряды тяжелой королевской конницы продвигались в глубь леса. За ними, верхом на здоровенных тяжеловозах, шла дюжина ополчения Иштера, наиболее крепких и отважных мужчин, способных держать вилы и топоры в руках. Хотя Вегдон Мортис и предложил снарядить их мечами, но никто из крестьян с ними обращаться все равно не умел.

«Ну, хотя бы от доспехов не отказались, — подумала Силия.»

Она до сих пор считала ошибкой, что позволила крестьянам пойти к логову разбойников вместе с ними. Никто из иштерцев не был обучен сражаться, и идя навстречу с «Молчаливыми», пускай и под сопровождением королевских гвардейцев, они сильно рисковали. Хотя она и понимала, сколь многое для них значит личное участие в этом

походе. Практически каждый из иштерцев потерял кого-то из близких после разорительных набегов «Молчаливых», и практически все до единого лишились дома и источника заработка. Если бы она не позволила им отправиться вместе с ними, иштерцы бы никогда ей этого не простили.

Королева Силия Стокмар, верхом на Лучезарном, массивном пегом мерине, двигалась в авангарде вместе с Вегдоном Мортисом. Поверх акетона на ней были стальные пластинчатые доспехи, украшенные позолотой. Силия подняла забрало шлема, обратилась к старосте Иштера, Ченту Ломберту.

— Вы уверены, что мы идём в правильном направлении?

Ломберт почесал затылок.

— Да, Ваше Величество, — нервно сглотнул он, — их шайка заняла северную часть болот несколько месяцев назад. Как-то раз мы даже собрали целый отряд, и уже подошли к их лагерю, но...

Староста Иштера замолчал, потупив взгляд в сторону.

— Назад вернулось только трое из двух десятков.

Силия задержала на нем сочувствующий взгляд.

— Мне очень жаль, — проговорила она, — мы сделаем все возможное, чтобы защитить вашу дере...

— Вы правда не понимаете? — Усмехнулся Чент Ломберт.

— Да как ты смеешь! — От злости Мортис весь побагровел, — ты...

Силия подняла руку кверху.

— Поезжай вперед, Вегдон, — серьезно сказала она.

Начальник гвардейцев недоумевающе воззрился на королеву, но та была совершенно невозмутима. Смерив Ломберта гневным взглядом, он поклонился Силии и прищпорила коня.

— Продолжайте, — королева кивнула старосте.

Чент Ломберт удрученно покачал головой и впервые за все время поездки посмотрел королеве прямо в глаза.

Еще вчера этот человек пытался успокоить разгневанную толпу крестьян, готовую линчевать его только за то, что он пытается спасти их от смерти. Крестьяне во что бы то ни стало требовали отдать последние пожитки урожая и деньги из общей казны только для того, чтобы нанять пару головорезов, которые бы разобрались с «Молчаливыми». Но кто даст гарантию, что вместо этого они не примкнут к ним же и не пойдут разграблять Иштер? А если бы даже они и попытались бы разобраться с «Молчаливыми», то шансов на успех у них было крайне мало. Чент Ломберт никогда в жизни не видел таких неистовых убийц, как «Молчаливые». Если бы он натравил на них банду наемников и «Молчаливые» узнали, что они пришли по заказу старосты Иштера, то на следующий день вся деревня сгорела бы дотла.

Когда Силия впервые встретилась со старостой Ломбертом, он пытался утихомирить крестьян, потерявших семьи, лишившихся еды и крова. Хотя сам Ломберт, потерявший жену от стрелы одного из «Молчаливых», был в таком же положении. В его глазах Силия увидела хорошо знакомое ей чувство. Это была горечь утраты родного человека. Но тем не менее, он не позволял себе отчаиваться и принимать необдуманные решения, потому что знал, что в мире еще остались люди, которые в нем нуждались.

Однако в тот самый миг, когда даже старосту Ломберта покинула надежда, и он уже был готов пойти на уступки крестьян, набрав наемный отряд, он увидел королевский экипаж на центральной площади своей деревни. И тогда Чент Ломберт понял, что у них появился

шанс на спасение.

— Даже если нам удастся расправиться с этим отродьем, — сквозь зубы просипел Ломберт, — придут и другие.

— Именно поэтому я и здесь, — возразила Силия, — чтобы раз и навсегда покончить с этим.

Чент Ломберт презрительно хмыкнул.

— Не считите за грубость, Ваше Величество, — ответил он, — но вы рассуждаете как наивное дитя.

Силия была ошеломлена прямоотой и смелостью этого человека, но этим он только вызывал к себе еще больше уважения. Хотя, по большей части, это и было вызвано приступом отчаяния.

— Пока идут войны, — продолжил староста Ломберт, — пока существует привычный уклад жизни, где есть только две группы населения: те, кто отбирает у слабых, и остается безнаказанным, и эти самые слабые, кто всю жизнь от этого страдает. Пока все это существует, ничего не поменяется.

Ломберт поджал губы, и уставился куда-то в сторону леса.

— Да, безусловно, своим рвением и старанием вы можете обеспечить нам мир на какое-то время, но, в конечном счете, звери, подобные «Молчаливым», вернуться. Всегда возвращаются.

Староста Чент Ломберт притих. Пораженная его словами Силия не нашла, что ответить. В его полубезумной речи, тем не менее, была немалая доля истины.

Какое-то время они ехали молча. Тишину нарушал лишь мерный топот копыт, лязг доспехов и лошадиное ржание.

— Поэтому остается лишь одно, — внезапно прервал молчание Чент Ломберт.

Силия вопросительно подняла брови.

— Отмщение, — отрезал староста Иштера, и прищпорил коня.

Свист стрел. Предсмертные вопли. Они появились буквально из ниоткуда. «Молчаливые», затаившиеся в кустах и на кронах деревьях, точными залпами стрел застали королевский отряд врасплох. За одну вражескую атаку они лишились трех всадников.

— Перегруппироваться! — Прокричал Вегдон Мортис, и опустил забрало шлема. Начальник гвардейцев вытащил меч из ножен, и, выставив его перед собой, двинулся в атаку.

Конные гвардейцы перестроились в двойную линию по два всадника, и ломанулись вперед. Разъяренные крестьяне, нарушая всякий боевой порядок, рванули вслед за ними.

На «Молчаливых» поверх стеганых гамбезонов были надеты пластинчатые доспехи. Кроме луков с раздвоенными наконечниками у них были короткие широкие мечи с искривленными лезвиями.

— Ваше Величество, — обратился к Силии молодой гвардеец Гарт Локсер. Вместе с двумя своими напарниками, он остался в авангарде вместе с королевой. Они выстроились впереди нее с поднятыми щитами. Защищая королеву от града стрел неприятеля, они в то же время преградили ей путь к наступлению.

«Я должна сражаться вместе со своими людьми, а не отсиживаться в стороне.»

У Силии резко закружилась голова, перед глазами все плыло. Сердце в груди бешено

стучало. Королева почувствовала, что в любую секунду может выпустить из рук поводья и рухнуть на землю.

— Я...

— Ваше Величество, не двигайтесь с места! — Обернувшись через плечо, крикнул Гарт Локсер, — мы защитим Вас!

В следующий миг несколько стрел насквозь пробили щит Гарта и гвардейца слева от него.

Лучезарный испуганно заржал и встал на дыбы, едва не скинув королеву на землю. Силия всеми силами вцепилась в подпругу, и, наклонившись вперед, попыталась успокоить коня.

Со всех сторон слышались истошные вопли и стоны, лязг стали о сталь и дикое ржание перепуганных лошадей. «Молчаливые» наступали со всех сторон. Гарт Локсер, сжимавший в руке обоюдоострый меч с бронзовой рукоятью, издал приглушенный стон, и пополам перерубил подошедшего верзилу.

Откуда-то издали послышался пронзительный звук горна. Сознание Силии медленно покидало ее. Мутная неразборчивая пелена застилала ей глаза. Она почувствовала, что больше не может держаться в седле. Из последних сил королева обернулась на звук горна, и увидела плотные ряды скачущих всадников.

ГИРЛАНД

Когда Гирланд вошел в таверну «Яд скорпиона», Пэнтио Шэвис и Шекрон ло Редар уже ждали его за столиком в углу. Молодой хазиец едва заметно махнул ему, не привлекая слишком много внимания. Гирланд коротко кивнул и направился в их сторону. Время только-только перевалило за полдень, но зал уже был наполнен компаниями выпивох и странствующих торговцев. В зале стоял удушающий аромат каких-то благовоний и спертый запах пота.

Гирланд прошел мимо стола, за которым сидел раскрасневшийся толстяк в легкой шелковой рубаше. Залпом выпив кружку эля, он смачно рыгнул и утер рот рукавом. Раскатисто рассмеявшись, он жестом подозвал девушку в одной набедренной повязке. Золотовласая маритонка ловко запрыгнула ему на колени, и страстно поцеловала.

Казалось, никто из присутствующих не обратил на Гирланда внимания, но это впечатление могло быть обманчивым. Нельзя терять бдительность.

Усевшись за стол, Гирланд вытащил из дублета небольшой холщовый мешок, и бросил его Шэвису.

— Должно хватить на вооружение и лошадей для сотни «Сияющих», — проговорил Гирланд, утирая вспотевший лоб. Наполнив чашу вином, он выпил ее залпом и принялся поедать остывшую луковую похлебку.

Шекрон ло Редар нахмурился, переведя взгляд с Шэвиса на Гирланда.

— Неужто этот скряга Тортсейн зажал даже снаряжение?

Гирланд лишь пожал плечами.

— Милорд, не хочу подвергать сомнению ваши методы, — подался вперед Шэвис, — но, быть может, стоило мне позволить поговорить с ним наедине, и то...

Гирланд оторвался от еды, подняв взгляд на Пэнтио.

— Если ты перебеешь каждого капитана наемников в городе, то только добавишь нам

проблем. Позволь мне самому решать.

Шэвис смиренно кивнул.

В следующий миг в таверну вошла шайка из четырех наемников. Разместившись за несколько столов от Гирланда и компании, они заказали выпивку и принялись что-то обсуждать.

— От Лортана нет вестей? — Обмакнув хлеб в остатки супа, Гирланд обратился к Шекрону.

— Пока тихо, — Шекрон покачал головой, — но насколько я знаю, до Эль-Стана два дня пути верхом, и, если все пошло как надо, обратно он будет возвращаться еще дольше.

Гирланд скрестил руки на груди.

— Если он сможет перетянуть на нашу сторону хотя бы половину «Воителей», сколько всего у нас будет людей?

— Не больше трех сотен, — вздохнул Шекрон ло Редар, — слишком мало. Я надеялся на большее.

Гирланд Вэрсин забарабанил пальцами по столу, и через несколько секунд заговорил вновь:

— Вместе с силами лордов-знаменосцев отца, которые прибыли в Октерфон, у нас будет чуть больше тысячи.

— Верно, — подтвердил Шекрон, — и на материке осталось еще около трехсот человек. Но если верить слухам, Олуики перетягивают на свою сторону новых союзников из земель, о которых мы даже не слышали.

Шэвис настороженно посмотрел на Шекрона ло Редара.

— О чем ты говоришь? — Гирланд подался вперед.

Шекрон откашлялся.

— Мои старые приятели капитаны рассказали, что многочисленные тайные агенты Кайо Олуика совсем недавно вернулись с миссии на много сотен километров южнее Кораллового моря. За всю свою жизнь я встречал лишь двух человек, заплывавших так далеко, и один из них вернулся обезумевшим.

Лицо Шекрона ло Редара резко помрачнело. В его глазах затаился неподдельный ужас. Нечасто Гирланд видел подобное выражение лица у такого бывалого воина, как Шекрон.

— Не знаю точно, что он там увидел, — выпив эля, продолжил наконец, — но все слухи о тех местах сходятся в одном — ничего людского там нет. Один лишь мрак и смерть.

Какое-то время они сидели молча. Гирланд лишь смутно различал где-то позади веселое гоготание выпивох и смешки куртизанок.

— И, если учитывать, что Олуики и без того обладают одной из самых многочисленных армий во всем южном Астарисе, — прервал молчание Шекрон, — я даже не представляю, за счет чего мы можем их победить.

От злости Гирланд прикусил губу, и провел рукой по лбу.

Хуже всего то, что Шекрон был прав, и Гирланд ничего не мог с этим поделать. Он делал все от него зависящее, чтобы собрать как можно больше людей. Но этого было недостаточно. Да и армия, практически наполовину состоявшая из наемников, вряд ли могла бы иметь много шансов на победу. Тем более, если учесть, какие нечеловеческие твари, вылезшие из самой Преисподней, обитали в рядах армии Олуиков.

— На данный момент, — заговорил Гирланд, — нам не остается ничего другого, кроме как дожидаться Лортана и людей, которых он приведет.

Гирланд посмотрел на Шекрона.

— Затем ты вместе с ним, «Воителями» и «Сияющими» отправитесь в Октерфон. К тому времени все вассалы отца уже должны подвести туда свои силы. Остается надеяться, что к тому моменту Олуики еще не успеют собрать все свои силы.

— Вас понял, милорд, — кивнул Шекрон ло Редар, — а куда отправитесь вы?

Гирланд перевел задумчивый взгляд на Пэнтио Шэвиса, и, залпом осушив чашу вина, ответил:

— Мы отправимся в столицу, и будем молиться, что Кайо Олуик еще не успел заручиться поддержкой королевы.

МАРКОС

Свежий морской бриз дул ему прямо в лицо. После смерти Янды Маркос любил побыть в одиночестве, привести свои мысли в порядок и просто полюбоваться чудесным пейзажем прибрежных песков Солнечного Копья. Он мог часами проводить, сидя на веранде, наблюдая за закатом солнца и встречая восход. В последнее время ему было, о чем поразмышлять. В последнее время поведение Кайо беспокоило его все сильнее.

Мальчик уже с самого раннего детства показывал свой характер, но Маркос никогда бы не подумал, что все может пойти так далеко. Шестилетнему Кайо лорд Солнечного Копья еще мог спустить его склонности к издевательствам над кошками, птицами или насекомыми.

«Мальчику просто скучно, — отсмеивалось большинство придворных».

И в те далекие годы Маркос уверял себя, что так действительно и есть. Ведь во дворце, кроме нескольких детей прислуги, не было сверстников Кайо. Со временем, когда он заведет знакомства с принцами и принцессами соседних государств, он и сам позабудет о своих безумных увлечениях.

Но Кайо не забыл.

И с каждым годом все становилось только хуже.

А безумный взгляд, которым одарил его сын вчерашним вечером, привел Маркоса в неистовый ужас.

Кем бы не вырос его сын, Маркос знал, что винить в этом может только себя.

Янда заметила растущую в их сыне тьму уже очень давно. И только сейчас Маркос начинал понимать, каким же глупцом он был. Ведь Янда множество раз пыталась до него достучаться, но по своей же собственной трусости Маркос боялся признать, что его сын рос настоящим монстром.

И вот только сейчас, когда он уже потерял над ним всякий контроль, пытаться что-то изменить было уже слишком поздно.

Он боялся своего сына.

— Выручка с поставок пряностей в Гелдор и Тиберию выросла до четырех тысяч ликтов в год, — продекламировал Шелтран де Барвен, заведующий казной, — и нет никаких сомнений, что к концу следующего года эта цифра может увеличиться вдвое.

Собрание длилось уже около часа, но мысли Маркоса Олуика были заняты совсем другим. Из всего сказанного он не уловил даже половины. Скрестив руки под подбородком, архонт сидел молча, уставившись в одну точку.

— Далее, если позволите, мне бы хотелось затронуть тему важности увеличения числа боевых кораблей, — вставил Янвиль Коутс, заведующий флотом Солнечного Копья. Он передал Маркосу несколько бумаг, но тот даже не обратил на них никакого внимания. Коутс обменялся взглядами с остальными членами собрания, но те лишь озадаченно пожимали плечами. Откашлявшись, он продолжил, — более того, пираты на южной границе Аргерана разбивают наши багалы в пух и прах. Мы провели собрания с нашими корабельными мастерами насчет улучшения обшивки и увели...

В следующий миг двери в зал резко распахнулись, и в помещение ворвался Кайо. За ним следовала, по меньшей мере, дюжина «Тигровых Сыновей». С копьями наперевес, они разбрелись по всему залу. Дублет Кайо по бокам был расшит оскалившими клыки мантикорами с расправленными крыльями.

— Что здесь...

Шелтран де Барвен вскочил на ноги, но тут же получил удар древком копья по лицу.

Остальные члены собрания, поднявшиеся со своих мест, тут же сели обратно. Их лица исказились от страха и полного недоумения.

— Милорд Маркос, — прошептал Янвиль Коутс, — вы...

— Молчать! — Лицо Кайо побагровело от гнева.

Коутс рухнул обратно на стул, ошарашенно глядя на Кайо.

Остановившись в метре позади Маркоса, Кайо развел руки в сторону.

— Надо полагать, вы хотели бы знать, что же здесь происходит, — скалясь в безумной ухмылке, провозгласил принц. Он сделал шаг к отцу, и, склонившись прямо над его ухом, прошептал, — ты заплатишься за свою трусость, старик.

Маркос ощутил, как его прошиб озноб. На его лбу выступила испарина, но он по-прежнему сохранял невозмутимое выражение лица. Архонт Солнечного Копья был не в силах произнести ни слова. Маркос Олуик понял, что окончательно потерял своего сына. И, возможно, куда раньше, чем он мог себе представить.

Кайо залился в приступе дикого хохота, и, отстранившись от отца, начал обходить стол.

— Господа, как вы, должно быть, знаете, — нарочито размеренным тоном заговорил принц, — в последнее время наше славное государство словно застыло на месте.

Кайо небрежно взмахнул рукой.

— Мы перестали развиваться.

«Тигровые Сыновья» выстроились вдоль стола с двух сторон.

— Многие зарубежные государства разрывают с нами союзы, а кто-то и вовсе перестал принимать «Солнечное копьё» всерьез. Среди них даже бытует мнение, что от «великой державы-завоевателей» мы перешли в статус «трусливых торгашей».

Члены собрания обеспокоенно переглядывались между собой.

— И, к сожалению, вынужден признать, что в этом действительно есть доля правды.

Кайо наклонился над капитаном армии «Солнечного копья», Тексисом Морангой.

— И только в нашей с вами власти исправить столь досадное положение, — принц хлопнул Морангу по спине, и, продолжая улыбаться, пошел дальше вдоль стола, — мы обязаны вернуть нашей Родине было величие.

Кайо встал у изголовья стола, ровно напротив отца.

— А для достижения этой цели, — повысив голос, принц развел руки в сторону, — не получится просто отсиживаться на месте, торгуя остатками наших истощенных ресурсов и надеяться, что этого хватит влачить существование несколько ближайших десятилетий.

Кайо Олуик цокнул языком и медленно покачал головой.

— Нет, этого недостаточно. Мы должны действовать уже сейчас, должны позаботиться о благополучии будущего поколения, наших детей, внуков, правнуков и десятков поколений вперед.

Кайо поднял вверх сжатую в кулак ладонь.

Маркос впервые за все это время поднял взгляд на сына, и увидел на его лице смесь лютой ненависти и безграничной злобы.

«Нет, — в ужасе подумал он, — это не мой сын.»

Кайо смотрел Маркосу прямо в глаза и злобно ухмылялся.

Пару секунд в зале заседаний сохранялась полнейшая тишина, а затем Кайо кивнул одному из гвардейцев и по его команде «Тигровые Сыновья» выставили копья вперед.

— И с сожалением вынужден сообщить, — продолжил принц, — что те из вас, кто не готов к переменам и не желает добиться светлого будущего для жителей всего «Солнечного копья», а не только для своих собственных карманов, боюсь, не смогут и дальше занимать свои должности.

«Тигровые Сыновья» приблизились на шаг к столу, заняв позиции прямо позади каждого из члена собрания.

Кайо неотрывно продолжал смотреть на отца.

— Но уже прямо сейчас я могу сказать совершенно наверняка, кто из нас должен покинуть свой пост, — на лице Маркоса Олуика не дрогнул ни один мускул, — с остальными разберёмся позже.

К Маркосу приблизилось двое гвардейцев. Испуганные взгляды каждого из членов совета были прикованы к нему.

— Остаётся надеяться, — ледяным тоном проговорил Кайо, оперевшись ладонями о стол, — что сегодняшней день знаменует собой начало новой победоносной эпохи в истории нашей славной державы.

Договорив, Кайо сделал знак одному из «Тигровых Сыновей», и в ту же секунду гвардеец молниеносным движением проткнул насквозь архонта Маркоса.

В Солнечном Копье воцарился новый правитель.

КОРНУС

— Скажи мне, Стиг, правильно ли я понимаю, что вот эта рогатая страхолюдина и есть юванк? — Корнус ткнул пальцем в помятую листовку, а затем махнул в сторону окна, — как думаешь, похожи?

Градоначальник молчал.

— Может быть, с годами тебя стало подводить зрение, но мне кажется, что это юванк.

На телегу была взгромоздена громадная членистоногая туша.

Градоначальник Орео Стигвелл нервно сглотнул и весь сжался в кресле. Утерев тыльной стороной руки пот со лба, покрасневшийся толстяк тихонько прохрипел:

— Да, но...

Корнус защелкал языком, и покачал головой.

— Нет, ваше сиятельство, — улыбнулся он, — никаких «но» тут быть не может. В объявлении четко говорится, что награда за эту тварь — две сотни деинов, — Корнус швырнул листовку на стол.

— Все верно, — хлюпнул Стигвелл, — однако...

Корнус погремел над ухом маленьким мешочком.

— Но что-то мне подсказывает, здесь и сотни не наберется. А если к этому прибавить невыплаченную сумму с прошлого задания, то вы мне должны уже под пять сотен.

Градоначальник бегло взглянул в сторону выхода. Корнус закатил глаза, и едва не прыснул от смеха.

На что это он надеется? Чего выжидает? Гадает, куда запропастились эти чертовы стражники? Или попытается сбежать? Нет, это вряд ли. Он не настолько глуп. Хитрая, жадная, эгоистичная свинья, но точно не дурак.

Стигвелл отпил вина из бокала, откашлялся и вновь заговорил:

— Я понимаю ваше недовольство, господин охотник, и могу гарантировать, что при первой же возможности, вы получите всю сумму. Однако дело в том, что за последние полгода королева Силия не высылала нашему городу ни единой монеты, а совсем наоборот, только поднимает налоги. Да еще эти треклятые шайки зачастили в наши края. Разоряют запасы и посеvy крестьян, воруют скот, а затем поджигают поля и деревни...

Корнус расплылся в широкой улыбке.

— Я понял, к чему вы клоните, господин градоначальник.

Корнус налил вино из штофа, взгляделся в алую жидкость и отпил.

— Ну, я слушаю.

Градоначальник судорожно кивнул.

— Если вы избавите нас от набегов этого отребья, то я сейчас же отправлю гонца к своему брату и попрошу у него займы. И должен сказать, господин Охотник, что мне крайне неприятно просить денег у этого самовлюбленного ханжи. Но ради вас я готов пойти на такие жертвы. К тому же...

Корнус закатил глаза, залпом допил вино, и встал с места.

— Вы не в том положении, чтобы выдвигать условия, — погрозил пальцем Корнус, но через несколько секунд чуть смягчился и добавил, — однако, признаюсь, мне интересно

услышать, что вы еще можете мне предложить.

Корнус жестом призвал его продолжить.

— Вдобавок ко всему прочему, — поспешил добавить Стигвелл, — как я уже сказал, эти негодяи месяцами терроризировали наши окрестности. И если они еще не все выжрали и распродали, то можете взять себе половину из награбленного.

— Уж не думаете вы, что я буду рисковать своей жизнью ради половины? — усмехнулся Корнус, — восемьдесят процентов.

Стигвелл ошарашенно моргнул, хватая ртом воздух. Он посмотрел в опустевший бокал, недовольно поморщился и облизнул губы.

— Господин Охотник, но вы же должны понимать, что мне еще нужно заботиться об оголодавших крестьянах...

— Восемьдесят процентов, — настаивал Корнус, — и, так уж и быть, в следующий раз, когда вы попросите меня спасти ваш городок от очередной твари, то не стану просить надбавку за постоянную недоплату. Иначе сами будете расправляться с этой мерзостью.

Градоначальник Орео Стигвелл вздохнул, и со скрипом поднялся на ноги. Он протянул свою толстую взмокшую руку:

— Договорились, — пропищал он.

Корнус вышел из кустов с поднятыми вверх руками. При его виде, один из играющих в карты разбойников, свистнул и тут же подскочил на ноги с кинжалом в руке. Его изрядно выпившие товарищи отреагировали не столь удачно. Здоровенный бородатый громила с жирными сальными волосами от неожиданности повалился прямо на котел с похлебкой, а одноглазый коротышка в поношенной кожаном жилете приготовился уже стрельнуть из лука, но, не обнаружив по близости колчана со стрелами, попятился назад, а через секунду его вывернуло наизнанку в кусты.

— Кто таков? — крикнул разбойник с выставленным вперед кинжалом, — отвечай, не то живо кишки выпущу!

— И тебе доброго дня, — улыбнулся Корнус, кивнув на кинжал, — ты бы убрал подальше свою зубочистку, пока не поранился.

Разбойник, еще совсем мальчишка, не старше пятнадцати-шестнадцати, весь побагровел. Уверенности в его глазах тут же поубавилось. Он глянул на меч Корнуса, а затем на валявшихся по земле товарищей, и отступил на шаг назад.

— Если бы я хотел убить вас, то уже давно бы сделал это, — проговорил Корнус, приблизившись к костру.

— Стой на месте! — прокричал рыжеволосый паренек.

— Я битый час выжидал вон в тех кустах, на случай, если к вам еще кто-то присоединится, — Корнус с секунду помолчал, затем продолжил, — похоже, тебя оставили тут одного с этими болванами.

В ответ на это здоровяк, угодивший задницей в котел, поднялся на ноги.

— Что это за... — промямлил он, вытаскивая меч из ножен, — щас я ему...

Но Корнус не дал ему продолжить. Охотник швырнул песок в глаза бугая, отчего тот протяжно взвыл, и начал на ощупь хватать руками воздух. Корнус треснул ему по лбу древком копья, и ловко увернулся от неказистого удара вслепую. Бородач вскрикнул, рухнул на спину и тут же смолк.

Корнус покачал головой, убирая копьё за спину.

— Ну что, теперь мы можем поговорить? — обратился он к отошедшему еще на пару шагов парнишке.

Юнец обреченно вздохнул, и отбросил кинжал в сторону.

Корнус вынул меч из ножен здоровяка, и, подойдя к парнишке, протянул ему. Юнец удивленно вылупил глаза на Охотника.

— Почему вы...

— Не позволяй ублюдкам помыкать тобой, — серьезно ответил Корнус, — возьми меч и отведи меня к главарю этой шайки.

Корнус взгляделся в веснушчатое лицо парнишки, и увидел хорошо заметный проблеск в его глазах. Это был проблеск надежды.

— погодите минуту, — произнес юноша, после чего по очереди наградил пинками своих бывших соратников.

Такого поворота событий не ожидал даже Корнус. Он с восхищением наблюдал, как парнишка расплатился по счетам, и, лукаво улыбнувшись, одобрительно похлопал.

Юноша посмотрел ему прямо в глаза, и, принимая меч, ответил:

— Только заберем с собой тушу оленя, я целый день на него охотился.

ОХОТА

Воздух был пропитан удушающей гарью, кровью и омерзительным трупным зловонием. Над телами убитых начали кружить стервятники. Лоренцо зет Торнио присел на одно колено и принялся осматривать труп.

— Не густо, — плюнул наемник, повертев в руках окровавленный клинок бывшего владельца, — за этот обрубок и десяти ликтов не выручишь.

Лоренцо отбросил клинок в сторону, поднялся на ноги, и со злости пнул убитого.

— Ничего дельного? — Усмехнулся голос позади него.

Лоренцо зет Торнио, копейщик из наемного отряда «Сыны пламени» Нетриса аргх Голлараха, взглянул на своего капитана и недовольно поморщился.

— Кроме нескольких лоскутов бархата и вина ни черта полезного, — уткнув руки в боки, Лоренцо кивнул на телегу, запряженную двумя кришдийскими жеребцами, — ваш принц точно не ошибся? Быть может, мы напали не на тот караван?

Нетрис аргх Голларах перевел взгляд с Лоренцо на телегу и обратно. Почесав тугую раздвоенную бороду, он покачал головой.

— Да нет, караван тот, — ответил капитан, — вот только девки никакой не было.

Нетрис вылил на свою лысеющую голову воду из бурдюка, затем, сделав пару глотков, передал его Лоренцо. Копейщик благодарно кивнул и с жадностью высосал половину меха.

— Стало быть, в самый последний момент кто-то предупредил нашу принцессу о грозящей опасности, и она пересела в другую телегу, — продолжил Нетрис, — либо за ней охотимся не только мы.

Лоренцо утер губы тыльной стороной ладони и недоумевающе воззрился на капитана.

— И что теперь будем делать?

Капитан «Сынов пламени» серьезно взглянул на Лоренцо, и, выждав паузу, ответил:

— Разыщем гребаную принцессу, что же еще, — Нетрис зашелся в лающем смехе, и, хлопнув Лоренцо по плечу, отправился к телеге.

Лоренцо перешагнул через труп и пошел вслед за ним.

Отужинав и собрав скудные трофеи с убитых, «Сыны пламени» продолжили путь на восток. Нетрис аргх Лоррах, как никто другой знал, что задание, полученное от Кайо Олуика, нужно выполнить во что бы то ни стало.

Багряная линия заката окрасила все небо. Безмолвие пустыни нарушал лишь топот двух десятков всадников.

АЙЛИН

Она медленно подошла к окну, приложилась подбородком к подоконнику и всмотрелась в багровую полосу заката и потемневшее небо.

— Айлин? — позвали ее сзади.

Девушка обернулась, и шагнула ему навстречу.

— Я уж думала, ты забыл о нашей встрече.

Уголки губ вошедшего подернулись в едва заметной улыбке.

— Как я мог пропустить такое? В последнее время, ты нечасто меня вызываешь, — он захлопнул за собой дверь и направился к Айлин, — но что за срочность вынудила тебя сделать это?

— Давай пройдемся, — предложила она, — в последнее время тут слишком много любопытных ушей. Да и после всей этой чепухи, — она махнула на стол возле окна, заваленный горами пергаментных листков и неподъемных фолиантов, — мне не мешает побыть на свежем воздухе.

— Я знаю отличное место.

Он взял ее за руку, комната осветилась ярким серебристым светом и через несколько мгновений они стояли на огромной каменной вершине в нескольких километрах от города. Внизу, на другом берегу Оглизейского озера, светилась бесчисленными огоньками столица Антрексии. С этой точки Архгоlm, раскрашенный мягкими цветами заката, выглядел по-особенному притягательно. Высоченные стены, простирающиеся с запада и уходящие далеко на юг, являли собой вид неприступной твердыни.

Хотя и время уже близилось к позднему вечеру, город по-прежнему жил своим чередом. Доносились многочисленные возгласы играющей на улицах ребятни, шум лошадиных копыт, весёлые крики пьянчуг в местной таверне, выкрики бакалейщиков и странствующих торговцев. Караван из четырех повозок только что въехал в центральные ворота, и тут же скрылся за стенами города. Где-то вдалеке ударили несколько раз в колокол. По всей видимости, начиналась вечерняя служба в Великом Храме Кролиона.

— Завораживающее зрелище, — прошептал Энцо Сизарис. Он провел ладонью по собранному хвост маслянистым волосам, — за последнее столетие столица, быть может, достигла пика своего могущества.

— В самом деле, — улыбнулась Айлин, — а потому еще обиднее, что скоро все это может исчезнуть. И не только столица.

Энцо в недоумении воззрился на нее.

— Что ты имеешь в виду?

Айлин тяжело вздохнула, и протянула Энцо мешочек. Изнутри доносилось мягкое фиолетовое сияние.

Энцо неуверенно взял его, и тут же почувствовал обжигающее тепло внутри. Пару секунд он недоумоно смотрел на Айлин. Девушка с упоением наблюдала заход солнца.

Сизарис потянул узелок, и заглянул внутрь.

— Так это правда, — ахнул он, — они нашли его...

Айлин кивнула, и сделала шаг в сторону Энцо.

— И ты не хуже меня знаешь, чем это обернется.

Энцо зашнуровал мешок обратно, и протянул его Айлин.

На какое-то мгновение она уже подумала, что сейчас он сбежит. Испугается, как и многие другие, которым она по своей же глупости доверила эту тайну. Но Энцо посмотрел ей прямо в глаза и проговорил:

— Совет уже в курсе?

Девушка кивнула.

— Решение уже принято, — сказала она, переводя взгляд на город, — и последствия будут ужасающими. Но ты и сам знаешь, что иного пути просто не существует.

Энцо тяжело вздохнул.

— Значит, снова война?

— Снова, — ответила Айлин, и поспешила добавить, — поэтому я спрошу тебя лишь один единственный раз, — она остановилась в полуметре от него, — на чьей ты стороне?

Несколько секунд Энцо вглядывался в блеск ее фиолетовых глаз. Тот самый блеск, который он вспоминал едва ли не каждый день в течение последних столетий.

Энцо Сизарис печально улыбнулся, и, отодвинул прядь огненно-рыжих волос с лица Айлин. Во взгляде Энцо мелькнула несвойственная для него, гордого и непреклонного мага дома Вэрсионов, нежность. На какую-то долю секунды Айлин почувствовала себя совершенно беззащитной, и прямо сейчас больше всего на свете ей захотелось побывать в его объятиях.

Энцо нежно взял ее за подбородок.

— Чтобы ни случилось, я всегда буду с тобой, — прошептал он, и страстно ее поцеловал.

РАЗГОРАЮЩАЕСЯ ПЛАМЯ

Арденс Миторис наклонился к прилавку, принялся.

— Попробуйте, сударь! Только с утра приготовили! — Из-за прилавка выскочил лысый толстяк с кольцами в ушах и ноздрях. Его шея и запястья были увешены цепями, бусинами и прочими безделушками, — моя Ингильда сама их готовит! Ох, слово даю, если бы не ее стрепня, то уже давно бы выгнал ее на улицу.

Торговец оскалился в неприятной ухмылке, оголив ряд гнилых зубов.

Арденс задержал на торговце холодный безучастный взгляд. Потянувшись за булочкой, он разломил ее пополам. На пол тут же капнуло тягучим арахисовым маслом. Арденс откусил, медленно зажевал.

— А, ну до чего хороши? — Просиял торговец, — всю жизнь бы их ел.

Арденс Миторис откусил еще раз.

— Ну так что, — с надеждой в голосе спросил толстяк, — завернуть вам парочку с собой?

Миторис положил недоеденную булочку обратно на прилавок и улыбнулся.

— Просто объеденье, — Арденс облизнул пальцы, — обожаю сахарную пудру.

Торговец так и просиял.

— Ну а я что гово...

Улыбка толстяка тут же померкла, когда он увидел огненный шар в руке Арденса.

— Сударь, что вы...

От страха торговец вылупил глаза, и отступил на шаг назад. Миторис выставил левую ладонь вперед, сковав движение толстяка. Правой рукой он продолжал поигрывать огнем.

Арденс обошел прилавок, и остановился в сантиметрах от лица толстяка.

— Два, может, три дня назад, — прошептал он, — здесь должны были проходить двое мужчин. У одного из них, того что постарше, одетого, скорее всего, в какой-нибудь замызганный дорожный плащ, могли быть необычные, на первый взгляд, оранжевые глаза. Такое бы ты точно запомнил.

Торговец ощутил, как невиданная сила сжимает все его внутренности, но он не мог даже пошевелиться. С каждой секундой давление становилось все сильнее и сильнее.

— Они были здесь? — Вопросил Арденс, — через секунду я отпущу тебя, и ты все расскажешь. Моргни, если понял.

Превозмогая ужасающую режущую боль, толстяк моргнул один раз.

Арденс разжал левую ладонь.

Хватая ртом воздух, торговец рухнул на колени. Миторис опустил на корточки.

— Ну же, перестань, — ласково проговорил он, — все уже позади.

Выждав пару секунд, пока толстяк придет в себя, он спросил:

— Куда ни направились?

Откашлявшись, торговец поднял на него взгляд. Капилляры его глаз были наполнены кровью.

— Они... — просипел торговец, — точно не знаю, но малец говорил что-то про меч в горе... сударь, я...

Торговец вновь зашелся в сильном приступе кашля, и скорчился на земле.

— Ну-ну, все, отдышись, — Арденс хлопнул его по лысине, и встал на ноги, — ты и так сказал уже все, что мне нужно. Ты молодчина.

Выйдя из-за прилавка, Арденс схватил недоеденную булочку, и отправил ее в рот.

— А твоя Ингильда готовит и правда чертовски вкусно.

Отойдя на несколько шагов от лавки кондитера, Арденс Миторис выпустил в нее несколько слепящих языков красного пламени. На какой-то миг он задержал взгляд на выбегающей из соседней хижины дородной женщине в фартуке, перепачканном мукой. Издав душераздирающий вопль, она помчалась к лавке мужа.

А в следующий миг, Арденс, щелкнув пальцами, растворился в плотной пелене тумана.

СИЛИЯ

Яркий солнечный свет, пробивающийся сквозь приоткрытые ставни, заставил Силию проснуться. Девушка поморщилась и раскрыла глаза. Снаружи доносились веселые крики ребятни и щебетание птиц. В помещении стоял аппетитный запах мяса.

Королева приподнялась на локтях, и облокотилась спиной к изголовью кровати. Силия оглянулась по сторонам. Стены комнаты были увешаны различной утварью: топорами, вениками, кастрюлями и сковородками. На полках стояли всевозможные склянки, глиняные горшки и прочая посуда. В печке, расположенной в дальнем конце комнаты, догорал огонь. В котелке что-то скворчало, и теперь Силия поняла, откуда исходил приятный мясной запах, приправленный ароматом грибов. При одной только мысли о еде у нее заурчал живот.

На столе, вытянутым по середине комнаты, стояло несколько пустых мисок, а в одной из них — большой ломать хлеба, пару яиц, кусок сыра и сосуд с водой.

Силия сдернула с себя одеяло и обнаружила, что находится в одной сорочке, которую одевала на себя перед походом к лагерю «Молчаливых». Сколько же дней она тут пролежала? Королева попыталась вспомнить о произошедших событиях, но это усилие тут же отозвалось резкой головной болью. Девушка улеглась назад на постель, и несколько минут пролежала с закрытыми глазами. Боль немного отступила, но Силия решила, что вставать с кровати пока еще рано.

В следующую секунду дверь в комнату тихо скрипнула и в помещение заглянул Вегдон Мортис, за ним — какой-то высокий юноша с вьющимися русыми волосами. Когда он вошел в комнату вслед за Мортиом, Силия увидела герб на его плаще — две серебряные рыбы на синем поле. Силия приложила все усилия, чтобы вспомнить уроки геральдики. С одинаковым успехом он мог принадлежать к Гречам со Срединных Земель или быть одним из сыновей лорда Фервинса.

— Ваше Величество! — Воскликнул просиявший от радости Мортис, — хвала Всемиловитому Кролиону, вы очнулись!

— Вегдон, — смущенно улыбнулась Силия, — как же я рада тебя видеть.

В несколько широких шагов Вегдон Мортис пересек всю комнату, и подошел к кровати королевы. Незнакомый юноша, отводя взгляд в сторону, остался в дверях.

Разведя руки в сторону, Мортис стиснул королеву в объятиях. В нос Силии тут же ударил резкий запах чеснока и эля. Доселе Мортис, всегда сдержанный в своих эмоциях, никогда себе подобного не позволял. Но королева не могла не признать, что подобное отношение ей пришлось по душе.

Она была рада его видеть.

Мортис держал ее в объятиях несколько секунд, затем смущенно откашлялся и отстранился в сторону. Кивком головы Силия показала, что все в порядке и широко улыбнулась ему. Затем она перевела взгляд на переминающегося с ноги на ногу юношу, и Вегдон в тот же миг обернулся через плечо:

— Энвилл, проходи давай! — Махнул Вегдон рукой, — и захлопни дверь, а то королеву продует. Лекарь наказал, ей нужно еще несколько дней лежать в теплой постели.

Юноша растерянно хлопал глазами, затем кивнул и захлопнул за собой дверь.

Остановившись в нескольких шагах от кровати Силии, он преклонил колени, и неуверенно заговорил:

— Ваше Величество, — приятным баритоном проговорил он, — к вашим услугам сир Энвилл Грей, наследник Кербентона.

— Принц Срединных Земель, наследник Кербентона, — добавил Вегдон Мортис, хлопнув юношу по плечу, — если бы не он и его люди...

Мортис поджал губы и недовольно покачал головой.

— Бог его знает, что бы тогда случилось, — продолжил он, — нас застали врасплох и я...

— Все в порядке, Вегдон, — Силия взяла его за руку и заставила посмотреть себе прямо в глаза, тебе не в чем винить себя, ведь это была моя инициатива.

Мортис озадаченно кивнул.

— Встань, — королева обратилась к Энвиллу Грею, и слегка улыбнулась.

Юноша подчинился.

— Вы даже представить себе не можете, как сильно я благодарна вам.

— Я просто исполнял свой долг, — отрезал Энвилл Грей, — и, честно говоря, мне стыдно, что я не пришел на помощь жителям окрестным деревень куда раньше. Я должен был сделать еще несколько месяцев назад, но мой отец...

Юноша помедлил, отведя взгляд к окну.

— Мой отец не разделял моих взглядов, — прервал молчание Энвилл, — однако мне удалось собрать отряд из единомышленников, и за последние пару недель мы дважды разбивали передовые отряды «Молчаливых», а совсем недавно вышли на след, ведущий к их основному лагерю.

Энвилл задержал на королеве растерянный взгляд, откашлялся.

— Мы задержали их предводителя и двух его главных прихвостней, — продолжил юноша, — и, само собой разумеется, Ваше Величество, право решать их дальнейшую судьбу предоставлено вам.

Силия благодарно кивнула.

— Антрексия в неоплатном долгу перед домом Грей и вами лично, милорд, — ответила королева, — даю слово, что ваша храбрость не останется незамеченной.

Королева перевела взгляд на Мортиса, а затем снова на юного Грея.

— Вы можете отправиться в столицу с нами, и будете незамедлительно представлены к награде за отвагу, — Энвилл открыл было рот, чтобы возразить, но Силия остановила его жестом, — ко всему прочему, вы получите средства для вознаграждения ваших воинов, а также я лично напишу письмо вашему отцу о проявленной вами доблести.

Энвилл Грей удивленно приподнял брови.

— Надеюсь, вам удастся наладить с ним отношения, чтобы в дальнейшем это не грозило разорению целых деревень. И хотя и подниму этот вопрос в письме, можете добавить лорду Вэйнсу, что я не лишу его титула и земель только из-за действий его сына. После ваших слов не остается никаких сомнений, что ваш отец намеренно закрывал глаза на набеги «Молчаливых», и, если что-то подобное повторится впредь, от заслуженного правосудия он больше не уйдет.

Королева сделала паузу, а затем добавила:

— Своей жизнью он обязан только вам, милорд Энвилл.

— Благодарю, Ваше Величество, — юноша вновь преклонил колени, — вы невероятно

милосердны.

— Если бы не вы, милорд Грей, — серьезно сказала Силия, — я бы уже могла здесь не сидеть. Я обязана вам многим больше, чем вы можете себе представить.

Энвилл Грей поднял на королеву голову, и взгляделся в ее блестящие голубые глаза. Когда их взгляды переплелись, Силия ощутила пробежавшую россыпь мурашек по телу.

— Я могу идти? — Прошептал Энвилл.

Силия кивнула, и молча наблюдала за тем, как юноша вышел из комнаты.

— Славный парень, — сказал Мортис, когда за Энвиллом захлопнулась дверь.

— Вегдон, — Силия закрыла лицо руками. Она должна была спросить об этом еще тогда, как Вегдон только вошел в комнату, но слишком боялась услышать ответ.

— Ваше Величество? — Помрачнел Мортис. Пододвинув стул к ее кровати, он сел рядом с Силией, — что с вами?

Когда Силия оторвала ладони от лица, из ее покрасневших глаз потекли слезы.

— Что случилось с крестьянами? — Прошептала она, — где староста Ломберт?

Мортис тяжело вздохнул и покачал головой.

— Из крестьян выжило только двое, — тихо промолвил он, — староста Ломберт убил двоих гадов, прежде, чем его накрыл шквал вражеских стрел...

Силия судорожно сглотнула.

— А сколько потерь среди наших гвардейцев?

Вегдон Мортис провел ладонью по взмокшему лбу.

— Около половины, — холодно отрезал он.

Королева сокрушенно опустила голову.

— Ваше Величество...

— Спасибо, Вегдон, — прошептала Силия, — не мог бы ты оставить меня одну?

Начальник гвардейцев молча кивнул и удалился из комнаты.

Силия встала с постели, и приблизилась к окну. Крестьянские детишки играли в салки. На их веселых беззаботных лицах сияли улыбки. Из кузницы доносились громоподобные удары молота о наковальню, а с центральной площади вновь можно было слышать гул странствующих торговцев.

Она смогла добиться мира для Ишгера и еще нескольких деревень ценой жизней других людей. Слишком кровавой ценой. Это была плата, которую не восполнишь ни одним богатством на свете. Но разве был у нее какой-то другой выход? Могла ли она избежать всех этих жертв?

Она пыталась найти доводы, чтобы убедить себя в этом. Сказать, что спасла гораздо больше жизней, чем если бы ничего не предпринимала. Ведь эти крестьяне пошли вместе с ней добровольно, никто не принуждал их к этому. Но в глубине души Силия знала, что это уже не исправит того, что случилось. Не вернет к жизни всех крестьян и ее собственных гвардейцев.

Вправе ли она вообще выбирать, кому жить, а кому умирать? И наделен ли хотя бы один человек на свете подобной властью? Быть может, кроме богов никто не способен распоряжаться человеческими жизнями?

Силия не была уверена, что хотела бы знать ответы на эти вопросы. Но так или иначе, она понимала, что это неминуемо. Ее путь правителя только начинается и самое худшее только впереди. Если новости разведчиков о разгорающихся волнениях с севера правдивы, то она должна начинать извлекать уроки из своих ошибок прямо сейчас.

Правильно ли она поступает, сохранив жизнь Вэйнсу Грeю? Ведь, по большей части, именно он виноват во всех бедах своих же крестьян, которых он оставил на произвол судьбы, отдал на растерзание «Молчаливым». Но как она могла приговорить его к смерти после того, что сделал для нее Энвилл? Быть может, лорд Вэйнс и не заслуживал второго шанса, но на руках Силии было и так слишком много крови.

Но несмотря ни на что, Силия точно знала, кто заслуживает немедленной кары за свои деяния. Люди, для которых смертная казнь — слишком легкое наказание за их грехи. И сейчас эта троица была у нее в руках. На этот раз она не будет колебаться.

Пора начинать извлекать уроки из своих ошибок.

МАРИАННА

Когда туман понемногу рассеялся, на горизонте стали прорисовываться очертания двух исполинских статуй. Марианна сразу же поняла, что это был Моквор Непобедимый и Наксон Верный, великие воины древности из Восходной эпохи.

Титаны стояли на высоких каменных постаментах, вырастающих прямоком из недр Кораллового моря. При одном только взгляде на статуи, у Марианны захватывало дыхание. Исполины сжимали в руках гигантские копья, в длину превышающие даже их собственный рост. Стоя с перекрещенными копьями, они образовывали своего рода проход, являющий собой символ гостеприимства и могущества древнейшего города Наксон. На спинах у гигантов висели щиты, каждый из которых изображал оскаленную пасть дракона.

Чем ближе корабль приближался к статуям, тем выше они казались. Марианна не могла себе даже представить, каков истинный рост этих гигантов. Двадцать метров? Все тридцать? Быть может, даже больше.

Проплывающие на их фоне барки казались настоящими муравьями.

В порту царила полная неразбериха: кнорры, груженные мулами, мешками со всевозможными пряностями и зерном, бочками с выпивкой и прочими товарами, одномачтовые коggi, на алых парусах которых красовался позолоченный антрексийский грифон, а через пару минут перед Марианной предстали величественные трехмачтовые каракки, настоящая гордость флота Солнечной Лиги.

— Впервые в Наксоне? — Проговорил подошедший к Марианне мужчина. Широко улыбаясь, он протянул девушке грушу, и тут же откусил свою.

С секунду поколебавшись, девушка благодарно кивнула, и, взяв фрукт, откусила.

— Очень вкусно, — сок брызнул ей на тунику, и Марианна поспешила вытереться платком.

Незнакомец с улыбкой на губах наблюдал за ее стараниями. Прожевав кусок, он снова заговорил:

— Из далеких земель прибыли?

Марианна задержала взгляд на незнакомце. Она знала, что с первым встречным нельзя слишком откровенничать, дабы не привлечь к себе слишком много внимания. Раскрывать истинную цель своего прибытия в Наксон она не могла, и оставалось только надеяться, что выдуманная ею версию окажется достаточно правдоподобной.

— О да, сэр, — выдавив из себя улыбку, заговорила Марианна, — я столько слышана о Наксоне, что, когда мне выпала возможность поступить на службу в качестве переводчицы к одному из знатных господ, я просто не могла отказаться.

— Переводчица? — Незнакомец приподнял брови, — вот уж действительно интересно.

Доев грушу, мужчина с тонкими усами и короткой стрижкой вытащил из внутреннего кармана темно-синего дублета платок и вытер руки.

— Могрен Керсер, к вашим услугам, — Марианна пожала протянутую руку, унизанную сверкающими бриллиантами, кольцами и золотыми перстнями, — странствующий торговец из Бонарда.

— Лирда Сторм, — без запинки отчеканила Марианна, — моя семья отдала едва ли не последние сбережения только для того, чтобы я последовала за своей мечтой. И я просто не могу их подвести.

Керсер понимающе закивал.

— Вы должны быть благодарны своей семье, — серьезным тоном сказал он, — далеко не всем так везет.

— Вы правы, — ответила девушка, — я безмерно благодарна своим родителям за предоставленную возможность.

Не слишком ли она перегнула? Не догадался ли Керсер, что она лжет? Впрочем, лгала она лишь отчасти, ведь она действительно приплыла в Наксон в отчаянной надежде помочь своей семье в борьбе за существование. Где бы сейчас не был Гирланд и Кэдвин, куда бы не отправилась Ламия и что бы не предпринял отец для спасения их дома, Марианна пойдет на самые крайние меры для этого. На кону стояли жизни ее близких, а ничего дороже у Марианны не было.

И хотя манеры, речь, да и в целом поведение Могрена Керсера говорили о его порядочности, на какой-то момент Марианне показалось, что торговец чересчур уж любознателен. Стоило бы вести себя с ним куда более осмотрительнее.

— Вы же знаете, кто эти двое? — Керсер кивнул в сторону статуй.

— Братья-близнецы, Моквар и Наксон, — уверенно ответила Марианна, — основатели города.

— Верно, — кивнул торговец, — но знаете ли вы почему на их щитах изображен дракон?

Марианна отрицательно покачала головой. Могрен Керсер весь просиял от возможности поведать, по всей видимости, свою любимую историю.

— То был мудрейший из них, Лордернах, Ужас Ночи. Дракон даровал жителям Наксона несметные богатства, которые помогли им обрести силу и могущество на поле брани. Взамен Лордернах наказал наксонцам, что, когда придет нужный час, и он вернется из необъятных краев солнечного Элиона, они будут обязаны сражаться на его стороне.

Марианна с усмешкой подумала, в какой бы неопиcуемый восторг пришел бы Мэллион, услышав этот рассказ.

— Я так понимаю, — улыбнулась девушка, — час расплаты еще не пробил?

Керсер развел руки в сторону.

— Никто не видел живого дракона уже больше сотни лет, — ответил торговец, — но надо полагать, что Лордернах еще нагрянет за своим долгом и принесет с собой Ужас Ночи.

Марианна не нашла, что ответить, хотя и должна была признать, что рассказ Керсера произвел на нее впечатление.

Какое-то время они плыли молча, любуюсь горизонтом приближающейся гавани.

— В течение всей следующей недели я буду торговать на базаре в гавани, — прервал молчание Керсер, — если вам будет что-то нужно, не стесняйтесь заходить. Всегда приятно

помочь обжиться хорошему человеку на новом месте, а особенно — в таком суровом и беспощадном гиганте, как Наксон.

Керсер задорно рассмеялся.

— С чего вы взяли, что я хорошая? — Вопросила Марианна, продолжая улыбаться.

Торговец прищурился, вглядываясь в ее лицо.

— По глазам вижу, — пожал плечами Керсер, — в таких вещах я никогда не ошибаюсь. За свою жизнь я объездил едва ли не пол света, и уж в чем, а в людях точно научился разбираться.

Керсер осклабился в лучезарной улыбке и подмигнул ей.

— Могу представить, — кивнула Марианна, — благодарю за предложение. Думаю, ваша помощь мне действительно может понадобиться.

— Ох, можете в этом не сомневаться, — Керсер положил руку ей на плечо, — а сейчас прошу извинить, мы уже совсем скоро прибудем в порт. Нужно подготовить документы.

— Разумеется.

— Приятно было познакомиться, миледи Сторм.

— И мне, — улыбнулась Марианна, — до скорой встречи.

Керсер отсалютовал ей на прощание и зашагал по ступенькам в трюм «Андриетты».

Марианна облокотилась о борт корабля, наблюдая за возрастающим вдалеке городом. Сквозь густые серые облака уже вовсю пробивались яркие лучи утреннего солнца. Вскоре Марианна смогла разглядеть снующих по пристани торговцев, таможенников и матросов. С обеих сторон гавани располагалось два маяка.

На секунду Марианна закрыла глаза, вслушиваясь в окружающий ее мир. Пронзительные крики чаек, ласковая музыка волн, которая не успела ей надоесть даже за все двухнедельное плавание. Освежающий морской бриз дул ей прямо в лицо. Девушка вдохнула полной грудью и расплылась в счастливой улыбке. За пятнадцать лет жизни Марианна практически никогда не покидала родного края. Пускай повод был далеко не самый удачный, но все-таки она трепетала от возможности вырваться в большой мир.

На ее пути стоял целый неизведанный мир, полный опасностей и приключений. В этот самый миг Марианна поняла, что до этого момента и не жила вовсе. Сколько она себя помнила, ее всегда тянуло вырваться из замка навстречу огромному миру. И теперь у нее представился такой шанс.

Она спасет свою семью от упадка, чего бы ей это не стоило.

СИЛИЯ

Разгневанная толпа крестьян была готова растерзать их прямо на месте. Предводитель «Молчаливых», Эйс Шептун и двое его приспешников стояли на деревянном помосте на центральной площади Иштера.

«ТВАРИ!»

«КАЗНИТЬ УБЛЮДКОВ!»

«МЕРЗКАЯ ПОГАНЬ!»

Троица на помосте стояла в порванных окровавленных обносках. Их обессиленные головы свисали вниз, и лишь только железные кандалы не позволяли им рухнуть на землю и придаться столь долгожданной смерти.

Крестьяне швыряли в них гнилыми помидорами и камнями, но когда седовласая

пожилая крестьянка угодила булыжником оному из «молчаливых» прямо в висок, Силия отдала приказ Вегдону Мортису отогнать толпу на несколько шагов назад. Королевские гвардейцы, выставив щиты вперед, тут же выполнили приказ.

Эйс Шептун и его отморозки заслужили смерть, но жители Иштера должны видеть, что казнь происходит по воли Силии. Она должна убедить их, что целиком и полностью контролирует ситуацию. Им больше не нужно жить в страхе.

Когда королевский герольд протрубил в горн, разъяренная толпа постепенно затихла, и Силия взошла по ступенькам на помост. Палач уже ждал ее отмашки, но перед этим она должна была обратиться к своему народу.

— Я хочу, чтобы вы знали, — придать своему голосу спокойствие ей стоило немалого труда, но важнее всего сейчас было показать, что она целиком и полностью уверена в своих действиях, — что отныне и до конца дней моего правления, вы можете быть уверены, что находитесь под защитой короны.

Обернувшись через плечо, Силия взмахнула рукой в сторону разбойников, а затем снова обратилась к толпе.

— Вам больше не нужно бояться, что подобные набеги могут произойти, пока я буду находиться во главе Антрексии.

На секунду она помедлила, задержав взгляд на беловолосую девочку в толпе. В глазах малышки теплилась надежда. Она смотрела на Силию столь трепетно и благоговейно, будто бы она и в самом деле принимала ее за ангела. Королева кротко улыбнулась, и, повысив голос, продолжила:

— Мои слова не смогут вернуть ваших близких и мне искренне жаль. Я слишком хорошо знаю, каково это, терять родных.

Среди крестьян прошёл сочувственный ропот. В гуще толпы раздались пару одобрительных хлопков, которые тут же затихли.

— Но я точно знаю, если мы будем доверять друг другу и объединим наши усилия, то сможем преодолеть любые трудности и преграды. Толь...

В следующий миг в небе над Иштером раздался пронзительный крик орла, и, сделав сальто в воздухе, из-за облаков показался Эгвиракс. По рядам испуганных крестьян прошли тревожные вздохи, и люди принялись отступать назад.

Эйс Шептун медленно приподнял голову. Его губы исказились в ехидном оскале. На его неопрятных сальных патлах виднелась запекшаяся кровь, а правый глаз, заплывший от побоев, был полностью закрыт.

Эгвиракс плавно спикировал на помост в пару метрах от Силии. Взмахнув крыльями, он издал пронзительный клич. Несколько крестьян принялись разбежаться в разные стороны, другие, упав на колени, принимались читать молитвы, но большинство осталась на месте. Зачарованные небывалым доселе зрелищем, они неотрывно смотрели на королевского грифона. Сложив крылья, Эгвиракс повернул голову набок, и внимательным взором всмотрелся в лица крестьян.

Подойдя к Эгвираксу, Силия медленно провела ладонью по хохолку. Пораженная толпа не могла поверить своим глазам. Один из сыновей мельника, высокий русский юноша уже хотел было схватиться за вилы и броситься на помощь королеве, но в следующий же миг осекся. Вегдон Мортис, улыбаясь, с восхищением смотрел на свою королеву.

«Истая дочь своих родителей, — промелькнуло в голове Начальника королевских гвардейцев, — в ее руках Антрексия вернет свое величие. Я должен сделать все возможное,

чтобы уберечь ее от судьбы Освина и Элин. За ее плечами будущее всего мира».

Эгвиракс утробно заурчал, и, подложив под себя крылья, улегся наземь.

«Ты пришел как никогда вовремя, — подумала Силия, ласково потрепав Эгвиракса по холке».

Поднявшись на ноги, королева Антрексии снова обратилась к толпе.

— Какие бы преграды не встали на нашем пути, — Силия продолжила уже куда увереннее, — ценой совместных усилий мы преодолеем любые трудности.

Королева обернулась на скалящегося Эйса Шептуна.

— И пускай это не вернет ваших близких, но виновные понесут справедливую расплату за содеянное.

Среди толпы крестьян раздались дружные восклицания. Послышался одобрительный свист, дружные хлопки.

— При моем правлении ни одно преступление не останется безнаказанным, — Силия кивнула палачу и обернулась к толпе, — только так мы сможем прийти к лучшей жизни. Сможем построить справедливое общество, свободное от пороков воров и убийц.

Через несколько секунд, когда на центральной площади Иштера, склонив головы в сторону, болтались три повешенных трупа, восхищенная толпа рукоплескала своей королеве, выкрикивая ее имя.

Эгвиракс приподнялся на задние лапы, и издав протяжный крик, распахнул крылья и вспорхнул ввысь. Силия проводила его улыбающимся взглядом, а затем, спустившись по ступенькам, пошла на встречу к своему народу.

Веддон Мортис и трое гвардейцев пошли вслед за ней, но Силия знала, что эти люди не способны причинить ей вред. Крестьяне выкрикивали ее имя, падали в колени, рукоплескали и протягивали к ней руки. Улыбаясь от счастья, юная королева не смогла сдержать слез.

Эти люди любили ее.

Подняв взгляд на парящего в небесах Эгвиракса, королева Силия Стокмар поняла, что именно с этого самого момента и начинается ее правление. Не с церемонии коронации или первого заседания Совета, а только сейчас.

И она сделает все возможное, чтобы продолжить блюсти устои своего отца

Жители Антрексии больше никогда не будут жить в страхе.

ЛЭДНЕР

Лэднер шел по длинному мраморному коридору уже несколько минут. Настолько он был огромным. По пути на него глазели десятки любопытных оценивающих взглядов стражников и придворных служащих.

Поверх камзола на нем был красный атласный кафтан с золотыми нашивками. Каждый шаг давался ему с трудом. Слишком узко и непривычно. В такой одежде движения Лэднера были скованны, а потому он чувствовал себя слишком неуютно. Но ведь он не мог идти на прием к королеве Антрексии в привычной для себя холщовой рубаше и мешковатых штанах. Чтобы выдать себя за одного из знатных лордов севера, пришлось полностью изменить свой наряд.

На стенах то и дело мелькали причудливые картины с диковинными зверями, будто бы сошедшие со страниц «Преданий барда Стелфона», великие битвы древности,

предопределившие судьбу всех народов Астариса, удивительной красоты портреты всех членов королевской семьи, от Ситериуса Мудрого и Квартоша Хромого до Освина Стокмара.

Лэднер прошел до конца коридора и остановился у огромной двустворчатой двери, по бокам которой стояло двое стражников, облаченных в алые плащи королевских стражников. Поверх кольчуги на них были пластинчатые панцири и стеганные гамбезоны. Один из них, жилистый юнец с приплюснутым носом, шагнул Лэднеру навстречу, и копьём преградил ему дорогу.

— Цель визита?

Лэднер окинул его холодным презрительным взглядом, сохраняя молчание на протяжении нескольких секунд. Стражник даже немного растерялся, и оглянулся на собрата. Лэднер перевел взгляд с одного стражника на другого, широко улыбнулся и сделал шаг вперед.

— Братец, убери эту штуковину, пока не поранился, — стражник быстро заморгал и потупился назад, — я нахожусь в числе приглашенных на прием королевы.

Второй стражник смерил его презрительным взглядом и уткнулся лицом в список гостей.

Несмотря на то, что люди Нергиса хорошенько отмыли и побрили Лэднера, нарядили в дорогую дежду, повадки обычного бедняка и вора скрыть было довольно сложно. И хотя за всю свою воровскую деятельность Лэднер уже не единожды выдавал себя за других людей, втираясь в доверие состоятельных знатных дам или обкрадывая лордов, королевский двор было совсем другим делом.

— Лорд Марнин Родвин из Винтфолда, — прокашлял Лэднер.

Стражник оторвал взгляд от бумаги, посмотрел на Лэднера, а затем на своего соратника.

Завидев проступившую на их лицах озадаченность, Лэднер сделал шаг вперед, и стражник начал медленно опускать копьё.

— Поэтому, если ты не хочешь лично объяснять Ее Величеству о причинах моей задержки, то советую отойти в сторону.

Стражник неуверенно кивнул, и опустив копьё, вернулся на место.

— Прошу прощения, милорд Родвин, — стражник потупил взгляд в сторону, и отворил перед ним массивные позолоченные двери.

— Правильное решение, — ухмыльнулся Лэднер, и, поправив складки кафтана, шагнул вперед.

«Но так уж вышло, что теперь от тебя зависит судьба всего Астариса.»

Эти слова Нергиса никак не выходили у него из головы. Что он пытался этим сказать? Было ли это обыкновенной лестью, сказанной в надежде подбодрить Лэднера перед выполнением возложенного на него задания или в этом крылось нечто большее?

Войдя в приемный зал, Лэднер едва не ахнул от восхищения. Ничего более изумительного он прежде в своей жизни не видел. Однако ему нужно быть осторожнее. У лорда, за которого он выдает себя, подобной реакции бы не возникло.

И все же приемный зал королевы Антрексии действительно захватывал воображение. Красные шерстяные ковры на мраморном полу, стены, украшенные роскошными расписными гобеленами, по бокам от длинного, чуть ли не в половину всего зала обеденного

стола, стояли канделябры, возле которых красовались мраморные статуи предыдущих правителей Антрексии. С огромных хрустальных люстр, освещавших весь зал, свисали блестящие подвески.

В дальнем конце зала, в нескольких метрах от стола, находилась каменная лестница с двумя подходами. Она вела к высокому постаменту, изображающему одну из знаменитейших сцен Восходной эпохи Астариса. Король Агвилар пронзает копьем Герверексеса Поглотителя Народов, одного из шести драконов-прародителей, пришедших из таинственного Элиона.

Лэднер обвел взглядом изображенные на гобеленах сцены: осада Кервинса, профили рыцарей в блестящих латах, короли и королевы Антрексии в роскошных алых мантиях, горделиво вззирающие куда-то вдаль.

Лэднер подошёл к столу с закусками, и, наклонившись над блюдцем с креветками, принялся.

— Ни разу не пробовали? — Вопросил приятный женский голос справа.

Лэднер вздрогнул от испуга и медленно обернулся к говорящей. Перед ним стояла прелестная юная девушка в роскошном платье из белого атласа.

«Черт возьми, — клял себя Лэднер, — какой же ты болван. Куда подевалась твоя сноровка? Веди себя естественно или уж на этот раз тебя никто не спасёт от рудников или, чего доброго, сразу на эшафот пойдёшь».

Лэднер поклонился подошедшей даме и приветливо улыбнулся.

— Признаюсь честно, миледи, — размеренным тоном начал он, — в тех краях, откуда я родом, не водится ничего подобного.

— Неужели? — Девушка удивленно вскинула брови, — с ума сойти, даже представить себе не могу жизнь без креветок.

Девушка взяла из блюда креветку, обмакнула в чесночный соус и отправила ее в рот.

— А откуда же вы родом, если позволите узнать? — Прожевав до конца, спросила она.

«Спокойно. Все под контролем».

— Мой непрезентабельный и порядком потрепанный замок Винтфорд, — выдержано ответил он, — расположен прямо на границе Медвежьего бора.

Девушка молчала, явно ожидая, что он продолжит.

— К вашим услугам, лорд Марнин Родвин, — низко поклонившись, Лэднер поцеловал ее ладонь.

— Ох, прошу извинить меня, — девушка смущенно отвела взгляд в сторону, — к моему большому стыду, я ничего не слышала об этом месте, но уверяю вас, что вы должны это попробовать.

Девушка обмакнула креветку в соус и протянула Лэднеру. На какой-то момент их взгляды сошлись. Совсем еще юная девушка, наверное, ей не больше пятнадцати-шестнадцати лет, но по ее взгляду он понял, что она уже пережила какую-то серьезную утрату. Ее улыбающееся лицо с покрасневшими щеками, выразительный, спокойный взгляд ее голубых глаз, придавали девушке особое очарование. Стройный прямой стан, изысканная манера речи. Она явно была дочерью какого-то крупного лорда, быть может, даже принадлежала к семье одного из королевских советников. Оглядевшись по сторонам, Лэднер ощутил на себе пристальные взгляды гвардейцев.

«Не может быть».

Он мельком взглянул на золотую вышивку на платье незнакомки, и... точно, ошибки

быть не могло. Когда она брала креветку, он не мог понять, что в ней показалось ему столь знакомым. Перстень на ее пальце. Позолоченный перстень в виде морды грифона. За свою многолетнюю воровскую деятельность он сотни раз слышал байки выпивох и торговцев в трактирах о переходящем по наследству перстне королей Антрексии. Но для чего она ведет с ним эту игру? Почему сразу не представилась? Черт возьми, если его догадка верна, то...то прямо сейчас перед ним стояла королева Силия Стокмар, поедающая креветки. От осознания этой мысли он едва не прыснул от смеха, но все-таки смог сохранить невозмутимое выражение лица.

Лэднер откусил креветку прямо с ее руки.

— Мм, — восхищенно закивал он, — просто объеденье!

Лицо девушки осветилось лучезарной улыбкой, на щеках выступили ямочки.

— Ну, а я что говорила, — весело хохотнула она, и потянулась за очередной креветкой, — могу есть их буквально целый день!

Лэднер последовал ее примеру, и несколько минут они стояли молча, поедая креветки. Тем временем в зал прибывало все больше народу. Знатные лорды со своими женами, рыцари-баронеты и прочая аристократия со всей Антрексии. Как сказал Ортео Нергис, на сегодняшний бал королева Силия даже пригласила послов из-за Кораллового моря. И если все пойдет как надо, принц Солнечного Копья, Кайо Олуик, тоже будет здесь.

«Этим вечером твоя главная задача — следить за принцем. По возможности, подслушивай его каждую беседу, а еще лучше, если ты и сам заведешь с ним разговор. Поинтересуйся теми далекими краями, откуда он родом. Поспрашивай его о Солнечном Копье, но не слишком навязчиво, не вызывая подозрений. Быть может, юный принц взболтнет что-то лишнее, хотя я на это бы не рассчитывал. Но в любом случае, важна каждая мелочь.»

Что конкретно Нергис хотел добиться от Кайо Олуика, Лэднер так и не понял. Возможно, Ортео и сам еще этого не знал. Однако, тот факт, что Олуик прибудет в Аргхолм без официальной делегации, действительно интересен.

— Лорд Родвин? — Голос королевы вернул Лэднера к реальности, — вы еще со мной? — Улыбнувшись, добавила она.

Лэднер смущенно понурил голову.

— Простите, миледи, — он посмотрел ей прямо в глаза, придав своему лицу задумчиво-настороженный вид, — на какую-то секунду ваш вопрос вернул меня к воспоминаниям о доме. С тех пор, как я покинул Винтфорд, прошло уже несколько недель, и, признаться честно, меня обуревают дурные мысли и переживания за семью.

Девушка отложила кушанье в сторону, вытерла руки салфеткой и подошла на шаг ближе.

— Что вы говорите? — На ее лице отразилась неподдельная тревога, — что случилось с вашей семьей?

Лэднер томно вздохнул и помассировал переносицу. Вот его шанс. Этот момент нельзя упустить. У него нет права на ошибку.

— Не хотелось бы нагружать вас своими проблемами, — грустным голосом проговорил он, — все дело в том, что после разорительных войн Двенадцати Королей мой дом так и не смог оправиться. Прошлым летом нам даже пришлось продать последние корабли, что лишило нас торговли с государствами за Коралловым морем. А ведь фактически наш род только и существовал за счет продажи древесины, да шкур различных зверей.

Он покачал головой, затем продолжил.

— В общем-то, как не стыдно мне признавать, но на этот прием я приехал для поисков союзников и заключения соглашений, которые помогут спасти мой дом. Если сильно повезет, возможно, здесь сегодня окажутся лорды из-за Кораллового моря. Быть может, мне удастся как-то уговорить их, но честно гово...

— Но почему вы не обратитесь за помощью к королеве Антрексии? — Выпала она.

При этих словах их взгляды встретились, и в эту секунду в голове Лэднера уже мелькнула мысль отказаться от всей этой затеи и убежать отсюда как можно скорее. Он был готов поклясться, что увидел в ее взгляде истинное сочувствие и немедленную готовность помочь. Он обворовывал знатных людей, простых горожан и даже крестьян всю свою жизнь, но никогда не чувствовал себя таким подлецом, как сейчас.

— Боюсь, подобных мне просителей у нее и так хватает, — Лэднер пожал плечами, и поспешил добавить, — простите, но, кажется, вы до сих пор не представились.

— Думаю, в скором времени у нас еще представится возможность познакомиться поближе, — на ее губах мелькнула улыбка, и, приблизившись к нему вплотную, прошептала на ухо, — обратитесь за помощью к королеве. Уверена, она придумает, как помочь с вашей проблемой.

Она сделала реверанс, выпрямила спину, и отправилась к столу. Лэднер ответил поклоном и тут же перевел взгляд к вошедшему в зал юноше.

Прибыл принц Солнечного Копья, Кайо Олуик.

ПРОЧНОСТЬ СОЮЗА

— С удовольствием бы посмотрел на ваших боевых слонов, — хохотнул подвыпивший Моррис Херефорд. Он небрежно осушил очередную кружку эля, да так, что пенистый напиток полился по его усам, заливая ворот туники.

Принц Кайо Олуик сдержанно улыбнулся, и отсалютовал Херефорду чашей вина.

— С удовольствием их вам продемонстрирую, — ответил Кайо, — можете не сомневаться, что отныне — вы желанный гость Солнечного Копья.

Моррис Херефорд протяжно расхохотался, и шлепнул Кайо по плечу. Принц весь побагровел от гнева, но ответил лишь молчаливым кивком.

«При иных обстоятельствах, я бы отрубил твои жирные пальцы и повесил на твою же шею в качестве ожерелья».

— А как они вообще действуют в бою? — К их беседе присоединился стройный черноволосый юноша.

Моррис Херефорд небрежно поклонился, едва не повалившись набок, и пошел в сторону беседующих дам.

— Простите, — произнес Кайо, — не имел чести с вами познакомиться.

— К вашим услугам, — поклонился подошедший, — лорд Винтфолда, Марнин Родвин.

— Принц Солнечного Копья, Кайо Олуик, — он склонился в ответном поклоне, — на самом деле, я видел слонов в бою лишь однажды. Но весь принцип в том, что в самом начале сражения боевые колесницы вносят разлад в рядах противника, следом за ними выступают слоны, сеющие настоящий хаос и беспорядок во вражеской армии. После чего, тяжелая конница довершает общий разгром.

Кайо Олуик немного помедлил, затем продолжил.

— Только представьте, на вас несется пятитонная махина до четырех метров роста, да еще и облаченная с ног до головы в кольчужные доспехи. Бивни слонов пропитываются специальным ядом, и, на самом деле, они весьма необходимы, если во вражеской армии тоже окажутся слоны.

— Серьезно? — Удивился Лэднер, — слоновьи битвы в самом деле возможны?

Улыбнувшись, Кайо кивнул.

— В одной из них отец даже побывал в роли слоновьего наездника, — продолжил он.

— Как же людям удастся управлять этими гигантами в бою? — Пригубив вино, спросил Лэднер.

Кайо невозмутимо пожал плечами.

— На самом деле, все довольно просто, — ответил он, — все дело в практике и установлении контакта со зверем. Сидящий на шее погонщик направляет слона при помощи анкуса и специальных боевых команд. После нескольких месяцев тщательных тренировок они будут полностью вам подчинены.

— Действительно впечатляет, — восхищенно покачал головой Лэднер, — но должны же у них быть и слабые места?

Задержав пристальный взгляд на Лэднере, принц Кайо слегка улыбнулся и ответил:

— Во время сражения молодые особи пугаются громких звуков горнов или чего-то подобного, вследствие чего могут сделаться совершенно неуправляемыми. И, само собой, наиболее уязвимыми слоны становятся при атаке вражеских метателей копий или лучников, особенно, с огненными стрелами. Впрочем, как я уже сказал, если это опытный, закаленный в боях и тщательнодрессированный зверь, то его практически невозможно победить.

— Признаться честно, — улыбнулся Лэднер, — ваш рассказ произвел на меня серьезное впечатление, принц Олуик. Не хотелось бы оказаться во вражеских рядах с этими монстрами.

— Не сомневаюсь, — рассмеялся принц.

Какое-то время они стояли молча, наблюдая за прибывающими и уходящими гостями.

— Принц Кайо, — прервал наконец молчание Лэднер, — как вы понимаете, я подошел к вам не ради лекции про боевых слонов, хотя, несомненно, рассказ выдался занятным.

Кайо улыбнулся.

— Я весь внимание, — добавил он.

— Как вы, должно быть, знаете, — продолжил Лэднер, — мой дом находится в числе тех, кто вот уже несколько столетий поставляет для Солнечного Копья древесину для строительства кораблей.

Кайо молча кивнул, но не стал прерывать его.

— Однако из-за разорительных войн прошлых лет мы были вынуждены прекратить поставки. Количество рабочих и крестьян сократилось вдвое, и поэтому мы вынуж...

— Сколько средств вам нужно для возобновления производства? — Оборвал его Кайо.

Столь резкого поворота в разговоре Лэднер не ожидал. Выдумывая на ходу всю эту авантюру, он и представить себе не мог, что Олуик вообще станет его слушать. Ортео Нергис заверил Лэднера, что дом Родвинов сейчас и в самом деле находится на грани гибели. Родвины — один из десятков крошечных домов с севера, представителя которых, наверное, уже несколько десятилетий никто не видел в столице.

«Можешь быть спокоен, — хлопнув Лэднера по плечу, улыбнулся Ортео, — на королевском приеме не будет ни одного Родвина. Кроме тебя».

— Благодарю за вашу щедрость, — Лэднер отложил чашу с вином на стол и взглянул на принца, — думается, две тысячи деинов помогли бы выплатить все наши займы банку Летсвилла и возобновить производство. И при самых благоприятных обстоятельствах, к концу следующего года мы смогли бы снова поставлять для вас древесину.

«Неужели Олуики настолько богаты, что без малейших колебаний могут швыряться такими суммами для первых встречных? Ведь если принц даже и слышал хоть что-то про Родвинов, то давным-давно уже позабыл. По его выражению лицу казалось, будто бы его вообще нисколько не интересовали вопросы торговли и поставок. Нет, дело было в чем-то другом. Для чего же он прибыл сюда?»

— Договорились, — расплываясь в широкой улыбке, ответил Кайо Олуик, и протянул Лэднеру руку, — я отплываю в Солнечное Копье через два дня и, я почти за честь, если вы присоединитесь ко мне. Обсудим все детали нашей сделки, да и заодно убедитесь в должном применении вашей древесины.

«Готово, — возликовал Лэднер, — Нергис будет доволен».

— И на слонов посмотрю, — хохотнул Лэднер, пожимая принцу руку.

— Непременно, — ответил Кайо, и хлопнул собеседника по плечу, — а сейчас прошу меня извинить, я должен удалиться, — добавил принц, обернувшись на стоявшую в оуркжении нескольких лордов королеву Антрексии.

— О, разумеется, — ответил Лэднер, — еще раз благодарю. Вы даже не представляете, сколь многое сделали для моего дома.

Принц коротко кивнул и удалился прочь.

«Боже правый, в какую же игру я ввязался, — подумал Лэднер, скрестив руки на груди, и оперевшись об стол с десертами. Он наблюдал за всеми этими льстецами с их притворными улыбками и лживыми речами. Сам воздух здесь был пропитан ядовитой фальшью, и в этом плане, выдавая себя за другого, Лэднер недалеко от них ушел. Всего пару месяцев назад он чудом избежал гибели, а уже сейчас общался с влиятельнейшими людьми со всего Астариса.»

Лэднер Ноукс взял со стола карамельное яблоко, откусил. Черты его лица исказились в едва заметной самодовольной ухмылке.

«Да, игра началась, — удовлетворенно отметил он, — придется идти до конца».

ФЕЙН

— И когда ты собирался нам рассказать об этом? — В голосе Джеда сквозила неприкрытая угроза, — или ты такая важная шишка, что даже не хотел посвящать нас в свои великие планы?

С того самого момента, как они выехали из таверны, Регг с Мэнди не проронили ни слова, но Фейн точно знал, что они разделяют негодование Джеда. И как он мог винить их в этом? Они имели полное право быть на него злыми. Возможно, Фейну следовало рассказать им все с самого начала, но...

— Я знаю, это слабая отговорка, — дрогнувшим голосом проговорил Фейн, — но магистр Голран сказал, что никто из вас не должен был знать о том, что камень у меня. Если он попадет не в...

— Что за чушь! — Отмахнулся Джек, — мы через столько прошли вместе, что ты просто не можешь скрывать от нас такие вещи! Да если бы не мы, ты бы до сих пор даже

самых элементарных знаков не выучил бы!

Фейн потупил взгляд в сторону, не зная, что ответить. Джед был абсолютно прав.

Мэнди с сочувствием посмотрела на Фейна, и горестно вздохнула. Ей искренне хотелось верить ему. Да и кто бы вообще в здравом уме рискнул пойти на перебор магистру Голрану?

— Джед, послушай, — взглянув на пунцовое от ярости лицо Джеда, сказала Мэнди, — если Голран приказал Фейну не рассказывать про камень, то я уверена, что на то были веские при...

— Мэнди, прошу тебя! — Джед вскинул ладонь кверху, — не оправдывай его! Он этого не заслужил! Мы едва не погибли в той передрыге в таверне, хотя Фейн прекрасно знал, что у него в руках находится сильнейший артефакт в мире! При помощи камня мы бы в два счета разделались с теми отщепенцами! Хотя, сказать по правде, если бы Фейн не решил корчить из себя героя, и не согласился бы на эту авантюру с камнем, то на нас бы вообще никто не напал. Сидели бы сейчас себе спокойно в Дарлеме, и готовились к годовым экзаменам.

Выдержав небольшую паузу, Джед еще больше повысил голос

— А если бы не Лардо? Что тогда? Мы могли бы и не выбраться оттуда живыми!

Все это время Лардо Венциус держался в нескольких метрах позади. Он ехал в полном молчании, лишь изредка озираясь по сторонам и прислушиваясь к звукам леса. Что-то в его обеспокоенном лице не нравилось Фейну...

Мелкий, непрерывный дождь шел уже второй час кряду. Чем глубже они продвигались в лес, тем зуже становилась дорога. Копыта лошадей утопали в грязи. Если так продолжится и дальше, то совсем скоро им придется остановиться на ночлег прямо в лесу. Не самый удачный вариант, но иного выбара не остается.

Фейн смахнул прилипшие ко лбу волосы и взглянул на Джеда.

— Я действительно виноват перед вами, но разве ты поступил бы иначе на моем месте?

Джед с вызовом глянул на него.

— Я просто не мог поступиться с наказом Голрана! И еще ведь неизвестно, что случилось бы, если бы я решил использовать агэльфиус! С его силой не могли совладать даже сильнейшие маги в истории, а ты действительно хотел применить его в драке? Вот уж тогда бы мы наверняка не выбрались бы оттуда живыми!

Джед открыл было рот, чтобы что-то возразить, но промолчал. Он смерил Фейна испытующим взглядом, фыркнул и прищпорил коня.

— Ты все сделал правильно, — Фейн обернулся к поравнявшемуся с ним Лардо, — твой друг и сам знает об этом, но его злость мне понятна. По-другому и быть не могло. Признаться честно, я сильно удивлен, что ты еще не поддался соблазну использовать силу камня.

По телу Фейна пробежала россыпь мурашек. Где-то в глубине его сознания раздался пронзительный женский крик, а затем темный силуэт безликого всадника в короне и бесконечная, всепоглощающая тьма...

— О чем это ты? — Пробормотал Фейн, — я не...

— Я думаю, ты прекрасно понимаешь, о чем идет речь, — оборвал его Лардо, — но я не специалист по части прорицаний или сновидений. После того, как мы завершим поход в Хердер, ты встретишься с несколькими членами моего братства. Среди них есть несколько сновидцев, которые помогут тебе разобраться в своих способностях.

Фейн коротко кивнул и обернулся к Реггу.

Всю дорогу после их ночного привала от так и не проронил ни слова, и Фейн уже начал беспокоиться за него. Быть может, для Регга это было уже слишком? Он едва не умер от рук разбойников, после чего узнал о том, что Фейн везет с собой мощнейшее оружие в мире, и даже словом с ним ни обмолвился. Чувствовал ли Регг себя преданным или молчал просто потому, что ему нужно было время, чтобы все переварить? Больше всего на свете сейчас Фейн хотел бы просто на просто сыграть с ним пару партий в сэркесу, съесть целую гору кремсбонов и запить их кружкой пенящегося спрэлла. И, возможно, когда-нибудь, они еще смогут это сделать, но сейчас Фейн знал, сколь многое от них зависит, и просто не мог свернуть с намеченной дороги. Обратного пути уже не было. Если верить словам Голрана, на кону стояли жизни жителей всего Астариса... Но если все настолько важно, почему же сам Голран и остальные высшие магистры Дарлема не занялись этим? Почему вместе с ними не отправилась Айлин?

В голове Фейна роился бесконечный поток вопросов, ответы на которое ему только предстояло узнать. Но прямо сейчас одно он знал наверняка — Фейн не сможет справиться в одиночку, не сможет довести это дело до конца без друзей. Он нуждается в них даже больше, чем они могут себе представить.

В течение нескольких часов они ехали в полном молчании, пока на горизонте не начали прорисовываться очертания застывшей мельницы.

— Хердер, — прошептал Фейн, слегка улыбнувшись, — мы прибыли.

На какую-то долю секунды Фейн почувствовал облегчение, но, посмотрев на встревоженные лица друзей, тут же понял, в чем дело.

— Держитесь поблизости, — сказал Лардо Венциус, и выехал вперед. Фейн с друзьями двигались позади.

Над Хердером стоял плотный голубоватый туман. По началу Фейн даже уловил запах серы, но, приняв хавшись, понял, что ошибся. Это была омерзительная смесь трупного смрада и гари. Но больше всего Фейна насторожила стоявшая в деревне тишина. Не было слышно ни блеяния овец, ни мычания коров, ни голосов местных жителей. Абсолютная тишина.

— Будьте наготове, — обернувшись через плечо, прошептал Лардо, и вытащил меч из ножен.

Фейн судорожно сглотнул и нащупал стилет. Чем дальше они продвигались вглубь деревни, тем отчетливее становился трупный смрад. Ставни домов были распахнуты настежь. Фейн заглянул в одну из хижин, и увидел, что внутри было все перевернуто вверх дном: разбросанная по полу посуда, разбитые глиняные горшки. Возле раскрытого сундука валялась одежда. По всей видимости, хозяева дома в спешке пытались собрать вещи и убраться подальше. Но что вынудило их покинуть родной дом? Более того, Хердер — единственное известное поселение на несколько десятков километров в округе. Что бы не побудило крестьян к бегству, они должны были находиться в смертельной опасности.

Когда они выехали на центральную площадь, с губ Фейна сорвался короткий стон. Поежившись, он зажал нос ладонью. Регг не смог сдержать рвотного позыва и исторг всю пищу на землю. Мэнди прижала ладонь ко рту, а Джед, взглянув на Фейна, лишь покачал головой. Он старался держаться уверенно, но на его лице отчетливо застыло выражение неопишуемого страха. Каждый из них был в настоящем ужасе.

В самом центре центральной площади Хердера в кучу были сложены тела жителей

деревни. Источник трупного зловония был найден. С самой верхушки кучи в воздух еще вздымался едва заметный дым.

Лардо Венциус молча наблюдал за этой картиной. На его строгом лице не дрогнул ни один мускул.

— Разбойники? — Облизнув пересохшие губы, просипел Фейн. От переполнявшего его страха он не узнал свой собственный голос. Это был писк затравленного в лесу зайца, и прямо сейчас Фейну больше всего на свете хотелось, чтобы все это оказалось лишь очередным ночным кошмаром. Пройдет секунда, две, и, раскрыв глаза, он проснется в своей постели в родном доме. В его комнату с кухни будет доноситься аромат свежее испеченных крэмсбонов, и, спустившись на кухню, он увидит за столом маму, смеющуюся Экресту и отца, держащего в руках письмо. И, не раздумывая ни единой секунды, он тут же примет его предложение о поступлении в гильдию ремесленников Форсесса. А по праздникам, во время Дня Рогалана или Недели Восхваления Всемиловитво Кролиона, он будет возвращаться домой, и рассказывать родным о причудах и красоте Большого Мира.

Но секунды шли, а Фейн не просыпался.

Потому что это был не сон.

Это была худшая из возможных реальностей.

— Нет, — проговорил наконец Лардо, и в его дрогнувшем голосе Фейн услышал нотки страха, — это сделали не люди.

И после этих ужасных слов, самых страшных слов, которые Фейн когда-либо слышал в жизни, со стороны леса донесся ужасающий топот копыт.

Призрачные всадники приближались.

Тьма сгущалась.

Когда Фейн услышал истошный вопль Мэнди, он понял, Кто выйдет из темноты леса. Всадник без лица с зубчатой короной на голове был уже близко, а вслед за ним двигались легионы его бесчисленной армии.

И в этот самый миг, когда смерть была уже так близка, Фейн вытащил искрящийся ослепляющим изумрудным светом агэльфиус, и весь окружающий мир погрузился во мрак.

Фейн раскрыл глаза и свалился с постели. Сердце в груди бешено стучало. Он был не в силах перевести дыхание и унять содрогавшую его тело дрожь. Перевернувшись на спину, он увидел, что в дверях стоит магистр Летард Голран. Его исхудавшее постаревшее лицо, освещенное призрачным светом луны, было искажено ужасающей гримасой отчаяния.

Сделав шаг вперед, он еле слышно проговорил:

— Ты еще можешь успеть, — голова магистра тряслась в мелкой дрожи, — но нужно торопиться. Они уже совсем близко.

КОРНУС

— Не слишком-то легко вас отыскать, — ухмыльнулся Дейно Гостенс, — хорошо, что добрые люди из Бернвуда подсказа...

— Стигвелл? — Не отрывая взгляда от луковой похлебки, спросил Корнус. Отломив ломоть хлеба, он промокнул его в остатки супа, и отправил кусок в рот.

Королевский Советник Дейно Гостенс бросил взгляд к стоявшим у входа в таверну троем рыцарям. Еще семеро ждало снаружи. Но, по правде говоря, если хотябы половина всех слухов об Охотнике Корнусе из Агрехолла, «Потрошителя из Болот», окажется правдой, то с ним не сдюжит и несколько десятков королевских рыцарей.

После того, как Гостенс вместе с рыцарями вошли в «Бычью голову», остальные посетители трактира тут же поспешили его покинуть. За прилавком остались лишь хозяин заведения, Кейл Оргин, худощавый седовласый старикан с маленькими бегающими глазками, и его дочери.

Как только Гостенс подсел за стол к Корнусу, Кейл сразу же понял, что беды не миновать. Да и разве могло быть по-другому? Еще дед Кейла говаривал: «Как только встретишь какую погань из королевских посланцев, либо беги со всех ног, либо всю жизнь будешь у них под сапогом». За тридцать лет управления трактиром, перешедшим к Кейлу Оргину по наследству от отца, а тому от его отца, довелось многое повидать. И, хотя драки пьянчуг были обычным делом, но официальных представителей короны Кейл видел впервые в жизни. И от подобной любезности ему сделалось не по себе.

Старшая и самая любопытная из дочерей Кейла, розовощекая дородная Сейлина, поднесла Корнусу очередной поднос с пенящимся элем, и, низко наклонившись, что-то прошептала. Послышался наигранный смешок, и хихикающая девушка вернулась за прилавок.

— Сейчас же отправляйся в комнату к сестрам, — прошипел покрасневший от гнева Кейл Оргин, и подтолкнул дочь к лестнице.

Сейлина Оргин смерила отца грозным презрительным взглядом, но промолчала. Закатив глаза, она сняла с себя заляпанный фартук, и, швырнув им прямо в лицо Кейла, засемила по лестнице.

Советник Гостенс неуверенно кивнул, и почувствовал пробежавшие по коже мурашки.

— Милорд, я...

Корнус резко поднял на него взгляд. Рыцари у входа подались вперед, но Гостенс кивком головы призвал их отступить.

— Оставьте свои титулы при себе, — ледяным тоном ответил Корнус, — я вам никакой ни лорд, да и вы, заявившись сюда со своей оравой, поступили весьма глупо.

— Что вы... — начал было Гостенс, но тут же замолчал, увидев, как Корнус достает что-то из кармана плаща.

Охотник бросил на стол пустой холщовый мешок, и посмотрел советнику прямо в глаза. Гостенс почувствовал, как побежал мороз по коже. Все внутренности сжались, на лбу выступила испарина.

Боже... Почему на поиски этого дикаря отправили именно его? В королевстве столько людей, куда лучше подходящих для подобных занятий...

— Заполните мешок под завязку, — хлебнув эля, проговорил Корнус, — и, так уж и

быть, я исследую территорию близ Нерифурда. Однако обещать ничего не могу.

— Насчет этого, — откашлявшись, Гостенс подался вперед, — при возможности — постарайтесь оставить дракона в живых.

Корнус пристально всмотрелся в Дейно Гостенса.

— Признаться честно, с подобной просьбой ко мне обращаются впервые, — хмыкнул Охотник, — обычно мои наниматели настаивают, чтобы преследуемая тварь ни при каких обстоятельствах не выжила.

— Видите ли, — сказал Дейно, — Ее Величество хотела бы обойтись вовсе без жертв. Ей... ей может пригодиться эта тварь.

Гостенс поспешно отмахнулся.

— Но даже не спрашивайте меня, для чего. Я и сам этого не знаю. И если существует хотя бы малейшая возможность избежать кроповопролития, вы будете вознаграждены двумя такими мешками.

— Правильно ли я вас понимаю, господин Советник, — скрестив руки на груди, Корнус едва зметно ухмыльнулся, — королева требует от меня договориться с драконом? Разрешить все мирным путем?

Гостенс неуверенно кивнул.

— Я слышан о ваших... — Советник почесал бровь, подбирая нужные слова, — о ваших особых талантах.

Глаза Корнуса сверкнули оранжевым светом. Накинув на голову капюшон, он медленно поднялся на ноги, и смерил Гостенса брезгливым взглядом.

— Сделаю все возможное, чтобы не убивать его, — ледяным тоном произнес Корнус, и отправился в сторону выхода.

Стоявшие у самых дверей рыцари Антрексии тут же расступились перед ним, и в следующий миг Охотник уже скрылся во мраке ночи.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Отряд из десяти всадников остановился на перепутье дорог посреди Монаршего тракта. Олби Бирвуд не отрывал взгляда с ряда повешенных на дереве людей. Людей его отца. В изъеденных стервятниками глазницах уже копошились черви.

— Милорд, — прервал молчание Эйн Стервуд, рыжеволосый оруженосец Олби, — что за звери могли это сделать?

Облака были затянуты мрачными серыми тучами. В небе продолжали кружить стервятники. Они ждали часа, когда смогут продолжить свое пиршество.

Олби снял кожаную перчатку, и потер переносицу. После вчерашней попойки он до сих пор не мог прийти в чувство. Он еле держался на коне, через силу сдерживая рвотные позывы. И ко всему прочему, отец как нарочно послал именно его смотреть на это зрелище...

Олби поморщился от трупного запаха, и прикрыл лицо ладонью.

— Эти твари решили, что смогут запугать нас подобным зрелищем, — тучный бородатый рыцарь, Джон Дембер, перевел взгляд с повешенных в сторону сложенной кучи щитов со знаменами Бирвудов, охотника с луком в руках на зеленом поле, — они даже представить не могут, во что ввязались, — он сплюнул в сторону и ослабилась.

В течение нескольких минут Олби не произнес ни единого слова. Когда он начал ощущать на себе пристальные взгляды рыцарей, он залпом выпил половину меха с вином, откашлялся и попытался придать голосу уверенность:

— Сир Дембер, как вы думаете, чьих рук это дело? — обратился кареглазый юноша к Демберу.

Здоровяк с задумчивым видом почесал бороду.

— Милорд, нет никаких сомнений, если этот кошмар не дело рук Ридейлских ублюдков, то за всем стоит какая-нибудь бандитская шайка. Наиболее вероятный вариант. После окончания войны их с каждым днем становится все больше. Поганцы разоряют деревни наших крестьян, насилюют женщин и детей, и сотавляют после себя лишь пепелище. Даже наши бывшие солдаты примыкают к шайкам этих оборванцев. Гребаные дезертиры.

Джон сплюнул, и сморщился, выказывая свое отвращение. Он потряс сжатым кулаком в воздухе.

— Своими руками бы перерезал глотки этим...

Олби жестом прервал его, и потер ладонью виски. Солнце светило ему прямо в глаза. На жаре юному Бирвуду совсем сделалось совсем дурно. Пора было возвращаться домой. Пускай отцовские дурни сами разбираются с этой мерзостью.

— Снарядите отряд из трех дюжин конных и покончите с этим раз и навсегда, — Олби небрежно взмахнул ладонью, покосившись на повешенных, — мы больше не можем терпеть убытки от этих набегов.

На лице Джона Дембера проступило недоумение.

— Но, милорд, откуда мне взять...

— Довольно, сир Дембер, — в глазах Олби блеснул гнев, — в ваших же интересах разобраться с этим как можно быстрее, или вы лично хотите сообщить отцу о вашей неудаче?

Остальные всадники настороженно переглянулись. Заплывшее лицо сира Бирвуда побагровело, но он смог сдержать гнев. Стиснув зубы, рыцарь ответил:

— Нет, милорд, — он склонил голову перед Олби, — ни у вас, ни у вашего отца не будет ни малейшего повода для волнений.

Олби Бирвуд задержал взгляд на Дембере, и хотел было сделать выговор за его презрительный тон, но боль от мигрени сделалась невыносимой.

— Вот и славно, — прохрипел Олби, пришпорив коня.

Эйн Стервуд и двое других всадников отправились вслед за ним, а пылающий от гнева Джон Дембер еще с минуту сверлил взглядом парящих в небе стервятников.

ШАВИЛАР

Он не помнил, когда его забрали из родного дома и превратили в того, кем он являлся сейчас. Да и был ли у него вообще этот дом? Возможно, он и в самом деле вышел из самой Преисподней? Шавилар, убийца королей, Дитя Мрака, Слуга Теней.

Во всяком случае, если когда-то у него и была семья, люди, которых он любил, он о них ничего не помнил.

Привязанность — главная слабость. С самого начала обучения их приучают отказываться от всех искушений и соблазнов. Слуги Теней и так имеют даже больше, о чем простой смертный мог только мечтать. Шавилару была чужда любая человеческая радость и слабость, что и позволяло ему и его собратьям сосредоточиться на единственной важной цели — служить и подчиняться Повелителю.

— Как и всегда, ты хорошо сослужил свою службу, — Кервинальд кивком пригласил Шавилара сесть за стол, но тот не двинулся с места.

Шавилар стоял в углу комнаты, не отбрасывая тени. За круглым столом в центре комнаты сидели самые могущественные из нынеживущих магов со всего Астариса, и, тем не менее, ни один из них не рискнул бы навлечь на себя гнев Слуги Теней. Обращаясь за услугами к Шавилару, Отто Кервинальд слишком хорошо понимал, чем это могло обернуться для Ордена. Но другого выбора не было. За прошедшие годы Кервинальд успел убедиться, что не стоит пренебрегать сновидческими предсказаниями Монри Сигбека. Король Освин Стокмар должен был погибнуть от руки Служащего Теней. Теперь дело сделано, однако... Похоже, никто из присутствующих и понятия не имел, что делать дальше. А уж смятение на лице Террика Сингеборда и вовсе наводило на Кервинальда неподдельный ужас. Террик — один из старейших и мудрейших магов, с которыми когда-либо был знаком Отто. Террик, который опережал его по всем дисциплинам во время обучения в Дарлеме. Террик, с лица которого, казалось бы, никогда не сходила самоуверенная ухмылка.

Но сейчас Террик Сингеборд, уже глубокий старец и человек, чьему мнению Отто безоговорочно доверял, был оределенно чем-то напуган. И, если страшные подозрения Отто Кервинальда окажутся верными, то, пожалуй, им всем осталось жить совсем не долго.

— Ну, как хочешь, — откашлявшись, проговорил Кервинальд, а затем обратился к Террику Сингеборду:

— Смерть короля Стокмара была лишь первым этапом. Тьма, ожидающая нас впереди, грозит уничтожению всему Астарису. А ведь никто из нас толком не знает, с чем нам предстоит бороться.

Отто небрежно махнул в сторону Монри Сигбека.

— Большинство сведений, которыми мы располагаем, основываются на обрывках юного сновидца, — скрестив руки на груди, Монри Сигбек не отрывал молчаливого взгляда от какой-то точки на столе.

— Тени сгущаются, — внезапно прошептал Сингеборд. На какое-то время в зале воцарилась тишина. Взгляды присутствующих были обращены на магистра Террика.

— Что все это значит? — Развела в сторону руками Айлин Моффат. На груди рыжеволосой волшебницы, облаченной в черный атласный плащ, слабым фиолетовым сиянием заблестел небольшой камешек. Отто Кервинальд, как замороженный, задержал на нем взгляд. Каждый раз, при встрече с Айлин, он всегда задавался вопросом: почему Верховный Архимаг Диснис Эргер доверил осколки своего агэльфиуса столь юной девушке и Летарду Голрану? Разве он, Отто, или Сингеборд своей многолетней преданной службой не заслужили этого куда больше? Да и где сейчас вообще этот Голран? В последний раз Отто видел его около года назад. За это время могло случиться все, что угодно. И если на секунду представить, что он мог перейти на сторону Врага, и в его руках окажется частичка агэльфиуса...

— Почему мы вообще должны ему верить? — Айлин кивнула на Сигбека, — кто-нибудь мне объяснит, почему была так необходима смерть короля Освина? Да за последние десятилетия Антрексия не видела короля более стабильного и мудрого, чем он.

— Тени сгущаются, — шепотом повторил Сингеборд, и, оторвав взгляд от стола, обратился сразу ко всем присутствующим. Глаза Террика подернулись мутной пеленой. Издав хриплый стон, старик запрокинул голову кверху. Сингеборд широко раскрыл рот, глаза ввалились и все черты его лица исказились в отвратительной гримасе.

— Приносящие Смерть уже совсем близко, — голос Террика стал совсем низким и глухим, — если все народы Астариса вновь не объединятся перед лицом Врага, мир ждёт

неминуемая гибель.

В следующее мгновение Сингеборд замолчал и рухнул лицом на стол.

В зале воцарилась гробовая тишина.

Элаин Финорс, высокий смуглолицый хазиец, медленно поднялся с места и подошёл к обмякшему Террику Сингеборду. Наклонившись к старцу, он проверил его пульс и тяжело вздохнул.

— Мёртв, — прошептал Финорс, проведя ладонью по взмокшему лбу.

За окном начался ливень. Ночное небо прорезали яркие вспышки молнии, раздавались оглушительные удары грома.

Отто Кервинальд сокрушенно покачал головой, и закрыл лицо ладонями.

— И что нам теперь делать? — Прервала молчание Айлин Моффат.

Подняв взгляд на девушку, он кивнул на искрящийся камень на ее груди.

— Я думаю, ты и сама уже догадалась, — ледяным тоном произнес он.

Рыжеволосая волшебница неуверенно кивнула, и встала из-за стола. Все это время Шавилар, хранящий молчание, отступил на шаг назад, пропуская ее к выходу.

— Но ведь мы... — заговорил Элаин Финорс, но поднявшийся с места Кервинальд остановил его жестом.

Проведя рукой по коротко остриженной бородке, Отто наградил каждого из сидящих строгим изучающим взглядом. Скольким из них можно доверять? Всем? Или среди собравшихся нет вообще никого, заслуживающего доверия? Ответ на этот вопрос Отто только предстояло узнать. Но одно обстоятельство было несомненным: время действовать пришло.

— Мы должны объединиться перед лицом Общего Врага, — проговорил Кервинальд, — нужно приложить все усилия для того, чтобы Великая Восьмерка собралась воедино вновь. Другого выхода у нас нет.

Обернувшись через плечо, Кервинальд хотел было отдать распоряжение Шавилару, но на его месте была лишь крошечная Тьма.

«Да поможет нам всем Всемилостивый Кролион, — подумал Отто, и почувствовал, как все его тело пронзил холодный озноб».

СОЮЗ ТРОИХ

Арденс Миторис ловким движением руки смахнул пыль с книжной полки, прошелся тряпкой по склянкам с зельями и снадобьями, затем начистил до блеска огромный двуручный меч и поставил его обратно на постамент. Какое-то время Арденс молча разглядывал шерстяной гобелен, изображающий одинокую башню на уступе скалы. Исполинское сооружение из белого камня вздымалось до самых небес, исчезая в белизне облаков.

Мужчина почесал бороду, вспоминая свое первое путешествие в Полуночную Страну. Арденс мечтательно улыбнулся, и продолжил стряхивать пыль с книжных полок.

Здесь была и «Краткая история Астариса» Вэнтиса Милергоя, и трехтомник Агделиуса Клервина «Становление Ордена Свободы. От деспотизма к республике», и даже восстановленные из пепла «Искусство врачевания» Мэрила Элеккера. Он едва не лишился правой руки, роясь в объедках пищи в логове трехглавой кервейры, но стоит признать, оно того стоило. Рецепты из этой книжонки уже не раз спасали его от смертельных отравлений и ядов.

Внезапно раздался приглушенный рев, будто бы каркнула ворона. Арденс склонился

над большой склянкой на нижней полке, и, постучал по ней, и поднес к лицу.

— Будешь так себя и дальше вести, останешься без ужина, — проговорил Арденс.

Разгневанный агрэнский дракон ударил раздвоенным хвостом по стеклу, и испустил очередной сноп пламени. Встав на задние лапы, он расправил крылья, и наклонил голову набок.

— Ты же знаешь, что я не шучу, — Арденс погрозил дракончику пальцем, и стукнул по склянке.

Дракон жалобно пророкотал, сложил крылья, и лег в дальнем конце своего логова.

— То-то же.

Арденс поставил склянку назад, и продолжил протирать полки.

Остановив взгляд на зачаровывающем шаре, довольно улыбнулся.

Хозяин лавки бережно вытащил мерцающий мягким фиолетовым сиянием шар, положил на стол, и медленными круговыми движениями протер его от пыли.

Клеос оторвался от миски с молоком, и вмиг запрыгнул на стол.

— Будь осторожен, — предупредил Арденс.

Бледное фиолетовое сияние отразилось в зрачках кота, принявшего позу охотника. Клеос прижался брюшком к столу, вытянул морду вперед, и настороженно поднял хвост. Учащенно дыша, и шумно фыркая, кот осторожно подполз к шару, едва не задев хвостом позолоченную статуэтку минотавра. Клеос продвинулся вперед, и застыл в нескольких сантиметрах от шара. Зрачки кота широко расширились, шерсть встала дыбом. Истошно взвизгнув, Клеос спрыгнул на пол, и юркнул под шкаф с посудой. Широкая фарфоровая тарелка с изображением величественного короля Агвилара пошатнулась, едва не свалившись на пол.

Арденс Миторис залился раскатистым лающим смехом.

— А я ведь предупреждал, — улыбнулся Миторис, — эта вещица не всех к себе подпускает.

Арденс провел ладонью над шаром, и проговорил:

— Аперта!

В тот же миг из шара вырвался ослепительный сноп света, заливший всю комнату. Арденс Миторис прикрыл глаза рукой, и отступил на шаг назад.

Через несколько секунд шар вновь пришел к обычному состоянию, излучая лишь тусклое фиолетовое сияние.

Хозяин лавки открыл глаза, и широко улыбнулся.

В дальнем конце комнаты стоял темный силуэт. По мере того, как к Арденсу возвращалось зрение, стали четче прорисовываться черты его лица.

Девушка в желтом атласном платье неспешно подошла к Арденсу.

— Куда на этот раз? — улыбаясь, спросила она.

Арденс подобрал со стола карту, и ткнул пальцем в обведенный красным кружок.

Девушка кивнула, левой рукой коснулась шара, а правой взялась за Арденса.

— Ты за старшего, — обратился Арденс Миторис к выглянувшему из-за шкафа Клеосу.

Кот промяукал, и, подойдя к наполненной миске, принялся лакать молоко.

— Сизарис присоединится чуть позже, — добавила рыжеволосая волшебница с яркими фиолетовыми глазами, — ему нужно уладить одно дело на Севере.

Миторис расплылся в улыбке.

— Неужто наш птенчик наконец выпорхнет из-под крыла Вэрсионов, — раздался

хриплый смех.

Айлин Моффат смерила его презрительным взглядом, и небрежно махнула рукой.

Арденс хихикнул, и вскинул ладони кверху.

— Ладно-ладно, пускай не торопится, — пробормотал он, — у нас и без того есть чем заняться.

Айлин наклонилась над склянкой со свернувшимся в клубок огнедышащим зверем.

— Надеюсь, — девушка кивнула на заточенного узника, — эти твои ребяческие увлечения не помешают делу на этот раз.

Арденс Миторис фыркнул, и недовольно закатил глаза.

— Это к делу никак не относится, — процедил он, выставя указательный палец вперед, — и не смей меня понукать этим.

Айлин скрестила руки на груди, и хотела уже что-то возразить, но Арденс опередил ее.

— Давай без этого, — прохрипел он, — и так времени мало.

Айлин оценивающе взглянула на него.

— Ну, наконец-то, — она вскинула руки кверху, и направилась навстречу к Арденсу, — хоть одна здравая мысль за день.

Миторис поспешил сложить карту и несколько склянок с зельями в наплечную сумку, и взял Айлин за руку.

— Ты уверена, что сможешь это сделать? А то я...

Но Айлин Моффат, казалось, уже не слышала его. Закрыв глаза, она щелкнула пальцами. В центре комнаты вспыхнула яркая сфера, засосавшая их в себя.

Тишину комнаты нарушали лишь утробный рев агренского дракона и довольное урчание сытного Клеоса.

ВОЗВЫШЕНИЕ

Яркие солнечные лучи проникали в комнату сквозь решетчатые окна замка. Со двора доносились веселые крики крестьянской детворы.

Эсар молча рассматривал свое отражение в зеркале Оэновы, после чего произнес слова заклинания и взмахнул рукой. Поверхность зеркала подернулась мутной рябью, сверкнула яркая алая вспышка, и открылся проход. Эсар подобрал с пола мешок и шагнул во мрак. В следующий миг он уже вдыхал воздух родного дома. В пещере стояло притягательное трупное зловоние, под ногами хрустели останки смертных.

Он направился в сторону алого сияния, исходившего из дальнего конца пещеры. Хруст костей, расколотых щитов и доспехов эхом проносился по пещере. По обеим сторонам от Эсара вспыхивали бесчисленные проходы Зеркал Судьбы. Эсар приветственно кивал выходящим из открывающихся порталов братьям, и продолжал идти вперед, к трону своего Господина.

В конце пути стройные ряды безликих Слуг остановились возле исполинского обсидианового трона, на котором восседал их Повелитель. Каждый из братьев Эсара бросил мешок с подношением у первой ступеньки, ведущей к трону, и, отступив назад, преклоняли колени и принимались ждать.

На какое-то время в пещере воцарилась оглушительная тишина.

Но затем что-то изменилось. Будто бы кто-то проснулся. С каждой минутой красное сияние, исходящее с самой верхушки престола, становилось все ярче. Совсем скоро из поднесенных в дар Слугами мешков стали вырываться столпы синего пламени, устремившиеся навстречу пульсирующему алому блеску на вершине трона. Эсар слышал

истошные вопли миллионов душ.

Все зримое пространство пещеры окрасилось в ослепительное красно-синие сияние.

В мгновение ока вопли смолкли.

Наступила крошечная тьма.

Пещера сотряслась от неистового громоподобного хохота. Эсар скорчился от боли, отдававшейся эхом в его голове. Слуги, преклонявшие колени, завели утробную песнь во славу Его.

Оглушительный хохот, доносившийся с верхушки трона, внезапно смолк. Слуги, прекратив пение, поднялись на ноги. Поклонившись, они начинали уходить назад.

Через час, когда Эсар ужинал запеченным каплуном в своих покоях, в голове еще стояло эхо раскатистого хохота.

Это был хохот Начала. Это был хохот Конца. Это был хохот самой Реальности.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О МИРОУСТРОЙСТВЕ АСТАРИСА

НЕПОЛНЫЙ БЕСТИАРИЙ АСТАРИАНЫ¹²

(повествование ведется от профессора историологии Наксонского Университета Мэлдрана ро Кэстиса)

МАВЬЯНЫ

Человекоподобные сгорбившиеся создания, не доходящие ростом даже до груди среднестатистического мужчины. Имеют приплеснутый нос, выпуклый лоб. Голова припорошена пушком редких сальных волос. Имеют кривые выпуклые губы, из которых выделяется беспорядочный ряд острых клыков. Передвигаются вперевалочку, все время ворча себе что-то под нос. Мавьяны обладают чрезвычайно скверным характером. В общении с незнакомцами сварливы и грубы. И, вдобавок ко всему, мавьяны невероятные скряги. Но дело не ограничивается лишь только деньгами. Помимо этого, пожалуй, ни один мавьян даже не вздумает оказать помощь уставшему путнику, если тот попросит переночевать на его дворе. (Лично мне пришлось заночевать под дырявым навесом вовремя сильного ливня, да и то после того, как я отвали за эту радушную услугу едва ли не половину своего полугодового жалованья).

Мавьяны живут, по большей части, торгуя запрещенными законами Антрексии артефактами, краденными вещами, промышляют контрабандой.

По своему обыкновению, мавьяны живут на окраине леса или в скалистой местности. Несмотря на враждебное отношение к чужакам, мавьяны с почтением относятся к своим собратьям. Сбившись в небольшую общину в несколько десятков жителей, они проживают в неприметных одноэтажных хижинах.

При встрече с мавьянами возникает ощущение, что они озлоблены буквально на весь мир. Однако, несмотря на всех их недостатки, они становятся на диву организованными и покладистыми, когда берутся выполнять какой-либо заказ, будь то перевозка краденных товаров или похищение дочери местного лорда. И уж можете не сомневаться, что в подобных делах мавьяны настоящие профессионалы. Как только задание будет выполнено, и мавьян получит оплату, он тотчас сделает вид, что никогда в жизни вас не видел.

Несмотря на свой злобный вид и скверный характер, питаются Мавьяны, в основном, кореньями, грибами, овощами, и разнообразными ягодами, растущими в близлежащих лесах. Мавьяны большие любители ведения домашнего хозяйства. В огороде мавьянов вы можете встретить впечатляющее разнообразие овощей: от горького лотамбура, выращиваемого зимой, до сладких и ароматных чероксов, растущих в летнюю пору.

Они искусные мастера по приготовлению разнообразных зелий, настоек и отваров. Их фирменное блюдо — суп факдес, похлебка из свекольной ботвы, картофеля и разнообразной зелени. Также, по всей видимости, они добавляют туда всевозможные пряности, из-за чего суп приобретает сладостный терпкий аромат.

Несколько лет назад, когда я побывал невольным гостем одной из мавьянской деревень, мне довелось попробовать эту похлебку в местной таверне. И должен признаться, я даже потребовал добавки.

Однако не стоит спешить причислять мавьянов к вегетарианцам. Да, действительно, я не располагаю подлинными доказательствами того, что мавьяны едят чье-то мясо. Даже побывав в их таверне, я не встретил ни у одного посетителя на столе хоть что-нибудь напоминающее мясо. Впрочем, если исходить из того, что горные мавьяны живут в отдаленных скалистых местностях, в холодных бесплодных пещерах, есть основания полагать, что их основное пропитание — куницы, зайцы или горные козлы. И, по правде говоря, я не стал бы исключать тот факт, что мавьяны не пренебрегут мясом случайного путника, по несчастью забредшего на их территорию.

ЮВАНКИ

Юванк обладает шестью глазами — четверо спереди, и одна пара сзади. Поэтому, предпочтительнее всего, атаковать его сбоку. Однако для этого нужно выждать подходящий момент, и только затем нападать. В противном случае, если вы поторопитесь или, наоборот, замешкаете, то выбраться живым из этой схватки уже не получится.

Юванки активны в ночное время суток, а днем впадают в спячку на дне болота.

Обладают крепким панцирем, практически невосприимчивы к любому холодному оружию. Юванки наделены чрезвычайно острым слухом. Под брюшком находятся выросты, благодаря которым юванк способен улавливать вибрации любого звука на расстоянии нескольких километров. Грудь юванка состоит из четырех частей, каждая из которых включает пару ножек. На самом конце брюха располагается жало с мешочком яда — страшнейшее оружие юванка, и в то же время — его главное уязвимое место. Отделив жало от тела, вы обречете его на неминуемую гибель, поскольку это единственная часть тела юванка, не приспособленная к регенерации. Рано или поздно, без своего главного орудия, он просто на просто умрет от голода, если, конечно, какой-нибудь Охотник или другая голодная нечисть не сделает этого раньше.

ДРАКОНЫ

Согласно одной из многочисленных версий о сотворении Астариса, именно драконы являлись создателями нашего мира. Явившись из далеких неизведанных мест, именуемых Запредельем или Элионом, они в течение десяти дней создавали Астарис.

И хотя после ожесточенной войны Восходной Эпохи большая часть драконов была истреблена, в наши дни нередко можно услышать байки посетителей трактиров об их встрече с крылатыми исполинами.

Если вам доведется встретиться с драконом, то сразу же хочу предупредить, даже не вздумайте бежать! Это последнее, что вам нужно делать! Драконы — не пустоголовые ящерицы, пытающиеся вас как можно быстрее сожрать. То есть, конечно, среди них встречаются и подобные особи (тому пример Коллуффус Ужасный, пожравший жителей четырех деревень за одну ночь), но по большей части, драконы — чрезвычайно умные и рассудительные создания.

Поэтому, повстречавшись с драконом, нужно грамотно обозначить свои намерения. Если вы явились не за тем, чтобы убить его, а затем распродать его кожу и останки зажиточным торгошам, то он вас и когтем не тронет. И если уж вас получится установить с ним контакт, то при большом желании дракон даже может заговорить с вами при помощи телепатии.

ГРЫАЛЫ

Грыалы имеют морду волка, медвежье туловище с густой жесткой шерстью, и бычьи копыта. Взрослая особь достигает двух с половиной метров роста. Грыалы славятся длинными острыми когтями, которыми они способны насквозь проткнуть даже взрослого оленя. Чаще всего, грыала можно встретить в дремучих лесах или в подземельных пещерах.

На людей грыалы нападают достаточно редко, предпочитая охотиться лишь на лесных зверей. Однако, обезумевший от голода грыал не применит возможностью напасть даже на рыцаря в полных доспехах.

Наглядные примеры того, с какой легкостью грыал, не кормленный больше недели, справляется даже с именитыми наемными бойцами, можно встретить во время ежемесячных кровавых игрищ, устраиваемых домом Олуиков на арене Песчаной Смерти.

Несколько лет назад, будучи гостем Солнечного Копья, мне довелось побывать во время одного из подобных сражений. Четверо наемников из отряда «Сияющих», прошли весь командный турнир без единого поражения. Неуловимые убийцы, воспитанные под обжигающими лучами солнца пустыни, они сметали на своем пути сильнейших врагов со всех уголков Астариса.

В награду каждый из них получил по сотне деинов, но, когда было объявлено, что сумма за главный приказ будет увеличена вдвое, четверка «Сияющих» без малейших колебаний вышли на битву с одним грыалом. К концу бойни, продлившейся всего пару минут, от наемников осталось лишь пару радробленных конечностей. Песок арены окрасился кровью убитых, и только шестеро укротителей смогли оторвать смертоносного зверя от еды, и увести обратно в темницу. А уж проведя очередную неделю в голодном заточении, на следующую битву выйдет еще более озлобленный грыал, сжирая любого, кто столкнется с ним на поле брани.

КРИЧАЩАЯ МАНДИС

По преданиям жителей в округе Белингора, Кричащая Мандис живет в пещере под Гнутым Ущельем. Кричащая Мандис — ведьма-людоедка с бледным лицом, изборожденным морщинами, рубцами, и фурункулами.

Всем свои видом она представляет совершенно омерзительное зрелище: тонкие кривые ноги, выпуклый живот с обвисшей кожей и длинные когтистые лапы. К слову, если верить рассказам деревенских жителей, пещеру на самом дне Гнутого Ущелья она вырыла собственными ногтями, и живет в ней и по сей день.

Но главное ее оружие — это голос. С помощью своего визжащего крика она может довести свою жертву до безумия.

Как-то раз, после долгой спячки, Кричащая Мандис вышла из своего логова на охоту. В тот день она съела практически всех жителей ближайшей деревушки, в том числе детей и жену знаменитого кузнеца Нота Силача. Насытившись, Кричащая Мандис вернулась обратно во мрак.

Но обезумевший от горя Нот Силач пообещал отомстить за свою семью и погибших товарищей. День и ночь, не смыкая глаз, он провел за работой над новым мечом в своей мастерской. Поговаривали, что в ту ночь удары о наковальню были столь мощными, что сокрушали дубовые стены кузни.

Наутро, валясь с ног от усталости, Нот Силач вышел наружу, и явил миру могучего

«Карателя». Это была лучшая работа кузнеца из всего, что он когда-либо творил. Высоко занесенный двуручный меч сверкал на бледном утреннем солнце. Особо впечатлительные свидетели позже уверяли, что на мече были выгравированы колдовские руны. Иные были уверены, что Нот закалил меч в жерле адского пламени Проклятой Горы.

Но как бы то ни было, заручившись поддержкой выживших односельчан, Нот Силач отправился в логово бестии. Долго шли они по ее следам, проходя сквозь дикие выжженные земли. Немногие пережили этот опасный путь. В какой-то момент Нот и вовсе отчаялся. Он был уже не в силах идти. Все тело ломило от усталости, и Нот рухнул в небытие.

Во сне ему явился старец в белом балахоне. И протянул он ему тогда склянку с раствором, который защитит Нота от губительного крика ведьмы.

— Но, помни, — наказал седобородый старец, — зелье действует всего лишь час. Поспешите же, отважный путник.

Он взмахнул рукой, указывая дорогу.

— Вон за той скалой ты найдешь то, что ищешь, — сказал старец, и его силуэт начал растворяться.

Как только сон развеялся, Нот Силач тут же проснулся, и обнаружил в своей ладони склянку с зельем. Не мешкая ни минуты, он тут же выпил ее. Нот сразу же ощутил, что он оглох. Кузнец решил не подвергать товарищей опасности, и в одиночку отправился по указанному старцем пути. За поворотом он нашел вход в пещеру. Нот обмотал торс веревкой, и начал спускаться вниз. На самом ее дне он увидел тусклый отблеск костра, и спящую возле него отвратительную старуху. Не мешкая ни минуты, Нот занес меч над головой старухи, и с отчаянным воплем проткнул брюхо Кричащей Мандис. Перед самой смертью она успела раскрыть глаза и заверещать, но Нот Силач не услышал ее вопля.

— Мои жена и дети отмщены, — сказал Нот, и проткнул себя острием «Карателя».

Кузнец свалился наземь. По его щекам текли слезы, а на губах застыла трепетная улыбка.

НЕФИС

(также известен, как «Смерть из морской пучины», «Пожиратель морей»)

Одни говорят, что он является предком Кракена, другие находят общие черты даже с драконами. Но как бы то ни было, Нефис по праву считается истинным повелителем морей.

В научном сообществе Наксона до сих пор ведутся толки и пересуды о том, вышел ли Нефис из глубин вод Астариса, или же прибыл из иного мира. Профессор астрологии Зот Гелифур в своей статье «Созвездие Пегас: Мифы и Факты», утверждает, что несколько сотен миллионов лет назад на Астарис рухнула гигантская комета, принесшая вместе с собой Нефиса.

Ученый называет созвездие Пегас, как наиболее вероятное место пребывания Нефиса. Хотя на защите диссертации по данной теме я так и не услышал от Гелифура мало-мальски убедительных фактов в подтверждение этой теории. А один из его доводов и вовсе был совершенно абсурден, цитирую почтенного профессора: «И самое главное, уважаемая Комиссия, что же представляет из себя по форме созвездие Пегас? Все верно, оно представляет собой некий квадрат, усыпанный звездами, которой напоминают щупальца осьминога. И насколько нам всем известно, Нефис обладает ужасающими по своей величине

щупальцами. Сей факт просто не позволяет нам усомниться в том, что жители планет из сего созвездия почитают Нефиса как главное божество, а значит именно оттуда он и прибыл. Теперь нам остается лишь узнать истинную цель прибытия сего создания в наши края. Нефис хочет поработить нас, сделав своими рабами? Или астариянцами он хочет пополнить ряды своего великого воинства, чтобы в дальнейшем захватить целую вселенную? А, быть может, Нефис потерпел поражение после какой-то битвы, рухнул на Астарис, и погрузился в долгий сон? А когда проснется, то сожрет всех нас, чтобы восстановить свои силы? На данный момент, уважаемая Комиссия у меня нет ответа на данный вопрос. Однако смею вас заверить, что исследованию сего вопроса и собираюсь посвятить всю свою научную карьеру.»

У нас есть всего несколько недостоверных и противоречащих одно другому описаний Нефиса, полученных от моряков и торговцев.

Капитан торговой шхуны «Амфиния» Ортео Зиклин «голову дает на отсечение», что при выходе из Валосского залива повстречал Нефиса, выходящего из морской пучины: «В детстве, по вечерам, сидя у костра, частенько покойный дед Гедвик рассказывал нам про эту тварь. Сущий Дьявол, не иначе. Нифус или Нафюс, или как его там... Но когда я вживую повстречался с этой тварью... Бог ты мой... Даже не знаю, с чего и начать-то...

Казалось, что при его появлении исчезло само Солнце... До этого момента стояла ясная солнечная погода, а потом резко накатили чернющие тучи, полил сильный такой град, и прямо ни с того, ни с сего, образовалась здоровенная такая воронка. Уж не знаю, каким чудом нас в нее ни засосало, да только голову даю на отсечение, что видел его собственными глазами. Парняги из моей команды подтвердят все сказанное. Значитца, так оно было, сразу же после того, как этот водоворот образовался, вокруг сгустились мрачные тучи, зверский ветер пронизывал до костей. Затем раздался чудовищный пронзительный вой, громыхнуло и сверкнула молния. А потом... Потом появился он... Вначале мы даже подумали, что это остров какой-то, просто не заметили его. Да только где ж это видано, чтоб острова то двигались... Он выполз так медленно, будто бы вампирец из гроба поднялся, не иначе. Громаднющий, до самых небес, и глаза такие зверские, будто огнем пылают. Гигантские такие, мерзкие щупальца так и извивались вовсю... Как только я глянул на него, так сразу будто бы он всю радость мира в себя всосал. Ничего подобного раньше не испытывал. У меня аж перед глазами все воспоминания о доме и женошке моей Амфинии промелькнули... Будто бы он отнимает ее у меня... А потом все также внезапно прекратилось, как и началось. Будто бы и не было ничего. Не больше минуты все это дело продолжалось. Но помнить этот кошмар буду до конца жизни. После этого не было ни единой ночи, чтобы я не вскакивал с постели с криком. Даже вот думаю завязать с мореходством-то. Да вот че жрать-то буду, ведь оно как, всю жизнь на море, да на море. Ни к чему больше не приспособлен. Да-да, если к сути-то возвращаться, то одно я могу сказать наверняка. Что бы там эти ваши знатоки из Наксонского Университетца не доказывали, так только никакая это была не галлюцинация. С этой подлюгой никому в жизни не пожелаю повстречаться, разве что только Жирному Берту, этот старый жидюга мне половину...».

ЛАКРУНЫ

Ох, не хотел бы я оказаться на месте человека, разозлившего лакруна. Но, если уж вам не повезло чем-то насолить этому демону, то с сего момента и до самого конца жизни вас

будут преследовать бесчисленные беды. Эти мерзкие создания способны насыпать на своих обидчиков всевозможные болезни, от обычной простуды или головной мигрени, вплоть до самой холеры.

Помимо телесных недугов, если вы навлечете на себя их проклятия, то с этих самых пор вас всю жизнь будет преследовать неудача буквально во всех начинаниях. Мой вам совет: после такого лучше сразу же уйти куда-нибудь в глухой лес или на вершину горы, и до конца своих дней скрываться в захудалой лачуге. Хотя, даже и в таком случае нет никакой уверенности, что это вас убережет от беды. Ни с того ни с сего дверь вашей хибарки слетит с петель и пришибет насмерть. Или же, с головой погрузившись в готовку какой-нибудь похлебки или пирога, вы. Сами того не заметив, переборщите с солью и насмерть отравитесь. Или же ненароком опрокинете маленькую лучину на пол, и сгорите в пожаре. А даже, если и сможете каким-то чудом выбраться из дома, то нет никаких сомнений, что снаружи вас уже будет поджидать голодная стая волков или банда разбойников.

И в этой связи у вас может возникнуть весьма справедливый вопрос: если уж не посчастливилось навлечь на себя беду лакруна, как же от него спастись? На самом деле, есть только один возможный вариант, попросить у него прощения. Беда лишь в том, что практически наверняка он не примет ваши извинения.

Впрочем, другого выхода у вас все равно не будет, так что стоит попытать счастья и на коленях просить прощения у лакруна.

P.S. Больше всего на свете лакруны обожают мятные печенья.

КРАТИВИНИЦА

Вокруг этого целебного растения витает огромное количество слухов и преданий. Среди жителей восточного побережья Нитериса кративиницу называют «листом воскрешающим». Они свято верят, что в руках человека с чистыми и добродетельными помыслами, листьями кративиницы можно вылечить любую рану.

Однако врачи из Дергибского университета заверят вас в том, что целебные свойства кративиницы не далеко ушли от подорожника обыкновенного.

КАШВУРЫ

Одни из лесных божеств, обитающих в Ралидене. Жители деревень почитают их как главных божеств земледелия и плодородия.

Кашвуры имеют человеческое туловище и козлиные копыта. Из кудрявых золотистых локонов на голове выглядывают небольшие кривые рожки. Длинные заостренные уши дополняют нелепости их неказистому виду. Из-под поясницы выпирает кабаний хвостик. Некоторые из кашвуров, любят отпускать длинные лоснящиеся бороды. Зачастую для того, чтобы выделиться на фоне остальных собратьев в тщетных попытках привлечь особь женского пола.

Но, если вы, будучи кашвуром, не особо-то воинственны, а уделяете значение лишь своему внешнему виду, то это не особо вам поможет. Чаще всего, чтобы привлечь внимание женской особи, кашвур должен сразить своего соперника в одиночном поединке.

Кашвуры чрезвычайно ленивые и распутные создания, а посему по лесу чаще всего передвигаются верхом на оленях.

Эти лесные создания большие охотники до всевозможных настоек, вин или эля.

Дважды в год, в последний день осени и первый день весны, каштуры со всего леса собираются вместе и устраивают разгульные пьянки и разнообразные игрища. Как раз в этот период жители близлежащих деревень в надежде благословения их посевов и будущего плодородного урожая, преподносят каштурам всевозможные дары, от вина и мяса до юных девиц. О да, каштуры славятся своей ненасытной похотью, а потому можно только посочувствовать той прелестной особе, на чью долю выпадет оказаться в лапах этих распутных созданий.

Каштур также способен посылать нежелательным гостям его земель кошмарные сны или злобные видения, от которых человек даже может сойти с ума. Он может напугать путника, используя злобные звериные голоса.

Между собой каштуры общаются также с помощью флейт. До сих пор ни одному из членов Наксонского Университета так и не удалось расшифровать этот причудливый язык.

«СУМРАЧНЫЙ ЛЕС: СРЕДОТОЧИЕ ВСЕЙ МАГИИ АСТАРИСА И ВЕЛИЧАЙШЕЕ НАДУВАТЕЛЬСТВО В ИСТОРИИ?»

(Отрывок из работы профессора всеобщей истории Астариса и историографии Центральной Кэрвельской Цитадели Знаний Аглерису Клервина.)

Многие века назад объединенный орден магов из всех королевств Астариса наложил защитные чары на границы Сумрачного Леса. Сам же лес являл собой некую Срединную Зону. Одни народы называли ее «междуизмереньем», каберлинги свято верили, что живым из того места не никто не возвращается, хотя многие ученые не раз это опровергали. Но как бы то ни было, обычным лесом это место уж точно не назвать.

Посвятив значительную часть жизни детальному исследованию феномена Сумрачного Леса, становится очевидным, что любое живое существо, едва переступив его границы, оказывается вне пространства и времени. Никакие известные нам законы материи там не работают. Этот вывод мне удалось сделать на основании довольно обрывочных и неполных показаний выживших свидетелей. Впрочем, то, чем являлись эти бедолаги после посещения Сумрачного Леса, назвать полноценной жизнью просто невозможно.

Несколько десятилетий назад лорд Ледяного Клыка Сэдвелл Нейман отправил в Сумрачный лес дюжину дезертировавших во время битвы воинов. Одному из них, юному сыну мельника, Аксису Мэфтону, удалось выбраться из леса через несколько дней. И то, что он поведал, походило скорее на горячечный бред, чем на связный ответ здравомыслящего человека. Юноша рассказал, что встретил там отца, сгоревшего прямо на его глазах шесть лет назад. А выход из леса ему указала легендарная жрица лебертских сказаний Вилоока Серебряная. Со словами «слишком рано, твой час еще не пробил», взмахом руки она освятила ему тропинку, выведшую Аксиса из леса.

Другие свидетели уверяли, что, заснув под елью в Сумрачном Лесе, поутру они оказывались в совершенно неведанных местах, с раздвоенными солнцами на небе и искрящимися удивительным многообразием цвета звездами.

ПРЕДАНИЕ О «ТЕМНЫХ»

Бесформенные порождения тьмы, явившиеся в наш мир только с одной целью —

уничтожить все живое. Как указывают в своих трудах монахи Прекрионской обители, с приходом Темных на Астарисе воцарится крошечная и всепоглощающая тьма, которой не будет конца. Предвестники всеобщей гибели и конца самой истории, они придут вместе с богомерзкими порождениями зла, сотворенными в бездонных пучинах страха и мерзости. Неисчислимое воинство Темных притворит в пепел каменные твердыни людей, утопающих от собственной гордыни и высокомерия, изничтожит жадных и надменных королей и лордов, обнищавших горожан и крестьян. Любого, кто посмеет встать на их пути.

И лишь только омерзительные варенаксы, по всей видимости, давние потомки Темных, примкнут к их бесчисленному полчищу. Варенаксы почитают их как Богов, и без сомнения, преклонятся перед их могуществом.

Могучий предводитель Темных, ужасающий Повелитель, чье имя неизвестно не только ученым Наксонского университета, но и в любой другой известной мне цитадели знаний, покоится в своих мрачных чертогах в ожидании, когда слуги пробудят его от вечного сна. Он настолько стар, что и сам уже не помнит, когда родился, и с какой целью бороздит бескрайние просторы Вселенной. Все, чего он по-настоящему желает — утолить свой голод и погрузиться в беспробудный сон. Однако его голод не знает меры. И поглощая планету за планетой, звезду за звездой, галактику за галактикой, он становится все более прожорливым. И главные помощники его, Верховные Всадники Смерти уже собирают свое войско. И близится тот роковой час, когда темная губительная лавина хаоса обрушится на Астарис, и не останется на свете ничего, кроме вечной тьмы.

И совсем скоро грядет тот роковой час, когда само Его существо станет настолько безграничным и всеобъемлющим, что Он пожрет всю зримую Вселенную. И, возможно, лишь тогда, наконец, сможет заснуть.

Темные передвигаются словно тени. От их неумолимого взора нет спасения. Они обитают во Тьме. Рождаются в ней, и питаются ею. Они не могут умереть во Тьме, и даже Свет не может уничтожить их полностью. Способен лишь только прогнать, но не убить.

Они — это Смерть.

Они — это Хаос.

Хаос, бороздящий бескрайние просторы Вселенной.

Хаос, способный перемещаться вне пространства и времени.

Для них нет никаких преград. Они могут оказаться в любом измерении в любом промежутке времени и месте.

Они — это Начало и Конец.

Но в то же время Они настолько непостижимы, что не имеют ни Начала, ни Конца, поскольку само существо Их безгранично.

Его ученики, награжденные за верную службу частичкой могущества Агэльфиуса, были способны путешествовать сквозь целые измерения, изменять привычное течение времени и подчинять своей воле саму реальность. Его слуги превращали в руины целые королевства, низвергали величайших правителей со всего света и лишь только объединенными усилиями девяти лидеров сильнейших народов Астариса они смогли низвергнуть Общего Врага. Но то было лишь в самом конце долгого и кровопролитного противостояния. За десятилетия непрерывной войны за само существование Астариса полегло сотни тысяч воинов, простых

горожан и крестьян, и прочих выходцев из Сумрачного Леса.

У Него не было цели подчинить своей воли народы Астариса и властвовать над ними. Он преследовал лишь одну единственную цель — уничтожить наш мир и создать на его месте свой собственный.

ЦИРЕЛЛЫ

Едва переступая порог Налиденского леса, взору предстает удивительной красоты картина. Верхушки громадных раскидистых дубов возносятся далеко в небеса. В кустистых ветвях этих исполинских деревьев живут загадочные лесные обитатели, покровители и хозяева всех животных, птиц и растений. Повсюду цветут поразительной красоты цветы, журчат многочисленные ручейки, и доносится улаждающее слух пение канареек.

В этой местности можно повстречать и исполинских циреллов. Эти величественные «старосты леса» вызывают безграничное уважение даже у лучезарного гордеца Кальвина, одного из первых вождей каберлингов.

Когда решающая битва за Острые Пики была едва не проиграна, отчаявшийся Кальвин обратился за советом к совету циреллов. Горделивый предводитель каберлингского племени ради спасения своего рода поднес в качестве даров бесчисленное множество сундуков с золотом, изумрудами и прочими украшениями. Мудрый цирелльский «совет двенадцати» внимательно выслушал каберлингского короля, но не принял ни единого дара. И хотя до Налидена разрушительные деяния варенаксов еще не добрались, циреллы прекрасно понимали, что это лишь вопрос времени. А посему они благословили Кальвина и его доблестное воинство на победу в жесточайшем сражении с ужасающими варенаксами, оскверняющими своими злодеяниями многие дивные леса Астариса. Едва эти омерзительные создания переступали порог леса, после них уже ничто не оставалось в живых: одна только выжженная земля, источающая мерзкое зловоние.

И действительно ли тому поспособствовало благословение циреллов, или все дело было в непоколебимой отваге и мужестве каберлингов, да только их многотысячное войско, под предводительством Кальвина Неустрашимого, одержало верх в кровопролитном побоище на Острых Пиках.

Много в тот день погибло доблестных каберлингов, включая самого вождя Кальвина, но стоили того эти жертвы? Никто вам не ответит. На долгие десятилетия убрались варенаксы в свою подземную обитель, подготавливая почву для дальнейших, куда более смертоносных, набегов.

Насколько стары циреллы, вам точно не ответит ни один ученый муж Наксонского университета. Профессор Квентивур в своем «Восходе и Падении Людских Королевств» делает предположение, что эти создания были свидетелями правления первого доподлинно нам известного короля лебертов Эттэриса Лучезарного.

По внешнему облику эти величественные пастыри леса немногим отличаются от человека. Основное отличие — это рост и обилие волос на теле. Нынеживущие циреллы достигают ростом пяти-шести метров, хотя по найденным остаткам циреллов из Восходной Эпохи есть основания полагать, что еще несколько тысячелетий назад они могли быть ростом с главную башню замка Воднор — добрый десяток метров.

ОБ АГЭЛЬФИУСЕ

В первые десятилетия Восходной Эпохи, у каждого из сильнейших магов и королей со всего Астариса хранилось по обломку агэльфиуса — мощнейшего артефакта во всем мире. Если же собрать все обломки воедино, то получится целый агэльфиус и тогда тот, кто им обладает, сможет править всеми остальными.

Агэльфиус обладал необузданной, непомерной силой. По воле своего хозяина он мог подчинять себе любое живое существо, воскрешать из мертвых, был способен изменять саму реальность, и, как утверждает Ларация Серана в своем «Межзвездном скитальце», позволял проходить сквозь пространство и время.

Этот камень был истинным лицом магии. Он и являл собой магию, был ее началом и концом, ее неиссякаемым источником. Короли, владеющие хотя бы частичкой агэльфиуса, направляли всю его мощь против своих врагов, у которых не было ни единого шанса выжить.

Агэльфиус являл собой самое драгоценное из всех мыслимых сокровищ, и был в стократ дороже любых бриллиантов или алмазов.

Официальная версия, исходящая из королевского двора Антрексии гласит, что все существующие осколки камня остались лишь только во владении династии Стокмаров. Никто точно не знает, куда подевалось большинство осколков агэльфиуса на самом деле. Иные говорят, что знают, но явно лукавят.

Но как бы то ни было, один факт до сих пор не дает мне покоя. Если, когда-нибудь объявится тот, кто захочет вновь собрать все осколки камня воедино, ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Под угрозой может оказаться не только весь Астарис, но и сама Реальность.

Как хорошо, что к тому моменту в живых меня уже не будет.

Р. С. Регаций с кафедры естествознания, не волнуйся, у меня еще хватит здоровья, чтобы отыграть у тебя те проклятущие двадцать деинов в сэркесе.

СОБРАНИЕ ДОСТОЙНЫХ

На Астарисе с незапамятных времён между собой воевали не только лишь людские королевства. Среди противоборствующих сил были и племена каберлингов, и достославные леберты, и множественные расы, находящиеся за пределами Кораллового моря. Расы, сведения о которых имеются лишь в личной библиотеке ректора Наксонского Университета.

А уж о созданиях, пришедших в наш мир из Сумрачного Леса, даже и говорить не стоит.

Но в те давние времена, когда в Астарисе еще только зарождалась магия, а такой страны, как Антрексия, еще даже не существовало, в наш мир пришла страшнейшая угроза.

Угроза, способная стереть само понятие Реальности.

Никто до сих пор не знает, откуда точно они явились. Из Сумрачного Леса, или откуда еще, но это было не столь важно.

Важнее всего было объединиться перед угрозой Смертоносного Врага.

Это событие вошло в хроники как «Великое Собрание» или «Великая восьмерка», иные называют его «Собрание Достоянных». В тот день легендарнейшие правители крупнейших

народов Астариса сложили оружие, чтобы объединиться перед лицом Общего Врага. Император шести объединенных человеческих государств Энкартон Орнас I сидел за одним столом с вождем каберлингов Гериксом, а таинственная жрица Лесного Народа из Налидена, Вилоока Серебряная, распивала чай, поданный ей королем каберлингов.

Казалось, в тот день течение время будто бы остановилось, и некогда враждующие расы заключили перемирие, которое в конечном счете позволило одолеть Общего Врага. Летописцы каждого народа по-своему называли эту войну в своих произведениях. Даже на всеобщем языке до сих пор нет универсального названия, каждый называет ее на свой манер: «Танец жизни и смерти», «Битва с Хаосом», и так далее.

Но куда более важен сам итог войны — победа над силами Хаоса.

«Великая Восьмерка» заключила перемирие, и, объединив силы, вступили на смертную тропу противостояния Хаосу. Не один год длились те кровавые побоища, после которых было уничтожено больше половины населения всего Астариса. Повсюду, с южного побережья Агерона до Ледяного Клыка на севере, тлели пожары, разрушались величайшие храмы и красивейшие дворцы. И в конечном итоге, ценой бесчисленных жертв, объединенным силам «Восьмерки» удалось-таки победить Врага.

На какое-то время.

Они запечатали его в темных глубинах Игдерсиса без какой-либо надежды, что это задержит его надолго. И они не ошиблись. Оставалось лишь надеяться, что за тысячелетия, проведенные в заточении, Враг станет гораздо слабее. «Восьмерке» не удалось до конца обуздать мощь Врага. И не было никаких сомнений, что через сотни или даже тысячи лет, но, в конечном счете, Он вернется.

И гневу Его не будет предела.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Глоссарий

Кремсбоны — любимое лакомство жителей центральной Антрексии. Круглые мучные изделия с добавлением творога. Обычно готовятся в печи, или в котелке на огне.

Спрэлл — сильногазированный безалкогольный напиток с добавлением корицы или мяты на выбор. Можно употреблять как в чистом виде, так и в виде коктейля с любым алкогольным напитком.